

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

5 2026
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 5 (608) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Бертран Рассел* (1872–1970), британский философ, логик, математик и общественный деятель.

Лорд Бертран Артур Уильям, третий граф Рассел, родился в графстве Монмутшир (Уэльс). Уже к своему четвертому дню рождения он остался полным сиротой. После смерти родителей мальчика, его старшего брата Фрэнка и сестру Рэйчел взяла на попечение их бабушка — графиня Рассел. Бабушка была достаточно строгой и серьезной леди и бездельничать внукам не давала. К пятнадцати годам будущий философ уже свободно знал немецкий и французский языки. Мальчик увлекался естественной историей, античной философией и математикой.

В 1889 году Бертран Рассел поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета. Уже на втором году обучения ему была оказана высокая честь: математик и философ Альфред Уайтхед предложил принять юного Рассела в дискуссионное общество «Апостолы». В этом обществе Рассел сдружился с Джорджем Эдвардом Муром, который стал его ближайшим другом на много лет.

Дед Бертрана — лорд Джон Рассел — в юности встречался с Наполеоном, а потом был и министром внутренних дел, и премьером. Таким образом его внуку была обеспечена прекрасная карьера, во всяком случае ее начало. Бертран начал дипломатическую работу в Париже, затем его перевели в Берлин. Там он не только работал в посольстве, но и изучал немецкую философию. Молодой человек приступил к изучению трудов Маркса, общался с лидерами социалистов и в 1896 году издал ставшую классической книгу: «Германская социал-демократия». После ее выхода в свет он стал знаменитым.

В Англии и США его пригласили читать курс лекций, а в 1900 году он участвовал во Всемирном философском конгрессе в Париже. Его увлечение марксизмом, казалось, приведет его как минимум в ряды радикальных социалистов. Но, отдавая должное социалистическим идеям, Рассел был категорически против государственного контроля над общественным производством. Он вообще считал государственные машины и произвол чиновников причиной большинства бед человечества.

Когда началась Первая мировая война, Рассел немедленно вступил в организацию «Противодействие призыву на военную службу». Он анонимно издал листовку «Два года тяжелой работы для отказывающихся повиноваться велению совести». В ней он выступил в защиту права человека отказаться от воинской повинности. Руководство Тринити-колледжа, где он уже был преподавателем, вынуждено было уволить его. Он продолжил бороться за право отказываться от призыва по религиозным

и политическим мотивам и написал в «Таймс» статью, основная мысль которой звучала неделикатно: «Политическая свобода в Великобритании обернулась фарсом». Его оштрафовали на сто фунтов стерлингов, конфисковали библиотеку, и закончилось это в 1918 году заключением в Брикстонскую тюрьму на шесть месяцев. За решеткой он написал «Введение в философию математики».

В мае 1920 года Бертран Рассел отправился в составе лейбористской делегации в Россию, где провел месяц. «Лорд-большевик» встретился с Троцким, с Горьким, поэтом Александром Блоком, выступил с лекцией в Петроградском математическом обществе. И конечно, около часа беседовал с Лениным. В ходе бесед с Лениным Бертран Рассел отметил его ограниченность и узколобое понимание марксистской ортодоксии, озлобленность и жесткость. Результатом этой поездки стали книги «Практика и теория большевизма» и «Большевизм и Запад».

Бертран Рассел путешествовал по миру, читая лекции в Америке, Китае и Европе. В Кембридже в 1945 году вышла книга «О человеческом познании. Его сферы и границы», в которой Бертран Рассел доступно изложил основные философские принципы естественных наук.

В период Второй мировой войны Рассел отказался от пацифизма и издал две фундаментальные работы: «Исследование значения и истины» и «История западной философии». При этом он не прекращал активно бороться за мир: в 1950–60-е годы выступал против ядерного оружия и за участие в антивоенных акциях снова оказался в тюрьме.

В следующие годы Рассел усиленно изучал педагогику, включая новаторские методы образования. Он написал книги «Об образовании», «Образование и общественный строй».

Еще во время учения в Кембридже Бертран Рассел близко познакомился с Элис Смит, происходившей из рода филаделфийских квакеров. Интересно отметить, что Бертран Рассел был официально женат четыре раза, не считая многочисленных романов с поклонницами его таланта. Свои взгляды на супружеские отношения Бертран Рассел изложил в книге «Брак и нравственность», за которую в 1950 году получил Нобелевскую премию по литературе.

До конца жизни Рассел отстаивал свои идеи и выпустил несколько десятков книг. Последними его книгами стали «Портреты по памяти», «Факт и вымысел», третий том «Автобиографии». Умер Рассел 2 февраля 1970 года от гриппа, прожив почти столетие.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Никифорова О. В.

Понятие и классификация массовых мероприятий 345

Панин И. П.

Мошенничество в уголовном праве России: анализ криминообразующих признаков и проблем квалификации 348

Пектубаева А. С.

Актуальные проблемы квалификации мелкого взяточничества 351

Полещук В. В.

Цифровизация миграционного контроля как фактор повышения эффективности миграционной политики 353

Рыжко В. В.

Правовой статус товарного агрегатора: проблемы разграничения ответственности между маркетплейсом и продавцом 356

Савицкая Д. Д.

Формализация прокурорского надзора как фактор снижения эффективности защиты прав личности 358

Савицкая Д. Д.

Влияние цифровизации государственного управления на гарантии прав личности: роль прокуратуры 360

Сижажев А. Т.

Корпоративная социальная ответственность и права человека: правовой аспект 362

Сиротина А. А.

Договор подряда для государственных и муниципальных нужд по законодательству зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ 363

Соколов И. А.

Развитие законодательства Российской Федерации в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма 366

Соколова А. В.

Понятие и виды полномочий органов местного самоуправления 368

Тайнашкин И. П.

Контроль за деятельностью религиозных организаций в России 371

Толстых Д. С.

Судебная защита экологических прав человека в Оренбургской области 374

Томилова И. И., Калачев М. Д.

Институт гражданства Российской Федерации в свете законодательных новелл 2023 года 376

Федоров Е. Э.

Обжалование в суд действий и решений должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан 380

Хайрулаев Д. А.

Эволюция деликтных обязательств и новые вызовы 384

Цыганков К. М.

Влияние решений коллегиальных органов на ответственность директора за причиненные хозяйственному обществу убытки 386

Чабанова А. Ю., Козлов В. Н., Позыгун С. В., Марчукайтис О. В.

Специфика правоохранительной службы: понятие, правовая природа, отличия от гражданской государственной службы 390

Черкасова А. А.

Проблемы расследования незаконной рубки лесных насаждений 393

Ширшова А. М.

Договор коммерческой концессии и франчайзинга в предпринимательской деятельности 394

Шкредова Н. А.

Предмет лицензионного договора: границы допустимой неопределенности и риск признания договора незаключенным 397

Шпилина Д. Ю.

Правовые аспекты льготного лекарственного обеспечения отдельных категорий граждан... 399

ИСТОРИЯ

Карасев А. А.

Позиции Австро-Венгрии в отношениях с Сербией накануне Первой мировой войны (1912–1913 гг.) 403

Лобанов Д. В.

О древнем вятском роде Юферевых 407

ПОЛИТОЛОГИЯ

Назарова Е. А.

Социальное восприятие африканских студентов в России: анализ современных повседневных практик расизма и экзотизации на примере университета во Владивостоке 411

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Понятие и классификация массовых мероприятий

Никифорова Ольга Викторовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье автор рассматривает вопросы содержания термина «массовые мероприятия» в контексте обеспечения общественного порядка в период их проведения и исследует виды массовых мероприятий

Ключевые слова: массовые мероприятия, публичные мероприятия, зрелищные мероприятия, религиозные мероприятия, общественный порядок

Как справедливо отмечают Н. А. Кулаков, Д. Р. Усманова, «обеспечение должного уровня и состояния общественного порядка является залогом благоприятных условий для развития гражданского общества, состояния защищенности прав и интересов населения, а также экономического прогресса» [1, с. 30].

Необходимость своевременного и в соответствии с действующим законодательством реагирования на потенциальные угрозы общественной безопасности обуславливает роль органов внутренних дел в обеспечении общественного порядка при проведении массовых мероприятий. Эффективность обеспечения полицией охраны общественного порядка в период проведения массовых мероприятий зависит от совокупности внешних и внутренних факторов, в том числе характера мероприятия, уровня социального напряжения, правовой основы. Деятельность сотрудников полиции должна осуществляться в строгом соответствии с законом в пределах установленной компетенции.

На сегодняшний день в Российской Федерации отсутствует единое научное понятие термина «массовые мероприятия», несмотря на его широкое применение в ведомственных нормативных актах и служебных документах правоохранительных органов [2, с. 44].

В Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. «О полиции» [3] (п. 6 ч. 1 ст. 12) закрепляется обязанность органов внутренних дел обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок при проведении определенных видов мероприятий, которые дифференцированы на публичные мероприятия (собрания, митинги, демонстрации, шествия и другие публичные мероприятия) и массовые мероприятия (спортивные и зрелищные, иные массовые мероприятия). Отметим, что пикетирование в список публичных мероприятий не включено, что можно считать оправданным, поскольку этот вид акции не предпо-

лагает массового скопления людей. Однако неясным остается принцип отнесения мероприятия к публичному или массовому.

К определению понятия «массовое мероприятие» в юридической науке существуют различные подходы. Одним из первых, по мнению научного сообщества, данный термин ввел В. В. Ларин в середине 80-х гг. XX в., обращая внимание на то, что процессу свойственен организованный характер. По мнению В. В. Ларина [4, с. 54], массовые мероприятия представляют собой совокупность определенных действий или определенных явлений социальной жизни. Исследователь акцентирует внимание на участии больших масс граждан, а именно трудящихся, что является характерной чертой того времени. Интересы такой организованной массы людей выражены в удовлетворении своих политических, духовных, физических и иных потребностей. Граждане таким образом заявляют о своих правах и свободах, а также между участниками массового мероприятия происходит социальное общение. Это является своеобразным способом выработки единства установок не только личности, но и коллектива, а также общества в целом.

Массовым мероприятием, по мнению М. А. Камилова [5, с. 66], является организованное одновременное открытое мирное пребывание двух и более человек в общественном месте для достижения определенных целей. Исследователь выделяет следующие характерные для массового мероприятия признаки: массовость; организованность; целенаправленность; мирность; открытость; проведение в общественном месте.

Массовое мероприятие А. В. Гусевым [6, с. 37] рассматривается как совокупность действий или явлений социальной жизни с участием больших масс людей, проводимое в общественном месте в регламентируемом государством порядке для удовлетворения их политических, духовных,

экономических, культурных, религиозных и других потребностей, являющееся активной формой реализации их прав, свобод и законных интересов.

В Определении Конституционного суда Российской Федерации № 1721-О от 24 октября 2013 г. [7] к категории «Массовое одновременное пребывание или передвижение в общественных местах» отнесены «не любые проводимые в общественных местах мероприятия, а лишь такие массовые мероприятия, которые преследуют заранее определенную цель, характеризуются единым замыслом их участников и свободным доступом граждан к участию в них, но не являются публичными мероприятиями по смыслу Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (п. 1–6 ст. 2)».

Основные критерии по определению перечня мест массового пребывания людей содержатся в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [8], согласно которому под местом массового пребывания людей понимается территория общего пользования федеральной территории, поселения, муниципального округа или городского округа, либо специально отведенная территория за их пределами, либо место общего пользования в здании, сооружении, на ином объекте, на которых при определенных условиях может одновременно находиться более 50 человек.

Отметим, что минимальное количество для определения мероприятия в качестве массового — 10 человек, предусмотрено Положением о порядке организации и проведения массовых мероприятий и фейерверков в городе Челябинске, утвержденным Постановлением города Челябинска Челябинской области от 25 августа 2016 г. № 366-п [9].

Следует отметить, что несмотря на отсутствие в федеральном законодательстве нормативного закрепления понятия «массовое мероприятие», оно отражено в некоторых нормативных правовых актах регионального уровня, а также в подзаконных актах.

Классификация массовых мероприятий имеет практическое значение для дальнейшего совершенствования работы органов внутренних дел по обеспечению безопасности граждан и общественного порядка при их проведении. Рассмотрим основную методику классификации через юридическое содержание массовых мероприятий [10, с. 512]:

1. Публичное мероприятие — открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений.

Право граждан на публичные мероприятия закреплено в ст. 31 Конституции Российской Федерации — «Граждане Российской Федерации имеют право собираться

мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Соблюдение этого положения является важным условием реализации других конституционных прав и свобод граждан, таких как свобода мысли и слова, совести и вероисповедания, право участвовать в управлении делами государства, право избираться и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в референдуме.

В Федеральном законе от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» представлен исчерпывающий список видов публичных мероприятий:

собрание — совместное присутствие граждан в специально отведенном или приспособленном для этого месте для коллективного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов (п. 2 ст. 2);

митинг — массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера (п. 3 ст. 2);

демонстрация — организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения, в том числе на транспортных средствах, плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации (п. 4 ст. 2);

шествие — массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам (п. 5 ст. 2);

2. Официальные физкультурные мероприятия и спортивные мероприятия, включенные в Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных и спортивных мероприятий, календарные планы физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий субъектов Российской Федерации, муниципальных образований [10, с. 514].

В Федеральном законе от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [11] закреплены основные понятия.

Особенностью этого вида массовых мероприятий является присутствие большого количества участников и зрителей (болельщиков), представляющих один из видов толпы.

3. Культурно-зрелищные мероприятия — демонстрация информационной продукции в месте, где присутствует значительное число лиц, посредством проведения театрально-зрелищных, культурно-просветительских, зрелищно-развлекательных мероприятий. В соответствии с Федеральным законом от 21 апреля 2025 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» и статьи 20.2 и 37 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [12] были установлены особенности обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при организации и проведении зрелищных мероприятий.

4. Религиозные мероприятия — публичные богослужения, другие религиозные обряды и церемонии (включая молитвенные и религиозные собрания). Правовые основы закреплены в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [13]. Целью религиозных массовых мероприятий является удовлетворение религиозных потребностей верующих в рамках свободы совести и свободы вероисповедания, предусмотренных ст. 28 Конституции Российской Федерации.

Пунктом 5 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» установлено, что при проведении публичных богослужений, других религиозных обрядов и церемоний в общественных местах в условиях, которые требуют принятия мер, направленных на обеспечение общественного порядка и безопасности как самих участников религиозных обрядов и церемоний, так и других граждан, религиозные массовые мероприятия осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий, демонстраций.

5. Специальные мероприятия — охранные, режимные, технические и иные мероприятия по обеспечению безопасности объектов государственной охраны на охраняемых объектах и на трассах проезда (передвижения) объектов государственной охраны.

Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» [14] закрепляет основные принципы и содержание деятельности по осуществлению государственной охраны в Российской Федерации, а также устанавливает понятийный аппарат.

6. Смешанные мероприятия — данный вид мероприятий предполагает объединение разных видов активностей: художественно-творческих, религиозных, спортивно-оздоровительных, познавательных и других.

По мнению А. О. Шихалова [15, с. 13] к вышеперечисленным массовым мероприятиям необходимо добавить выборы — как форму прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конститу-

циями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица.

Основные гарантии реализации гражданами Российской Федерации конституционного права на участие в выборах и референдумах закреплены в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [16].

Массовые мероприятия также могут быть классифицированы по иным основаниям:

по территории проведения различают районные, межрайонные, городские, региональные, федеральные, международные массовые мероприятия;

по способу возникновения массовые мероприятия делятся на плановые (организованные) и неорганизованные (спонтанные);

по возможности участия — на общедоступные и закрытые;

по периодичности проведения — на разовые, периодические и повседневные;

по характеру действий их участников — на динамичные, статичные, смешанные;

по месту проведения — проводимые в закрытых сооружениях, или на открытых (публичных) местах.

Таким образом, действующее законодательство не содержит единого определения массового мероприятия, что затрудняет правоприменение. В нормативных актах без раскрытия сущностных признаков самого явления либо перечислены конкретные формы мероприятий, либо характеристики мест их проведения. Системный подход к дифференциации массовых и публичных мероприятий в Российской Федерации отсутствует. Выделение критериев разграничения терминов «массовое мероприятие» и «публичное мероприятие» будет способствовать правильной квалификации правонарушений и применения мер юридической ответственности.

Литература:

1. Кулаков Н. А. Некоторые проблемы законодательного регулирования административной деятельности полиции по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и противодействию преступности / Н. А. Кулаков, О. С. Габова, Д. Р. Усманова // Актуальные проблемы общественных наук: теоретическо-прикладной аспект: Материалы международной научно-практической конференции, Хабаровск, 14–15 октября 2020 года / Издательский центр «Форпост науки». — Хабаровск: Форпост науки, 2020.
2. Виноградов Д. А. Массовые и публичные мероприятия как объект административно-правового регулирования в Российской Федерации: понятие и виды // Московский научный юридический журнал. 2024. № 6.
3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года (ред. от 15 декабря 2025 года) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). 2011. № 7. Ст. 900; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 15 декабря 2025 года № 001202512150051.
4. Ларин В. В. Понятие административно-правовой охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий // Теория и практика совершенствования охраны общественного порядка. М., 1985.
5. Камилов М. А. Соотношение дефиниций «массовые мероприятия», «публичные мероприятия» и «массовые публичные мероприятия» в российском праве // Журнал научных и прикладных исследований. 2016. № 2.

6. Гусев А. В. К вопросу об определении категории «массовое мероприятие» в контексте охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 3.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2013 года № 1721-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шерстюка Алексея Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями части 1 статьи 3.5 и части 1 статьи 20.2.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155235/ (дата обращения: 17.12.2025).
8. Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ (ред. от 28 февраля 2025 года) «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146; СЗ РФ. 2025. № 9. Ст. 845.
9. Постановление города Челябинска Челябинской области от 25 августа 2016 года № 366-п (в ред. от 20 сентября 2022 года) «Об утверждении положения о порядке организации и проведения массовых мероприятий и фейерверков в городе Челябинске» // Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/432997529> (дата обращения: 17.12.2025).
10. Административная деятельность полиции: учебник / Р. Ю. Аврутин, Н. Н. Паук, С. С. Лампадова. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2024.
11. Федеральный закон от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ (в ред. от 28 ноября 2025 года) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242; СЗ РФ. 2025. № 48. Ч. 3. ст. 7251.
12. Федеральный закон от 21 апреля 2025 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» и статьи 20.2 и 37 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 17. Ст. 2116.
13. Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 года) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465; СЗ РФ. 2025. № 31. ст. 4673.
14. Федеральный закон от 27 мая 1996 года № 57-ФЗ (ред. от 1 сентября 2025 года) «О государственной охране» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594; СЗ РФ. 2025. № 9. ст. 852.
15. Организационно-правовое обеспечение деятельности территориального органа МВД России при проведении массовых мероприятий: монография / Р. Ю. Аврутин, Т. Ф. Фомина, А. О. Шихалов, Б. С. Лысцев, О. С. Габова. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2024.
16. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 года) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; СЗ РФ. 2025. № 21. Ст. 2536.

Мошенничество в уголовном праве России: анализ криминообразующих признаков и проблем квалификации

Панин Иван Петрович, студент магистратуры
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

В статье исследуются криминообразующие признаки состава мошенничества (ст. 159 УК РФ) с целью его отграничения от смежных составов преступлений и обеспечения правильной квалификации деяния. Особое внимание уделено анализу объективной и субъективной сторон мошенничества, включая способы совершения (обман, злоупотребление доверием), предмет преступления и специфику субъекта. Рассмотрены вопросы квалификации при наличии квалифицирующих признаков и отграничения мошенничества от кражи, грабежа, разбоя и вымогательства. Автором обозначены проблемы квалификации мошенничества в сфере предпринимательской деятельности и предложены пути совершенствования уголовного законодательства в данной области. Подчеркивается необходимость комплексного подхода к противодействию мошенничеству, включающего правовые, финансовые и образовательные меры.

Ключевые слова: мошенничество, уголовное право, квалификация преступлений, обман, злоупотребление доверием, объективная сторона, субъективная сторона, квалифицирующие признаки, смежные составы преступлений.

Мошенничество как форма хищения представляет собой сложное и многогранное явление в сфере уголовного права. Установление всех криминообразующих признаков состава преступления, предусмотрен-

ного статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, имеет ключевое значение для отграничения его от смежных составов и правильной квалификации содеянного.

«Объективная сторона мошенничества характеризуется противоправным, безвозмездным изъятием чужого имущества или приобретением права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Такая противоправность заключается не только в нарушении закона, но и в отсутствии у лица прав на предмет мошенничества» [1, с.204].

Предметом мошенничества может выступать как имущество, обладающее материальностью и экономической ценностью, так и право на имущество. Гурова Е. А. определяет вещь как «индивидуально определенный предмет материального мира, созданный человеком или природой, служащий для удовлетворения потребностей индивида» [2, с.99]. Важно отметить, что экономическая ценность предмета соотносится как с объективной рыночной стоимостью, так и с субъективным восприятием этой ценности потерпевшим. Даже если предмет не обладает значительной рыночной стоимостью, но представляет ценность для потерпевшего, завладение им путем обмана может образовывать состав мошенничества. «Такой обман должен быть направлен на противоправное завладение имуществом или правом на имущество, и может касаться любых обстоятельств, значимых для принятия решения о передаче имущества» [3, с.80]. Важно отметить, что если эквивалент предоставлен, но является заведомо неравноценным, признак безвозмездности сохраняется.

«Моментом окончания мошенничества считается момент, когда предмет преступления поступил в незаконное владение виновного и он получил реальную возможность им распорядиться» [4, с.68]. Так, гражданка была осуждена за регистрацию на свое имя земельного участка на основании поддельных документов (Дело № 1–55/2022, Ленинский районный суд г. Махачкалы Республики Дагестан).

Анализ субъективных признаков в составе мошенничества имеет определяющее значение для квалификации данного преступления. Установление субъекта преступления является краеугольным камнем при рассмотрении дел о мошенничестве, поскольку именно наличие у лица определенных законом признаков, таких как вменяемость и достижение установленного возраста, предопределяет возможность привлечения его к уголовной ответственности.

Субъектом мошенничества выступает вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста (ст. 20, 21 УК РФ). Возраст, с которого наступает уголовная ответственность за мошенничество, обусловлен степенью зрелости личности, ее способностью осознавать противоправность своих действий и нести за них ответственность. Установление в законе конкретного возрастного порога является выражением принципа индивидуализации уголовной ответственности и учитывает особенности психофизиологического развития несовершеннолетних.

Обязательными элементами субъективной стороны являются прямой умысел, направленный на завладение чужим имуществом или правом на него, а также корыстная цель — стремление к имущественной выгоде.

Квалифицирующие признаки (группа лиц, организованная группа, крупный или особо крупный размер, служебное положение, лишение права на жилое помещение) существенно повышают общественную опасность деяния и, как следствие, влияют на размер наказания (ст. 159 УК РФ).

Для квалификации, необходимо установить четкое распределение ролей и функций между участниками. Отсутствие согласия на совместное совершение хищения может означать простое соисполнительство.

Корыстная цель, как обязательный элемент мошенничества, выражает стремление виновного к получению имущественной выгоды, материального обогащения за счет имущества или имущественных прав другого лица, что является основным мотивирующим фактором совершения данного преступления. Это намерение незаконно обогатиться, вступая в противоречие с принципами справедливости и равенства, является ключевым для определения мошенничества как преступного деяния.

Под корыстными мотивами подразумеваются личные материальные потребности лица, которые оно стремится удовлетворить путем совершения преступления, связанные непосредственно с обогащением, в то время как корыстная цель представляет собой конкретное намерение получить выгоду в результате мошеннических действий. Понимание данной разницы подчеркивает обязательный элемент корыстной цели в мошенничестве, в отличие от более широких корыстных мотивов, которые лежат в основе мотивации.

Вопросы, связанные с квалификацией мошенничества при наличии квалифицирующих признаков, представляют собой сложную и многоаспектную проблему, возникающую в сфере уголовного права. Правильное установление и юридически грамотное закрепление квалифицирующих признаков, имеет ключевое значение для дифференциации уголовной ответственности и назначения справедливого и объективного наказания. Исследование проблем, возникающих при квалификации мошенничества при наличии квалифицирующих признаков, позволяет выявить недостатки, имеющиеся в действующем законодательстве и правоприменительной практике, а также разработать научно обоснованные рекомендации, направленные на их устранение. Углубленное исследование указанных нюансов, будет способствовать повышению эффективности борьбы с мошенничеством и обеспечению защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от данного вида преступлений.

«Квалификация преступления представляет собой установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [1]. Для квалификации деяния как мошенничества следует определить все компоненты состава данного преступления. Процесс квалификации преступления требует кропотливого анализа абсолютно всех факторов дела, а кроме того, углубленного знания

уголовного закона и пояснений высших судебных инстанций. Немаловажно принимать во внимание не только лишь формальные признаки состава преступления, однако и его общественную сущность, а кроме того, цели, какие преследовал законодатель, определяя уголовную ответственность за это деяние.

Использование служебного положения при совершении мошенничества свидетельствует о злоупотреблении доверием, оказанным виновному в силу занимаемой им должности или выполняемых им функций. Важно также учитывать, что использование служебного положения может быть выражено как в активных действиях, направленных на совершение мошенничества, так и в бездействии, создающем условия для совершения преступления другими лицами. Так, гражданин Г., являясь оперуполномоченным отделения по контролю за оборотом наркотиков УТ МВД России по ЮФО, получил денежные средства в размере 200 000 рублей от гражданина К. за содействие в избежание привлечения к уголовной ответственности, не намереваясь исполнять свои обязательства, был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. Данный пример наглядно демонстрирует, как использование служебного положения может послужить средством совершения мошенничества. Оперуполномоченный, злоупотребив своим положением и доверием гражданина, получил денежные средства за обещание, которое он не собирался исполнять.

Наибольшую трудность при квалификации представляет мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ). Для установления состава преступления необходимо доказать преднамеренность неисполнения договорных обязательств и др. Важно также учитывать, что предпринимательская деятельность связана с риском и возможностью возникновения убытков, поэтому не любое неисполнение договорных обязательств может быть квалифицировано как мошенничество. При этом, детерминируя объем имущественного вреда, надлежит учитывать не исключительно стоимостную оценку отчужденного имущества, но и совокупность понесенных потерпевшим убытков, каузально связанных с инкриминируемым деянием. Важно также учитывать, что размер ущерба может быть увеличен, если в результате совершения мошенничества потерпевший лишился средств к существованию или понес значительные моральные страдания.

Отграничение мошенничества от смежных составов (кража, грабеж, разбой, ст. 164, 165 УК РФ) предполагает детальный анализ объективной стороны. Ключевым признаком мошенничества является добровольная передача имущества потерпевшим, основанная на обмане или злоупотреблении доверием. Исключения составляют случаи тайного (кража), открытого (грабеж) или насильственного (разбой) хищения. [4, с.68]. Введение в уголовное законодательство новых составов мошенничества, вызвало оживленную дискуссию в юридической литературе и правоприменительной практике. С одной стороны, криминализация отдельных видов мошеннических действий, позволила более точно реагировать на специфические формы совершения указанного вида преступлений и обеспечивать более эффективную защиту прав и законных интересов потерпевших. С другой стороны, выделение отдельных составов мошенничества влечет за собой усложнение процесса квалификации и возникновение новых проблем, связанных с отграничением мошенничества от смежных и конкурирующих составов преступлений. Также важно учитывать, что квалификация мошеннических действий должна осуществляться с соблюдением принципов справедливости, гуманизма и соразмерности, а также с учетом совокупности всех обстоятельств, имеющих значение для принятия законного и обоснованного решения по делу.

Разграничение мошенничества и вымогательства представляет сложность. Вымогательство характеризуется требованием передачи имущества под угрозой насилия или разглашения компрометирующих сведений. В отличие от мошенничества, при вымогательстве отсутствует добровольная передача имущества, обусловленная обманом. Особенное внимание необходимо уделять установлению криминообразующих признаков состава преступления, отграничению мошенничества от смежных составов и правильной квалификации деяния при присутствии квалифицирующих признаков. Соблюдение данных требований гарантирует достоверность и правомерность при привлечении виновных к уголовной ответственности за мошенничество, а кроме того, защиту прав лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью.

Необходимо более детальное описание признаков квалификации мошенничества в сфере предпринимательства, а также усиление ответственности за групповые преступления данного вида.

Литература:

1. Гаджиомаров, Р. С. История развития законодательства об уголовной ответственности за мошенничество / Р. С. Гаджиомаров // Молодой ученый. — 2020. — № 49 (339). — С. 204–207.
2. Гурова Е. А. Вещь как объект гражданского права / Е. А. Гурова // Международный научный журнал «Вестник науки». — 2018. — № 2(2). — С. 97–99.
3. Назаров, И. С. Общая характеристика мошенничества как уголовно-правового явления / И. С. Назаров // Молодой ученый. — 2021. — № 37 (171). — С. 80–81.
4. Струков, А. Е. Понятие и способы мошенничества / А. Е. Струков // Вестник магистратуры. — 2022. — № 1–2 (124). — С.68–72.

Актуальные проблемы квалификации мелкого взяточничества

Пектубаева Анастасия Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Семёнов Константин Петрович, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России

Статья посвящена анализу актуальных проблем квалификации мелкого взяточничества (ст. 291.2 УК РФ) в современной правоприменительной практике Российской Федерации.

Ключевые слова: взяточничество, взятка, квалификация, проблемы, практика.

В современной российской действительности коррупционные преступления, включая взяточничество, остаются одной из наиболее острых угроз нормальной деятельности органов власти, подрывая авторитет государственной власти и доверие граждан к институтам управления. Особое место среди данных преступлений занимает мелкое взяточничество, введенное в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) в 2016 году Федеральным законом № 324-ФЗ как специальный состав взяточничества. Упомянутая норма направлена на дифференциацию ответственности за взятки в размере до десяти тысяч рублей с целью гуманизации наказания за деяния низкой общественной опасности. Однако практика применения ст. 291.2 выявила ряд противоречий, которые затрудняют квалификацию данного типа преступлений и приводят к неоднозначным судебным решениям.

В первую очередь практика квалификации мелкого взяточничества демонстрирует противоречие между формальной определенностью стоимостного предела и фактической многомерностью коррупционного вреда. Стоимостный критерий задает внешне простую границу применения специальной нормы и тем самым поддерживает идею гуманизации наказания, однако подрыв доверия к публичной службе выражается не только в денежном эквиваленте, но и в искажении управленческого решения, подмене равного доступа к благам и воспроизводстве неформальных «тарифов» в государственном секторе. Именно поэтому Б. В. Сидоров и Д. Р. Ахунов, анализируя природу «малого» взяточничества, подчеркивают методологический риск сведения общественной опасности к стоимости предмета, поскольку коррупционное посягательство имеет преимущественно институциональный, а не имущественный характер и затрагивает легитимность власти [1, с. 76]. При такой постановке вопроса квалификация оказывается зависимой от того, насколько правоприменитель способен учитывать системные свойства коррупции, не выходя за пределы формулы состава.

В качестве примера можно привести приговор Копейского городского суда Челябинской области от 02.08.2023 по делу № 1-152/2023 [2]. Суд установил, что должностное лицо — представитель медицинской организации, обладавшее полномочиями по экспертизе временной нетрудоспособности и выдаче больничных листов, получало незаконные вознаграждения, каждое из которых не превышало десяти тысяч рублей, при этом коррупционный

результат выражался не в имущественном ущербе, а в подмене юридически значимого управленческого решения, поскольку оформлялись фиктивные документы, предоставляющие освобождение от работы и запускающие выплаты по линии соцстраха. При этом денежные средства передавались не только лично, но и через посредника, а также посредством перевода на банковский счет, а квалификация включала три эпизода по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ и одновременно три эпизода служебного подлога по ч. 1 ст. 292 УК РФ; это демонстрирует, что передача даже небольшой суммы способна сопровождаться незаконными действиями, имеющими более широкий социальный эффект, чем сама стоимость предмета взятки.

Одной из центральных проблем квалификации выступает вопрос конкуренции специальной нормы с квалифицированными вариантами взяточничества. В общей модели законодатель стремится описать повышенную опасность через обстоятельства, которые указывают на более глубокое разрушение публичных интересов, когда вознаграждение связано с заведомо незаконным решением или с использованием полномочий, способных существенно повлиять на безопасность, права и законные интересы граждан. Если же стоимостный предел автоматически «перекрывает» значимость таких обстоятельств, то квалификация рискует утратить связь с реальным характером посягательства, в результате чего опасные коррупционные практики будут восприняты как сопоставимые с единичными низовыми эпизодами. П. С. Яни, исследуя проблемы квалификации коррупционных преступлений и соучастия в них, отмечает, что системность уголовно-правовой оценки обеспечивается не формальным выбором ближайшей нормы, а выявлением того, какие юридически значимые признаки описывают основной источник общественной опасности в конкретной ситуации [3, с. 37]. В этом смысле устойчивость квалификации зависит от способности правоприменителей увидеть, что «малость» суммы не всегда тождественна «малости» коррупционного эффекта, особенно если речь идет о влиянии на управленческое решение, имеющее значимые последствия для публичных интересов. В качестве примера можно привести приговор Пушкинского городского суда Московской области от 23.01.2018 по делу № 1-5/2018 [4].

Неоднородность практики усиливается тем, что состав мелкого взяточничества почти лишен собственной системы квалифицирующих признаков, позволяющих раз-

личать более и менее опасные варианты поведения внутри «малого» диапазона. При такой конструкции индивидуализация наказания неизбежно переносится в плоскость судебного усмотрения, а критерии дифференциации начинают складываться не на основе закона, а из совокупности региональных практик и локальных представлений о «типичной» опасности бытовой коррупции. Это создает риск расхождения подходов к оценке сходных фактов и снижает предсказуемость реакции государства, что особенно чувствительно для антикоррупционного регулирования, где правовая определенность сама по себе играет превентивную роль. В теоретическом плане отсутствие дифференцирующих признаков внутри состава деформирует идею справедливости, поскольку равное наказание за неодинаково опасные проявления воспринимается как неспособность закона различать содержательные типы коррупционного поведения, а не только его внешнюю стоимость.

Особую дискуссию вызывает квалифицирующий признак, опирающийся на наличие судимости за ряд коррупционных преступлений, поскольку он одновременно узок по применению и груб по содержанию. М. М. Алафьев показывает, что действующая формула уравнивает разный по тяжести криминальный опыт и не различает случаи единичной судимости и устойчивой рецидивной модели поведения. В результате судимость превращается в формальный маркер, который не всегда отражает реальную склонность лица к коррупционным сделкам, а санкционная реакция остается недостаточно адресной. Дополнительное методологическое напряжение порождает и то, что в рамках одного и того же квалифицирующего основания рассматриваются судимости, существенно различающиеся по характеру деяния и по тяжести, что с точки зрения принципа соразмерности выглядит спорно и затрудняет построение внутри состава логичной шкалы общественной опасности. В практическом измерении это приводит к крайне неравномерному использованию квалифицирующей части и к разрывам в судебной оценке, когда одна и та же «судимость как факт» не объясняет, почему в одном случае речь идет о случайном повторе, а в другом — о профессионализированной коррупционной модели [5, с. 119].

Квалификационные затруднения формируются и из-за неполноты уголовно-правовой регламентации посреднических моделей при передаче небольших сумм. В работах Р. С. Джинджолии, З. М. Бешуковой и Р. М. Жирова подчеркивается, что посредник нередко обеспечивает устойчивость коррупционной связи, снижает риски сторон и расширяет коррупционную сеть, то есть выполняет самостоятельную криминальную функцию [6, с. 274]. А. Г. Юдаков и Э. Р. Галимов, рассматривая проблемы квалификации посредничества, указывают, что непоследовательность законодательного охвата посреднических форм порождает вынужденное обращение к общим правилам соучастия, а это снижает видимость и юридическую «узнаваемость» посредничества как особого коррупционного феномена [7, с. 23]. В результате при квалификации необходимо решить двойную задачу: не только устано-

вить факт передачи или содействия, но и реконструировать роль посредника в механизме договоренности и исполнения, что при ограниченной доказательственной базе становится источником ошибок и разнотолков.

Отдельные проблемы связаны с установлением признаков специального субъекта и доказательством его статуса в конкретных организационных условиях. Развитие публичных услуг через подведомственные организации и смешанные формы управления усложняет разграничение должностных полномочий и иных трудовых функций, а ошибка в определении статуса лица способна «перенастроить» всю квалификационную конструкцию. Р. А. Родыгин обращает внимание, что в реальной практике статусные пограничные случаи нередко возникают в сферах, где публичные функции реализуются через организационные промежуточные звенья, и потому для квалификации требуется особенно точное установление характера полномочий, реального объема управленческого влияния и юридического значения выполняемых функций [9, с. 79]. Здесь проблема квалификации приобретает доказательственный характер: необходимо не только сослаться на должность, но и показать, какие именно полномочия создают публично-властный эффект и почему они являются признаками должностного лица в уголовно-правовом смысле.

В целом актуальные проблемы квалификации мелкого взяточничества концентрируются вокруг недостаточной связи стоимостного критерия с качественными признаками коррупционного вреда, ограниченной дифференциации внутри состава, пробелов в охвате посреднических моделей и высокой зависимости юридической оценки от процессуальных возможностей доказывания. Данные факторы вместе формируют ситуацию, когда специальная норма, задуманная как инструмент упорядочения и гуманизации, может порождать неравномерность и фрагментацию практики и тем самым снижать превентивный потенциал антикоррупционного уголовного закона.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что действующая модель квалификации мелкого взяточничества при внешней ясности стоимостного порога не обеспечивает устойчивой и соразмерной уголовно-правовой оценки, поскольку ключевые источники общественной опасности часто связаны не с суммой, а с искажением публичных процедур и решений, что подтверждается судебной практикой. Одновременно отсутствие развитой системы квалифицирующих признаков внутри статьи, проблемная модель учета судимости, неполнота регулирования посреднических форм и доказательственные ограничения, обусловленные процессуальным режимом дел небольшой тяжести, создают неоднородность правоприменения и повышают роль усмотрения, что снижает предсказуемость квалификации и ослабляет превентивный потенциал уголовного закона.

Литература:

1. Сидоров, Б. В. Мелкое взяточничество или взяточничество небольшой тяжести / Б. В. Сидоров, Д. Р. Ахунов // Вестник экономики, права и социологии. — 2021. — № 3. — С. 76.
2. Приговор Копейского городского суда Челябинской области от 02.08.2023 по делу № 1-152/2023 // СудАкт. Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kKmdvLFcPCdF/> (дата обращения: 29.12.2025).
3. Яни, П. С. Посредничество во взяточничестве и соучастие в получении или даче взятки / П. С. Яни // Законность. — 2023. — № 7. — С. 52.
4. Приговор Пушкинского городского суда Московской области от 23.01.2018 по делу № 1-5/2018 // Закон РФ. — URL: <https://actofact.ru/case-50RS0036-1-5-2018-1-437-2017-2017-09-14-2-0/?ysclid=mk181u58d6302561794> (дата обращения: 29.12.2025).
5. Алафьев, М. М. Квалифицирующий признак мелкого взяточничества (ч. 2 ст. 291.2 УК РФ) / М. М. Алафьев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2023. — № 2 (98). — С. 119.
6. Джинджолия, Р. С. Посредничество во взяточничестве в системе коррупционных преступлений: вопросы законодательной регламентации / Р. С. Джинджолия, З. М. Бешукова, Р. М. Жиров // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 4 (220). — С. 274.
7. Юдаков, А. Г. Перспективные проблемы квалификации посредничества во взяточничестве / А. Г. Юдаков, Э. Р. Галимов // Вестник науки. — 2020. — № 12 (33). — С. 124–129.
8. Некоз, А. С. Мелкое взяточничество: вопросы правоприменительной практики / А. С. Некоз // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 6. — С. 111–112.
9. Родыгин, Р. А. О некоторых вопросах уголовной ответственности за совершение мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества / Р. А. Родыгин // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. — 2020. — № 3 (3). — С. 53–58.

Цифровизация миграционного контроля как фактор повышения эффективности миграционной политики

Полещук Виктория Викторовна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Статья посвящена современным подходам к цифровизации миграционного контроля в Российской Федерации. Анализируются законодательные инициативы и эксперименты по формированию цифровых профилей иностранных граждан, внедрению биометрической идентификации и автоматизированных реестров. Особое внимание уделено преимуществам цифровизации, таким как повышение эффективности контроля, упрощение административных процедур и интеграция ведомственных данных. Также рассматриваются проблемы технических сбоев, киберугрозы, межведомственной координации, правовой неопределенности и влияния цифрового контроля на социальную интеграцию мигрантов. Делается вывод о необходимости сбалансированного подхода между эффективностью, безопасностью и уважением прав человека, а также о важности создания единой Миграционной стратегии РФ.

Ключевые слова: цифровизация, миграционный контроль, биометрическая идентификация, цифровой профиль, кибербезопасность, интеграция мигрантов.

Вызовы современного нестабильного мира, провоцирующие быстрые, порой непредсказуемые изменения в различных сферах жизни современного общества, включая миграцию, стимулируют развитие адаптивных технологий государственного управления. На протяжении последних лет в Российской Федерации происходит сложный процесс коэволюции миграционной ситуации и соответствующих механизмов регулирования и контроля указанной сферы. Наряду с изменением представлений о значении миграционного фактора для России,

меняются цели, задачи и инструменты управления миграцией. В эпоху глобализации и стремительного развития цифровых технологий миграционный контроль неизбежно трансформируется, обретая новые формы и инструменты. Внедрение информационных систем, биометрии и автоматизированных сервисов призвано повысить эффективность управления миграционными потоками, минимизировать бюрократию и усилить безопасность. Однако этот процесс сопровождается серьезными вызовами, требующими взвешенного подхода [8].

Технологические вызовы также влияют на эффективность надзора. Хотя внедрение биометрии, электронных виз и цифровых платформ повышает прозрачность процессов, киберпреступники оперативно адаптируются, подделывая электронные документы или взламывая системы. Кроме того, цифровизация требует значительных инвестиций и подготовки кадров, что не всегда доступно региональным подразделениям органов государственной власти [7, с.87].

Изменения в подходах к государственной миграционной политике и механизмах регулирования миграции на фоне общих процессов цифрового перехода привели к возникновению новых трендов. В частности, речь идет об ускорении цифровой трансформации миграционной сферы и попытках расширить «зону контакта» государства и иностранных граждан, прибывающих на территорию Российской Федерации. Очевидно, что помимо решения задач контроля миграции на новом технологическом уровне, систематическое цифровое взаимодействие субъекта и объекта миграционной политики позволяет создать контур обратной связи, необходимый для постоянного повышения эффективности и качества управления миграционной сферой [2].

Особое значение для цифрового перехода в управлении миграцией имеет Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», который утвердил в качестве одной из национальных целей развития цифровую трансформацию, включая достижение цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы, а также государственного управления [1]. Именно этот документ задает общую рамку и импульс, из которого вырастает весь контекст и стимулы для цифровой трансформации миграционной сферы.

Суть цифровизации миграционного контроля заключается в переходе от бумажных документов и ручных процедур к электронным реестрам, цифровым профилям и автоматизированным алгоритмам проверки. В России эта трансформация проявляется в создании единого цифрового профиля иностранного гражданина, внедрении биометрической идентификации на границах, запуске мобильных приложений для отслеживания местонахождения мигрантов и формировании реестров контролируемых лиц. Такие меры позволяют консолидировать данные о въезде, пребывании, трудоустройстве и медицинском статусе иностранцев, обеспечивая оперативный доступ к информации для надзорных органов [3].

Одним из ключевых элементов новой системы стал эксперимент по формированию цифрового профиля, который с 30 июня 2025 года объединяет сведения о миграционном статусе, трудовой деятельности, финансовых операциях и медицинских данных. Этот профиль призван заменить бумажные патенты и регистрации, упростив получение государственных услуг. Параллельно внедряется обязательная биометрическая регистрация в пунктах пропуска через границу, что повышает надёжность иден-

тификации личности и снижает риски въезда лиц с криминальным прошлым [3; 5].

Особую роль играют мобильные приложения, такие как «Амина», обязательное для использования в Москве и Московской области с 1 сентября 2025 года. Оно отслеживает геолокацию мигрантов, требует уведомления о смене места пребывания и помогает выявлять нарушителей. Если данные не обновляются более трёх рабочих дней, иностранец может быть включён в реестр контролируемых лиц, что влечёт серьёзные ограничения: запрет на смену места жительства, приобретение недвижимости, открытие банковских счетов и даже зачисление детей в школы [4].

Несмотря на очевидные преимущества, технологизация миграционного контроля порождает ряд острых проблем. Во-первых, технические сбои и ошибки идентификации создают риски для законопослушных мигрантов. Например, в ходе пилотного запуска приложения «Амина» фиксировались неполадки, а банки продолжали требовать бумажные подтверждения регистрации, хотя в многофункциональных миграционных центрах их уже не выдавали. Это демонстрирует фрагментарность внедрения цифровых решений и несогласованность между ведомствами [7, с. 89].

Во-вторых, возникает угроза утечки персональных данных. Цифровизация предполагает сбор и хранение колоссальных объёмов чувствительной информации — от отпечатков пальцев до медицинских сведений. Даже при наличии защитных механизмов риски кибератак и неправомерного доступа остаются высокими, что подрывает доверие мигрантов к системе миграционного контроля [8, с.101].

В-третьих, ужесточение цифрового надзора нередко воспринимается как инструмент подавления, а не интеграции. Обязательное отслеживание геолокации, автоматизированные реестры и ограничения для «контролируемых лиц» могут усиливать ощущение стигматизации и дискриминации. Это противоречит принципам гуманизма и создаёт почву для социальной напряжённости.

Ещё одна проблема — административная нагрузка на мигрантов. Освоение новых цифровых сервисов требует времени и навыков, особенно для людей с низким уровнем цифровой грамотности. Технические сложности, языковой барьер и отсутствие доступа к смартфонам или интернету способны превратить легализацию статуса в изнурительный процесс, провоцируя уход в теневой сектор [9 с.113].

Кроме того, сохраняется проблема межведомственной координации. Несмотря на цифровизацию, данные часто остаются разрозненными: пограничная служба, МВД, налоговая инспекция и трудовые органы используют разные платформы, что замедляет обмен информацией и снижает эффективность контроля. Например, сведения о просроченной регистрации могут не дойти до пограничников вовремя, позволяя нарушителям покинуть страну до применения санкций [6].

Наконец, правовая база не всегда успевает за технологическими изменениями. Коллизии в законодательстве, неоднозначность трактовок и отсутствие чётких механизмов обжалования цифровых решений создают правовую неопределённость. Мигранты оказываются в уязвимом положении, не имея возможности оперативно оспорить ошибочные данные в реестрах или действия алгоритмов [5].

Перспективы цифровизации миграционного контроля зависят от способности государства решить эти проблемы. Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 годы делает акцент на переходе к цифровым патентам, QR кодам и автоматизированному мониторингу. Однако успех таких инициатив возможен лишь при условии:

- обеспечения кибербезопасности и защиты персональных данных;
- создания прозрачных механизмов обжалования решений, принятых на основе цифровых данных;
- повышения цифровой грамотности мигрантов и доступности инфраструктуры (интернет, смартфоны);

– гармонизации законодательства и интеграции ведомственных информационных систем.

Таким образом, технологизация миграционного контроля — это не просто внедрение гаджетов и программ, а комплексный процесс, требующий баланса между безопасностью, эффективностью и уважением прав человека. Только при соблюдении этого баланса цифровизация сможет стать инструментом упорядочения миграционных потоков, а не источником новых конфликтов и неравенства [1, 2].

Для того, чтобы согласованно и оперативно решить эти проблемы, крайне необходима Миграционная Стратегия Российской Федерации, которая позволит выстроить всю вертикаль документов стратегического планирования в управлении миграционной сферой и, соответственно, обеспечить сбалансированность направлений деятельности органов государственной власти и их должную координацию. Иными словами -обеспечить единство и многомерность государственной миграционной политики Российской Федерации.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. Доступ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358905/ (дата обращения 26.01.2026).
2. Концентрация государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: утв. Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 // КонсультантПлюс: справ.- правовая система. Доступ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/ (дата обращения 26.01.2026).
3. Постановление Правительства РФ от 07.11.2024 N 1510 (ред. от 08.10.2025) «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // КонсультантПлюс: справ.- правовая система. Доступ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_490324/ (дата обращения 26.01.2026).
4. Федеральный закон от 23.05.2025 N 121-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан» // КонсультантПлюс: справ.- правовая система. Доступ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505834/ (дата доступа 27.01.2026).
5. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 N 115-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.- правовая система. Доступ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата доступа 26.01.2026).
6. Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 N 109-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. Доступ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (дата доступа 28.01.2026).
7. Урда М. Н. Фиктивная постановка на миграционный и регистрационный учеты в контексте межотраслевого взаимодействия // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 2. (48) — С. 85–91.
8. Мукомель В. И. Государственная миграционная политика: риски, приоритеты и направления развития // Социологические исследования. — 2020. — № 10. — С. 98–107.

Правовой статус товарного агрегатора: проблемы разграничения ответственности между маркетплейсом и продавцом

Рыжко Валерия Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Серебренникова Дина Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье автор исследует правовую природу владельцев агрегаторов информации о товарах (маркетплейсов) в сфере защиты прав потребителей. В работе анализируются критерии разграничения ответственности между платформой и фактическим продавцом. На основе актуальной судебной практики выявляются правовые коллизии, возникающие при реализации товаров дистанционным способом.

Ключевые слова: маркетплейс, товарный агрегатор, дистанционный способ продажи, защита прав потребителей, ответственность, гражданское право, цифровая платформа, Закон «О защите прав потребителей», Гражданский кодекс РФ

В условиях стремительной цифровизации гражданского оборота традиционные модели купли-продажи претерпели существенные изменения. Появление и распространение на рынке цифровых платформ, именуемых «маркетплейсами», а в законодательстве — «владельцами агрегаторов информации о товарах», поставило перед юридической наукой ряд фундаментальных вопросов.

Главным из них является вопрос о правовой идентичности агрегатора и границах его ответственности перед конечным потребителем.

Актуальность темы обусловлена тем, что дистанционный способ продажи товаров через маркетплейсы стал преобладающим, однако законодательная база, в частности Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о ЗПП), не в полной мере отражает фактическую роль платформы в сделке. Зачастую агрегатор выступает не просто информационным посредником, а полноценным участником логистических и финансовых процессов, что вызывает необходимость пересмотра классических моделей ответственности.

Правовой статус владельца агрегатора нормативно закреплён в преамбуле Закона о ЗПП, ключевым признаком агрегатора является предоставление потребителю возможности одновременно ознакомиться с предложением, заключить договор и произвести предварительную оплату товара на счет агрегатора [1].

Таким образом, законодатель определил агрегаторов в отдельную категорию субъектов, отличную как от продавцов, так и от информационных посредников.

Основная проблема разграничения ответственности заключается в так называемом «дуализме» маркетплейса. С одной стороны, согласно ст. 12.1 Закона о ЗПП, агрегатор несет ответственность лишь за предоставление недостоверной информации о товаре или продавце, а также за невозврат предоплаты в случае недоставки товара в срок. С другой стороны, фактическое участие платформы в хранении (модель FBO — Fulfilment by Operator) и доставке товара делает её ключевым звеном, влияющим на качество исполнения договора [6, с. 56].

Анализ судебной практики последних лет свидетельствует о том, что суды постепенно отходят от буквального и узкого толкования ст. 12.1 Закона о ЗПП. Знаковым в этом контексте является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2023 N 7-КГ23-4-K2 (УИД 37RS0012-01-2022-000662-43). Суд указал, что маркетплейс не вправе в одностороннем порядке аннулировать заказ, ссылаясь на отсутствие товара у продавца или техническую ошибку в цене. Верховный Суд РФ подчеркнул, что предложение товара на сайте агрегатора является публичной офертой, и с момента её акцепта потребителем обязательство по передаче товара становится обязательным для исполнения, при этом агрегатор не может полностью перекладывать ответственность на продавца, если он обеспечивал проведение транзакции [5].

Проблема разграничения ответственности особенно остро проявляется при реализации технически сложных товаров. В случае обнаружения брака потребитель, руководствуясь ст. 18 Закона о ЗПП, вправе предъявить требования продавцу [1]. В отношении технически сложного товара покупатель вправе потребовать его замены или отказаться от исполнения договора розничной купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы в случае существенного нарушения требований к его качеству [2, ч.3 ст.503].

Однако на практике идентификация реального продавца на маркетплейсе может быть затруднена. Юридические лица, зарегистрированные на территории Российской Федерации и осуществляющие продажу товаров дистанционным способом продажи товара на территории Российской Федерации, обязаны указывать полное фирменное наименование (наименование), основной государственный регистрационный номер, адрес и место нахождения, адрес электронной почты и (или) номер телефона. [4, п.19]. Хотя закон обязывает агрегатора размещать сведения о продавце, но зачастую эти данные ограничиваются лишь ОГРН и наименованием ИП, что делает процесс предъявления претензии и су-

дебного иска затруднительным для рядового гражданина [1, ст.9].

Более того, в юридической литературе активно дискутируется вопрос о природе договора, заключаемого между потребителем и маркетплейсом. Е. М. Часина отмечает, что правовая связь «потребитель — агрегатор» выходит за рамки простого оказания информационных услуг [7, с.4].

Фактически агрегатор действует как коммерческий агент продавца, но с расширенными полномочиями по приему платежей [6, с. 56]. Это дает основания для постановки вопроса о введении солидарной ответственности маркетплейса и продавца за качество товара, по крайней мере в тех случаях, когда товар передается потребителю через логистическую сеть самого агрегатора.

Следующим аспектом проблемы является вопрос о повреждении товара в процессе транспортировки («проблема последней мили»). Если маркетплейс берет на себя доставку, он выступает в роли перевозчика. Однако при обнаружении механических повреждений при вскрытии посылки агрегаторы часто отказывают в возврате средств, перенаправляя потребителя к продавцу. Продавец, в свою очередь, доказывает, что передал товар на склад маркетплейса в надлежащем виде. В такой ситуации потребитель оказывается «заложником» внутренней несогласованности контрагентов. Представляется, что в подобных случаях ответственность перед потребителем должен нести тот субъект, который осуществлял фактическое владение товаром в момент причинения вреда, то есть владелец агрегатора [7, с. 10].

Продавец (агрегатор) наделен обязанностью подтверждать заключение договора розничной купли-про-

дажи предоставлением чека либо Продавец (агрегатор) наделен обязанностью подтверждать заключение договора розничной купли-продажи предоставлением чека [3, абз.2 п.13]. Тем не менее, механизм реализации ответственности в случае «сбоев системы» остается неурегулированным.

Подводя итог исследования правового статуса товарного агрегатора, можно сделать вывод, что текущая модель ответственности, закрепленная в ст. 12 Закона о ЗПП, является переходной и не в полной мере отвечает потребностям защиты прав потребителей. Агрегаторы фактически трансформировались из пассивных посредников в активных участников рынка, определяющих условия сделок.

Для оптимизации правового регулирования и устранения существующих пробелов представляется необходимым:

1. Внести изменения в Закон о ЗПП, предусмотрев субсидиарную ответственность владельца агрегатора по обязательствам продавца в случае, если агрегатор не обеспечил надлежащую идентификацию продавца, что привело к невозможности защиты прав потребителя.

2. Наделить ответственностью агрегатора за сохранность товара в процессе доставки, если логистические услуги оказываются непосредственно платформой или привлеченными ею третьими лицами.

Реализация данных предложений позволит сбалансировать интересы субъектов электронной коммерции и обеспечить реальную, а не декларативную защиту прав граждан при покупке товаров дистанционным способом.

Литература:

1. О защите прав потребителей. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (с изменениями от 25.12.2023). Собрание законодательства РФ. 1996. № 3.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая). Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с изменениями от 24.02.2024). Собрание законодательства РФ. 1996. № 5.
3. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. N 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изменениями от 17.05.2024). Собрание законодательства Российской Федерации, N 3, 18.01.2021, ст.593
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2023 N 7-КГ23-4-K2 (УИД 37RS0012-01-2022-000662-43) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://vsrf.ru> (дата обращения: 20.01.2026).
5. Кирпичев А. Е. Агрегаторы товаров и услуг как новые субъекты коммерческого права // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — Т. 16. — № 5. — С. 55–57.
6. Часина Е. М. Права обязанности владельца агрегатора информации о товарах и услугах в отношениях с потребителем // Юридические исследования. 2025. № 1. С. 1–13.

Формализация прокурорского надзора как фактор снижения эффективности защиты прав личности

Савицкая Дарья Денисовна, студент
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается проблема формализации прокурорского надзора как фактора, снижающего эффективность защиты прав личности. Анализируются причины утраты содержательного и правозащитного характера надзорной деятельности, особенности проявления формализма в уголовном судопроизводстве, а также его влияние на реализацию конституционных прав граждан. Обосновывается необходимость переориентации прокурорского надзора с формального соблюдения процедур на реальное восстановление нарушенных прав и укрепление гарантий законности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, формализация надзора, защита прав личности, права человека и гражданина, уголовное судопроизводство, правозащитная функция прокуратуры.

Формализация прокурорского надзора в современной правоприменительной практике выступает одним из существенных факторов, снижающих эффективность защиты прав личности и ослабляющих правозащитный потенциал прокуратуры. Данное явление выражается в преобладании внешне корректного, процедурно выверенного исполнения надзорных функций при отсутствии устранения выявленных нарушений закона. В условиях формализации надзорная деятельность утрачивает своё содержательное значение и трансформируется в совокупность формальных действий, не направленных на восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан, что противоречит конституционному назначению прокуратуры как органа, обеспечивающего верховенство закона и защиту прав личности [3, с. 4].

Формализация прокурорского надзора приводит к постепенной атрофии его правозащитных функций, поскольку надзорные мероприятия сводятся к формальной проверке наличия документов, соблюдения процессуальных сроков и корректности оформления процессуальных актов, без должной оценки их законности и обоснованности. При таком подходе прокурорское реагирование зачастую ограничивается вынесением стандартных актов, не способных повлиять на реальное устранение нарушений. В результате нарушенные права личности либо не восстанавливаются вовсе, либо их защита носит декларативный характер, что подрывает доверие граждан к институту прокуратуры как к действенному механизму государственной защиты.

Особо негативные последствия формализация прокурорского надзора имеет в сфере уголовного судопроизводства. Отсутствие у прокуратуры полномочий по расследованию уголовных дел и, как следствие, недостаток практического следственного опыта у надзирающих прокуроров существенно ограничивают их возможности по осуществлению полноценного надзора за деятельностью органов предварительного расследования. В таких условиях надзор за законностью следственных действий приобретает формальный характер, поскольку прокурор зачастую не способен в полной мере оценить обоснованность принимаемых следователем процессуальных ре-

шений и выявить допущенные нарушения. Это создаёт предпосылки для нарушения прав участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования, включая право на защиту, право на доступ к правосудию и право на справедливое разбирательство.

Формализация надзора усугубляется и тем обстоятельством, что прокурор лишён возможности самостоятельно возбуждать уголовные дела, что снижает оперативность реагирования на выявленные признаки преступлений. В ряде случаев такая ситуация приводит к утрате доказательств, невозможности своевременного документирования противоправных деяний и, как следствие, к уходу виновных лиц от ответственности. Ограниченность полномочий прокурора также проявляется в отсутствии действенных механизмов воздействия на следователей и должностных лиц, допускающих систематические нарушения закона. Невозможность привлечения таких лиц к ответственности снижает профилактическую роль прокурорского надзора и способствует формированию устойчивой практики правового нигилизма в деятельности правоохранительных органов [4, с. 625].

Формализация прокурорского надзора отрицательно отражается не только на уголовно-процессуальной сфере, но и на общем уровне обеспечения прав личности. При отсутствии реальных рычагов влияния надзорная деятельность прокуратуры утрачивает свою превентивную функцию и перестаёт выступать действенным инструментом предупреждения нарушений прав граждан. Надзор в подобных условиях перестаёт быть механизмом активной правовой защиты и превращается в элемент бюрократической процедуры, ориентированной преимущественно на отчётность и соблюдение формальных показателей эффективности.

Преодоление формализации прокурорского надзора как фактора снижения эффективности защиты прав личности требует комплексного подхода, ориентированного на восстановление его содержательного и правозащитного характера. В первую очередь необходим пересмотр подходов к осуществлению надзорной деятельности, при котором приоритет должен отдаваться не формальному соблюдению процедурных требований, а реальному вос-

становлению нарушенных прав и законных интересов граждан. Надзорная деятельность прокуратуры должна быть ориентирована на оценку законности и обоснованности принимаемых решений, а не ограничиваться проверкой их внешней процессуальной корректности.

Одним из ключевых направлений решения проблемы формализации является совершенствование полномочий прокурора в сфере уголовного судопроизводства. В условиях, когда прокурор лишён возможности возбуждать уголовные дела и оказывать действенное влияние на ход расследования, его надзор за деятельностью органов предварительного следствия неизбежно приобретает формальный характер. Расширение процессуальных возможностей прокурора, в том числе предоставление ему более эффективных механизмов реагирования на выявленные нарушения, позволит повысить оперативность защиты прав участников уголовного процесса и предотвратить утрату доказательств на ранних стадиях расследования [2, с. 46].

Существенное значение имеет и повышение уровня профессиональной подготовки прокурорских работников, осуществляющих надзор за процессуальной деятельностью следственных органов. Отсутствие практического следственного опыта у прокуроров снижает качество оценки законности следственных действий и ограничивает возможности выявления нарушений прав личности. В этой связи целесообразно усиление практико-ориентированной подготовки прокурорских кадров, в том числе через углублённое изучение уголовно-процессуальных механизмов, анализ типичных нарушений прав участников процесса и формирование навыков правовой оценки сложных процессуальных ситуаций.

Важным направлением преодоления формализации является также усиление ответственности должностных лиц, допускающих систематические нарушения закона. Отсутствие у прокурора реальных рычагов воздействия на следователей и иных должностных лиц снижает профилактическую роль надзора и способствует воспроизводству правонарушений. Формирование действенных механизмов привлечения виновных лиц к ответственности позволит восстановить превентивную функцию прокурорского надзора и повысить дисциплину в деятельности правоохранительных органов.

Кроме того, необходимо изменение подходов к оценке эффективности прокурорской деятельности. Ориен-

тация исключительно на количественные показатели и формальные критерии отчётности стимулирует формализацию надзора и снижает мотивацию к реальному устранению нарушений прав личности. В этой связи целесообразно внедрение качественных критериев оценки надзорной деятельности, отражающих степень фактического восстановления нарушенных прав, устойчивость достигнутых результатов и уровень доверия граждан к органам прокуратуры.

Не менее значимым является укрепление правозащитной направленности прокурорского реагирования. Акты прокурорского реагирования должны носить не шаблонный, а адресный и обоснованный характер, быть ориентированными на устранение конкретных нарушений и предупреждение их повторения. Усиление индивидуального подхода к рассмотрению обращений граждан и надзорных материалов позволит вернуть прокурорскому надзору его активную защитную функцию и повысить эффективность восстановления нарушенных прав личности.

Таким образом, формализация прокурорского надзора представляет собой серьёзную угрозу для реализации правозащитной функции прокуратуры и существенно снижает эффективность защиты прав личности. Ограниченность полномочий прокурора, отсутствие следственного опыта у надзирающих работников и невозможность оперативного реагирования на выявленные нарушения приводят к ослаблению гарантий прав участников правовых отношений и создают условия для произвола со стороны должностных лиц. В конечном итоге формализация надзорной деятельности негативно сказывается на состоянии законности и подрывает доверие общества к государственным институтам защиты прав и свобод человека и гражданина [1, с. 237].

Решение проблемы формализации прокурорского надзора возможно при условии комплексного реформирования как нормативных основ, так и практики надзорной деятельности. Расширение полномочий прокурора, повышение профессионального уровня кадров, усиление ответственности за нарушения закона и переориентация надзора с формальных процедур на реальную защиту прав личности позволят восстановить правозащитный потенциал прокуратуры и укрепить её роль как одного из ключевых институтов обеспечения законности и правопорядка.

Литература:

1. Мешков, А. В. Проблемы прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / А. В. Мешков. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 49 (391). — С. 237-238. — URL: <https://moluch.ru/archive/391/86398>.
2. Осинцева К. А. Актуальные проблемы прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Актуальные исследования, № 4 (186), 2024, ч. III, С. 46–47.
3. Садыкова Р. Р. Прокурорский надзор в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина // Аллея науки, № 6 (69), 2022. С. 1–9.
4. Смолина А. А., Егоров О. Н. Актуальные проблемы прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Вестник науки, № 6 (63), том 1, 2023, С. 620–628.

Влияние цифровизации государственного управления на гарантии прав личности: роль прокуратуры

Савицкая Дарья Денисовна, студент
Челябинский государственный университет

В статье анализируется влияние цифровизации государственного управления на гарантии прав личности и раскрывается роль прокуратуры в обеспечении их защиты в условиях внедрения цифровых технологий. Рассматриваются положительные эффекты цифровизации прокурорской деятельности, а также выявляются основные риски и проблемы, связанные с кадровым обеспечением, информационной безопасностью и неравномерностью цифрового развития. Обосновывается необходимость комплексного правового и организационного подхода к цифровизации прокурорского надзора в целях сохранения и укрепления гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: цифровизация государственного управления, гарантии прав личности, прокурорский надзор, права и свободы человека и гражданина, информационная безопасность, цифровые технологии, защита прав граждан.

Цифровизация государственного управления в современных условиях выступает одним из ключевых факторов трансформации механизмов обеспечения законности и защиты прав личности. Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность органов государственной власти оказывает непосредственное влияние на систему гарантий прав и свобод человека и гражданина, изменяя как формы взаимодействия государства с обществом, так и способы реагирования на нарушения законодательства. В данной связи особое значение приобретает роль органов прокуратуры, на которые возложена функция надзора за соблюдением прав личности, поскольку цифровая среда одновременно расширяет возможности прокурорского реагирования и формирует новые риски для реализации конституционных прав [2, с. 5].

Цифровизация позволяет повысить эффективность деятельности прокуратуры за счёт автоматизации ключевых управленческих и правоприменительных процессов. Одним из наиболее значимых направлений является внедрение электронных форм взаимодействия с гражданами, прежде всего посредством функционирования интернет-приёмных. Использование цифровых каналов подачи обращений обеспечивает реализацию права на обращение в государственные органы независимо от территориального положения заявителя, снижает административные барьеры и способствует повышению доступности прокурорской защиты. Возможность дистанционного направления обращений позволяет оперативно фиксировать факты возможных нарушений прав личности, ускоряет их регистрацию и последующее рассмотрение, что в конечном итоге способствует более полному и своевременному восстановлению нарушенных прав.

Существенное значение цифровизация имеет и для оптимизации документооборота в органах прокуратуры. Переход от традиционных бумажных носителей к электронным системам хранения, обработки и передачи информации обеспечивает сокращение сроков прохождения документов, минимизацию технических задержек и снижение вероятности утраты материалов. В условиях элек-

тронного документооборота прокурор получает возможность оперативного доступа к необходимым сведениям, что особенно важно при осуществлении надзора в ситуациях, требующих незамедлительного реагирования. Быстрота обработки информации и принятия решений напрямую влияет на эффективность защиты прав личности, поскольку позволяет своевременно пресекать незаконные действия и предотвращать дальнейшее развитие правонарушений.

Цифровые технологии также способствуют увеличению производительности труда сотрудников прокуратуры. Формирование единых информационных баз данных, включающих сведения о поступивших обращениях, результатах проверок, принятых мерах прокурорского реагирования и судебной практике, позволяет систематизировать информацию и сократить время, затрачиваемое на её анализ. Автоматизация рутинных операций освобождает ресурсы для более глубокого правового анализа, что повышает качество прокурорского надзора. В результате возрастает количество рассмотренных обращений, расширяется охват надзорной деятельности, а защита прав личности приобретает более системный и комплексный характер [1, с. 88].

Важным аспектом цифровизации является также повышение защищённости процессов использования и обмена служебной информацией. Современные информационные системы позволяют внедрять многоуровневые механизмы защиты данных, обеспечивать контроль доступа к сведениям, а также фиксировать действия пользователей, что способствует предотвращению неправомерного вмешательства в информационные ресурсы прокуратуры. Защита служебной информации имеет непосредственное значение для обеспечения прав личности, поскольку утечка или искажение данных может повлечь нарушение права на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и иные конституционно охраняемые блага. В этом контексте цифровизация при условии надлежащего уровня информационной безопасности выступает дополнительной гарантией соблюдения прав граждан.

Вместе с тем цифровизация прокурорской деятельности сопровождается рядом проблем и вызовов, которые оказывают влияние на эффективность обеспечения гарантий прав личности. Одной из таких проблем является недостаточная подготовленность кадров к работе с цифровыми технологиями. Отсутствие необходимых компетенций у сотрудников прокуратуры может снижать результативность использования информационных систем, приводить к формальному применению цифровых инструментов и, как следствие, негативно отражаться на качестве прокурорского надзора. В условиях активного внедрения цифровых решений возрастает значение профессиональной подготовки и повышения квалификации работников прокуратуры, без чего невозможно обеспечить полноценную реализацию потенциала цифровизации [4, с. 59].

Серьёзным риском остаётся и проблема информационной безопасности. Несмотря на развитие технических средств защиты, цифровая среда уязвима для киберугроз, что создаёт опасность несанкционированного доступа к персональным данным граждан и служебной информации. Недостаточный уровень защищённости информационных систем может привести к подрыву доверия общества к органам прокуратуры и ослаблению гарантий прав личности. В этой связи цифровизация должна сопровождаться комплексными мерами по обеспечению кибербезопасности, нормативному регулированию обработки данных и строгому соблюдению требований законодательства о защите информации.

Кроме того, развитие цифровых технологий в деятельности прокуратуры ограничивается общим уровнем технологического развития и финансовыми возможностями государства. Неравномерность внедрения цифровых решений в различных регионах может приводить к дисбалансу в уровне защиты прав личности, что противоречит принципу равенства граждан перед законом. Отсутствие единого технического стандарта и достаточного ресурсного обеспечения снижает потенциал цифровизации как инструмента укрепления законности и правопорядка.

Актуальной проблемой в сфере влияния цифровизации государственного управления на гарантии прав личности является опережающее внедрение цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры при недостаточной нормативной, кадровой и информационно-

безопасной обеспеченности данного процесса, что приводит к риску формализации прокурорского надзора, снижению качества правовой оценки поступающих материалов и потенциальному нарушению конституционных прав граждан, прежде всего права на защиту персональных данных и равный доступ к механизмам прокурорской защиты [3, с. 14].

Преодоление обозначенной проблемы возможно посредством формирования комплексного правового и организационного механизма цифровизации прокурорской деятельности, включающего, во-первых, развитие специализированной системы профессиональной подготовки и повышения квалификации работников прокуратуры в сфере цифровых технологий и информационной безопасности; во-вторых, совершенствование нормативного регулирования использования цифровых инструментов в прокурорском надзоре с установлением единых стандартов обработки, хранения и защиты информации; в-третьих, поэтапное выравнивание уровня цифрового оснащения органов прокуратуры в субъектах Российской Федерации с целью обеспечения равных гарантий защиты прав личности независимо от территориального фактора. Реализация данных мер позволит использовать потенциал цифровизации не формально, а как действенный инструмент укрепления законности и повышения эффективности прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, цифровизация государственного управления оказывает многоплановое влияние на гарантии прав личности и деятельность прокуратуры. С одной стороны, она способствует повышению эффективности надзорной деятельности, ускорению реагирования на нарушения закона, расширению доступа граждан к механизмам защиты своих прав и укреплению информационной безопасности. С другой стороны, цифровизация порождает новые риски и проблемы, связанные с кадровым обеспечением, защитой данных и уровнем технологического развития. В этих условиях роль прокуратуры заключается не только в использовании цифровых инструментов, но и в обеспечении того, чтобы процессы цифровизации осуществлялись с соблюдением принципов законности, правовой определённости и приоритета прав и свобод человека и гражданина.

Литература:

1. Ганина С. В., Коваль Е. А. Цифровизация порядка работы с обращениями граждан в органах прокуратуры РФ // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2020. № 18. С. 85–93.
2. Иванченко Е. А., Кистанова М. А. Организация деятельности прокуратуры в условиях дальнейшего научно-технического прогресса и цифровизации общества // Основы экономики, управления и права. — 2021. — № 1 (20). — С. 7–10.
3. Лопатина Т. М. Цифровизация прокурорского надзора // Законность. — 2020. — № 11 (1021). — С. 13–16.
4. Шакирьянов М. М. Совершенствование организации работы в органах прокуратуры по рассмотрению электронных обращений граждан // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2021. — № 3 (77). — С. 58–62.

Корпоративная социальная ответственность и права человека: правовой аспект

Сижажев Аскер Тимурович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В современном глобализованном мире расширяется спектр общественных ожиданий от бизнеса: компании обязаны учитывать социальные, экологические и этические последствия своей деятельности. Они сталкиваются с необходимостью «должной осмотрительности» в сфере прав человека, под давлением инвесторов, деловых партнёров, потребителей и работников. Государства и международные организации также выдвигают требования к бизнесу соблюдать международно-признанные стандарты в области прав человека.

Корпоративная социальная ответственность (КСО) — концепция управления, в соответствии с которой компания добровольно учитывает интересы широкого круга стейкхолдеров (сотрудников, потребителей, общества) и стремится к устойчивому развитию. В международной практике КСО часто трактуют в духе принципа «не навреди» и расширенного корпоративного долга: кроме законных обязанностей, компании берут на себя ответственность за социальные и экологические последствия своей деятельности. В основе КСО лежат международные стандарты (например, ISO 26000), а также добровольные кодексы поведения (например, Принципы Глобального договора ООН), включающие нормы об охране труда, экологии, прозрачности и т.д. [1, с. 3]

Связь КСО с правами человека выявляется во множестве аспектов: соблюдение трудовых прав, ответственности за экологическую безопасность и т. д. Современные юридические доктрины подчёркивают, что бизнес не может быть «нейтральным» к правам человека. Так, Принципы ООН «Защищать, уважать и компенсировать» (UNGP) утверждают три базовых столпа: государственная обязанность защищать права человека, ответственность бизнеса уважать эти права и обеспечение доступа к правовой защите пострадавшим. То есть даже без прямого законодательного требования компания должна проявлять «должную осмотрительность», чтобы **не допускать негативного воздействия на права человека**. В частности, корпоративная ответственность за права человека включает принцип «не навреди»: предприятия должны выявлять риски ущемления прав человека и принимать «все необходимые и разумные меры» для предотвращения такого вреда. Однако во многих странах большинство компаний ограничивает КСО базовым соблюдением трудового, экологического и налогового законодательства.

В международном праве закреплены ключевые стандарты, призванные разграничивать роль государства и бизнеса в сфере прав человека и КСО. **Руководящие принципы ООН по бизнесу и правам человека (UN Guiding Principles, 2011)** содержат концепцию «Protect, Respect and Remedy». [2, с. 3–28]. Они подчёркивают, что

государство обязано защищать людей от нарушений прав человека любыми субъектами, включая компании, а компании в свою очередь несут собственную ответственность не нарушать права. Эти принципы, хотя и не являются юридически обязательными, стали первым универсальным стандартом по предотвращению негативных последствий бизнеса для прав человека. Они разъясняют, что компании должны проводить механизм «due diligence», то есть систематически оценивать фактические и потенциальные воздействия на права человека и предотвращать их. [3, с. 2].

Параллельно в 2011 году обновлены **Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий (OECD Guidelines)**, которые содержат рекомендации правительств компаниям по ответственному ведению бизнеса, включая раздел о правах человека. В частности, принципы ОЭСР призывают компании уважать международно признанные права человека и проводить надлежащую проверку в этой сфере. Аналогично, **Декларация МОТ о многонациональных корпорациях и социальной политике (2017 г.)** включает нормы, ориентированные на защиту трудовых и социальных прав работников в глобальных цепочках поставок.

Таким образом, международно-правовые стандарты последних лет чётко предписывают **обязанность бизнеса уважать права человека** и выполнять политику корпоративной социальной ответственности через due diligence, при этом роль государств — регулировать и обеспечивать практическое соблюдение таких прав.

Практика юридического регулирования КСО с точки зрения прав человека существенно варьируется от страны к стране:

Россия. В РФ пока не существует специального закона о КСО или обязательной due diligence компаний. На законодательном уровне термин «КСО» не закреплён и не регламентирован, социальная ответственность бизнеса носит преимущественно рекомендательный характер. Государство стимулирует КСО через стратегические документы (например, «Основы государственной политики в области экологии до 2030 г.»), но не вводит строгих норм. В реальности российские компании зачастую сводят КСО к минимальному соблюдению трудового, экологического и налогового законодательства. Требования международных стандартов и практик лишь в малой степени влияют на реальные бизнес-процессы.

Европейский союз. В ЕС отсутствует единый закон о КСО, однако Еврокомиссия разработала стратегию и ряд инициатив. Так, Директива 2014/95/EU («Нефинансовая директива») обязывает крупные компании раскрывать информацию о социально-этических аспектах своей

деятельности, включая воздействие на окружающую среду, трудовые вопросы и права человека. В настоящее время разрабатывается новая директива («Corporate Sustainability Due Diligence Directive»), которая введёт обязательный due diligence по экологии и правам человека для предприятий определённого масштаба. Кроме того, страны ЕС принимают собственные меры. [4, с 1–9]

Подводя итог, отметим, что международно-правовая база (ООН, ОЭСР, МОТ) чётко закрепляет **ответственность бизнеса уважать права человека** и проводить корпоративную социальную ответственность с учётом принципов due diligence. Однако на национальном уровне страны избирают разные пути реализации этих стандартов. Россия пока остаётся на добровольном этапе, тогда как в ЕС и ряде развитых государств уже действуют

обязательные нормы (например, французский Закон о надлежащей осмотрительности и немецкий закон о цепочках поставок). Анализ показывает, что эффективное регулирование требует баланса между международно-признанными принципами (трудовые права, экологическая безопасность и т. д.) и чёткими национальными механизмами контроля и ответственности.

В итоге всестороннее применение принципа КСО с учётом прав человека укрепит не только социальную справедливость, но и доверие к бизнесу, создаст конкурентные преимущества для российских компаний на мировом рынке. Эффективное гармонизированное регулирование в этой сфере — важный шаг к устойчивому развитию общества и экономике, основанной на правовых нормах и этических стандартах.

Литература:

1. Мануйлова М. С. Определение и содержание понятия «корпоративная социальная ответственность»// Экономика и социум. 2017. № 5–2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-i-soderzhanie-ponyatiya-korporativnaya-sotsialnaya-otvetstvennost-1>.
2. Чжун Юань. Корпоративная социальная ответственность в России// Экономика и социум. 2020 г. № 6–2 (73). URL <https://sciup.org/140252688>.
3. Директива Европейского Парламента и Совета 2014/95 // Официальный журнал Европейского Союза. L 330. 2014. 15 ноября. URL: https://project.uniurb.it/asset/wp-content/uploads/2024/07/NFRD_2014_95_EU.pdf.
4. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Организация Объединённых Наций, 2011. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-09/UNGPs_%20on_%20B%20BHR_English.pdf.

Договор подряда для государственных и муниципальных нужд по законодательству зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ

Сиротина Анастасия Александровна, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье исследуются модели правового регулирования договоров подряда для государственных и муниципальных нужд в праве Европейского союза, Федеративной Республики Германия, Соединённого Королевства и Соединённых Штатов Америки с акцентом на нормативную конструкцию процедур закупок и пределы договорной автономии сторон. Проанализированы положения директив ЕС, федеральных законов и подзаконных актов, определяющих выбор подрядчика, допустимость изменения условий публичного контракта и механизмы административного и судебного контроля. Обоснован вывод о формировании устойчивой транснациональной тенденции к институционализации публичного подряда как самостоятельного правового института, находящегося на стыке административного, финансового и контрактного права.

Ключевые слова: публичный подряд, государственные закупки, муниципальные нужды, директивы Европейского союза, публичный контракт, конкурентные процедуры, административный контроль, строительные работы, федеральное регулирование, типовые контракты.

Construction contracts for state and municipal needs under foreign legislation: a comparative legal analysis

The article examines regulatory models governing construction contracts for public needs in the European Union, Germany, the United Kingdom and the United States, focusing on procurement procedures and statutory limits on contractual autonomy.

EU directives, federal statutes and subordinate regulations are analysed with regard to contractor selection, permissible contract modifications and review mechanisms. The findings demonstrate the emergence of a transnational framework in which public construction contracts operate as a distinct legal institution combining administrative, financial and private-law elements.

Keywords: *public construction contracts, public procurement law, municipal needs, European Union directives, competitive procedures, contract modification, administrative review, federal regulation, standard forms of contract, Davis–Bacon Act, Federal Acquisition Regulation, public infrastructure, procurement oversight.*

Договор подряда, заключаемый для государственных и муниципальных нужд, в зарубежных правовых системах выступает не только инструментом удовлетворения хозяйственных интересов публичной власти, но и элементом финансово-правового механизма расходования бюджетных средств. Его правовая конструкция определяется сочетанием частноправовых обязательств подрядчика по выполнению работ и публично-правовых требований, адресованных государственному заказчику при выборе контрагента, формировании условий договора и контроле за его исполнением. В результате публичный подряд утрачивает характер классического гражданско-правового соглашения и приобретает свойства специального института, функционирующего в рамках законодательства о публичных закупках [6, с. 142].

Сравнительное исследование зарубежных моделей правового регулирования подрядных договоров для публичных нужд имеет значение для выявления общих закономерностей развития контрактного права, тенденций ограничения дискреции заказчиков и способов институционального обеспечения конкуренции. Особый интерес представляет анализ нормативных решений, закреплённых в праве Европейского союза, в законодательстве Федеративной Республики Германия, Соединённого Королевства и Соединённых Штатов Америки, где сформированы устойчивые правовые режимы публичного подряда, отличающиеся по уровню централизации регулирования, роли стандартных контрактных форм и объёму социально-правовых обязанностей подрядчиков [7, с. 14].

В правовом порядке Европейского союза договоры на выполнение строительных и иных работ для публичных нужд квалифицируются как public works contracts и подпадают под действие Директивы 2014/24/ЕС о государственных закупках, а в случае передачи подрядчику права эксплуатации результата — под режим Директивы 2014/23/ЕС о концессионных соглашениях [3]. Эти акты формируют обязательную для государств-членов нормативную рамку, в пределах которой осуществляется выбор подрядчика и заключение контракта.

Ключевое значение имеет закрепление принципов равного обращения, недискриминации по признаку национальной принадлежности, транспарентности и пропорциональности. Директива 2014/24/ЕС устанавливает перечень допустимых процедур размещения контрактов, включая открытые и ограниченные конкурсы, переговорные процедуры при наличии исключительных оснований, конкурентный диалог и инновационное партнёрство. Законодательство ЕС подробно регламентирует финансовые

пороги, превышение которых влечёт обязательное применение общеевропейских процедур и публикацию извещений о закупке в официальных реестрах Союза.

Существенное место занимает институт изменения условий уже заключённого публичного договора. Директива запрещает существенную модификацию предмета, цены или объёма работ без проведения новой процедуры, если такие изменения могли бы повлиять на круг потенциальных участников первоначального конкурса. Допустимыми признаются лишь заранее предусмотренные контрактом опции, корректировки, вызванные непредвиденными обстоятельствами, либо замена подрядчика в строго определённых законом случаях. Тем самым формируется механизм защиты конкурентной среды на стадии исполнения договора [8, с. 39].

Имплементация директив в национальные правовые системы осуществляется посредством специальных законов о публичных закупках, что создаёт относительно однородное правовое пространство, внутри которого подрядчики могут участвовать в проектах различных государств-членов на сопоставимых процедурных условиях.

В Германии публичный подряд регулируется комплексом норм антимонопольного и закупочного законодательства. Центральное значение имеют §§ 97–184 Закона против ограничений конкуренции (Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen), закрепляющие принципы конкурентности, экономичности и прозрачности закупок [4]. Их развитие содержится в подзаконном акте Vergabeverordnung, который детализирует процедуры размещения контрактов, требования к публикации информации и порядок допуска участников.

Для строительных работ применяется специальный нормативный массив Vergabe- und Vertragsordnung für Bauleistungen, прежде всего часть VOB/B, которая используется в качестве стандартных условий исполнения подрядных обязательств. В этих положениях урегулированы вопросы приёмки выполненных работ, обнаружения и устранения дефектов, перерасчёта вознаграждения при изменении объёма строительства, распределения рисков между сторонами и досрочного прекращения договора по инициативе заказчика при соблюдении компенсационных механизмов.

Особенностью германской модели является развитая система квазисудебного контроля за соблюдением закупочных процедур. Рассмотрение жалоб участников осуществляется специализированными органами — Vergabekammern, решения которых могут быть обжалованы в вышестоящие судебные инстанции. Такой порядок

усиливает превентивную функцию закупочного законодательства и ограничивает дискрецию заказчиков при выборе подрядчика и корректировке условий договора.

В Соединённом Королевстве публичные подрядные договоры регулируются Public Contracts Regulations 2015 [5], которые закрепили в национальном праве положения директив ЕС, а также рядом специальных актов, применяемых к инфраструктурным и муниципальным проектам. Эти нормы устанавливают обязательность конкурентных процедур, требования к публикации извещений и детальный механизм судебного обжалования решений заказчиков.

Для британской системы характерно широкое использование типовых подрядных форм, прежде всего семейства New Engineering Contract, которые интегрируются в закупочные процедуры органов публичной власти. Указанные формы содержат унифицированные правила распределения рисков, управления изменениями проекта, контроля сроков исполнения и разрешения споров посредством альтернативных процедур до обращения в суд.

Британская модель сочетает строгий процедурный контроль с развитой контрактной техникой, направленной на повышение предсказуемости реализации публичных строительных проектов и минимизацию конфликтов между заказчиком и подрядчиком в ходе исполнения обязательств.

В США правовое регулирование подрядных контрактов для публичных нужд строится на сочетании федеральных и субфедеральных источников. На федеральном уровне ключевое значение имеет Competition in Contracting Act 1984 [1], закрепивший принцип обязательной конкуренции при размещении государственных заказов. Его положения систематизированы и детализированы в Федеральном регламенте закупок — Federal Acquisition Regulation, который охватывает все стадии жизненного цикла публичного контракта от подготовки конкурсной документации до завершения исполнения.

В сфере строительных работ действует Davis–Bacon Act 1931, устанавливающий обязанность подрядчиков выплачивать работникам заработную плату не ниже уровня, определяемого для соответствующего региона [2]. Такие социальные обязательства непосредственно включаются в условия государственных контрактов и подлежат административному контролю со стороны уполномоченных органов.

Законодательство штатов и муниципалитетов вправе вводить дополнительные требования, касающиеся экологических стандартов, локального найма рабочей силы и финансовой отчётности подрядчиков. В результате формируется многоуровневая система публичного подряда, в

которой федеральные нормы задают общий каркас, а региональные и местные акты конкретизируют его применительно к соответствующим проектам.

Сопоставление рассмотренных правовых порядков позволяет выявить устойчивые общие элементы публичного подряда, выражающиеся в обязательности конкурентных процедур, публичности информации о закупках, ограничении свободы изменения условий договора после его заключения и развитых механизмах судебного или административного контроля. Вместе с тем институциональная архитектура регулирования демонстрирует значительные различия.

Право Европейского союза формирует наднациональные стандарты, обязательные для государств-членов и подлежащие имплементации в национальные правовые порядки. Германия развивает эти стандарты через детализированное отраслевое регулирование строительных контрактов и специализированные органы контроля. Соединённое Королевство акцентирует внимание на унификации договорной техники посредством типовых форм. Соединённые Штаты демонстрируют федеративную модель, в которой социальные и экологические обязательства подрядчиков закрепляются непосредственно в законодательстве и дополняются региональными нормативными решениями.

Общей тенденцией выступает институционализация публичного подряда как самостоятельного правового института, находящегося на стыке финансового, административного и контрактного права, что отражает возрастающую роль публичных закупок в бюджетной политике и инфраструктурном развитии государств.

Договор подряда для государственных и муниципальных нужд в зарубежных правовых системах представляет собой сложную юридическую конструкцию, в которой частноправовые элементы подчинены императивным требованиям публичного регулирования. Анализ законодательства Европейского союза, Германии, Соединённого Королевства и Соединённых Штатов показывает, что развитие этого института сопровождается усилением процедурных гарантий конкуренции, расширением механизмов контроля и стандартизацией условий исполнения контрактов.

Эти процессы свидетельствуют о формировании транснациональной тенденции к ограничению дискреции заказчиков, повышению транспарентности расходования бюджетных средств и закреплению устойчивых моделей публичного подряда, способных обеспечить реализацию крупных инфраструктурных и муниципальных проектов в условиях правовой определённости и предсказуемости.

Литература:

1. Competition in Contracting Act of 1984, Pub. L. 98–369, Title VII // United States Code. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title41/subtitle1/chapter33&edition=prelim> (дата обращения: 27.01.2026).
2. Davis–Bacon Act of 1931, 40 U. S. C. §§ 3141–3148 // United States Code. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title40/subtitle1/chapter31/subchapter4&edition=prelim> (дата обращения: 27.01.2026).

3. Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement and repealing Directive 2004/18/EC // Official Journal of the European Union. L 94. 28.03.2014. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014L0024> (дата обращения: 27.01.2026).
4. Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen (GWB) vom 26.06.2013 (BGBl. I S. 1750), zuletzt geändert durch Gesetz vom 22.12.2023 // Bundesministerium der Justiz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gwb/> (дата обращения: 27.01.2026).
5. Public Contracts Regulations 2015 (SI 2015 No. 102) // UK Legislation. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2015/102/contents/made> (дата обращения: 27.01.2026).
6. Кашин Д. В., Вилкова М. Н., Заворохина А. П., Петрова П. А., Подгоренко Ю. П., Тиллашайхов Д. Р. Государственные закупки инноваций в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 2. С. 129–156.
7. Матыцин Д. Е., Балтутите И. В. Основы правового регулирования закупок публичных образований, государственных, муниципальных заказов: социально-экономические вызовы. Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025;(3):10–18.
8. Щербаков В. А. Правовое регулирование государственных закупок за рубежом. Экономика. Право. Общество. 2021;(4):37–42.

Развитие законодательства Российской Федерации в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма

Соколов Игнат Александрович, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Формирование в России надежного правового барьера на пути криминальных капиталов — задача, актуальность которой лишь возрастает со временем. Законодательство о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее ПОД/ФТ) за два десятилетия превратилось из формального требования международного сообщества в сложный, жизненно важный механизм защиты финансовой системы.

Развитие этого законодательного массива носило прерывистый, но целенаправленный характер. Его драйверами выступали как стремление соответствовать международным стандартам (рекомендациям Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, далее ФАТФ), так и растущее понимание внутренних угроз, исходящих от коррупции, организованной преступности и терроризма. От базового Федерального закона № 115-ФЗ [5.] система эволюционировала к включению десятков подзаконных актов, охвату новых секторов экономики (например, букмекеров, ювелиров) и внедрению цифровых технологий в мониторинг операций.

В представленной статье автор прослеживает ключевые вехи этой эволюции, анализируя, как менялись подходы — от тотального контроля всех операций к более интеллектуальной, риск-ориентированной модели. Отдельно рассматриваются современные правовые инициативы, направленные на закрытие каналов использования виртуальных активов для отмывания средств, что представляет собой новый фронт в борьбе за финансовую прозрачность. «Отметим, что в России легализация пре-

ступных доходов начала существовать и развиваться в период экономических реформ. Как отмечают эксперты, резкий всплеск экономической преступности в целом в период социальных реформ обусловлен рядом факторов, ее причины коренятся во всех сферах жизни общества: экономической, социальной, политической и духовной» [9]. В связи с чем необходимо, в первую очередь, бороться с данным явлением законодательными способами.

В июле 2003 г. Российская Федерация становится полноправным членом ФАТФ, в связи с чем законодатель сосредоточился на выполнении рекомендаций, соблюдении международных норм, предпринимая усилия по их имплементации, гармонизации законодательства и принятии новых нормативных актов в данной сфере Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем [6.].

Принятый 30 марта 2015 года Закон № 67-ФЗ [2] внес существенные изменения в ряд нормативных актов, направленных на противодействие созданию фиктивных фирм. Законодательно закрепляется процедура идентификации подобных компаний и лиц, участвовавших в их организации. Предусмотрены меры по их принудительной ликвидации, а также по раскрытию информации о них. Принципиально важным нововведением стало ужесточение санкций за нарушение установленных требований.

Уголовный кодекс РФ в дополнении статьи 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного иму-

щества, приобретенных другими лицами преступным путем» [8] был дополнен статьей 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления», которая предусматривала уголовную ответственность за легализацию денежных средств с максимальным наказанием до 7 лет лишения свободы.

Последующие нормативные документы существенно расширили и детализировали механизмы противодействия легализации преступных доходов. Существенное ужесточение требований произошло в 2013 году с принятием Федерального закона № 134-ФЗ [3]. Он не только расширил перечень субъектов, обязанных выполнять требования финансового мониторинга, но и усилил санкционный инструментарий. Наказания за несоблюдение антиотмывочного законодательства стали строже, и в их число вошла такая крайняя мера, как приостановление лицензии у кредитных организаций.

Еще один немало важный нормативный акт, который был принят, чтобы выявлять подозрительные сделки и финансовые операции с рядом стран, которые не имеют определенных соглашений с Россией об обмене налоговой информацией или не выполняют соглашения — это Приказ ФНС России от 30.10.2024 N ЕД-7-17/914@ «Об утверждении Перечня государств (территорий), не обеспечивающих обмен информацией для целей налогообложения с Российской Федерацией» [7].

Ключевым направлением развития законодательства должно стать формирование единого цифрового контура, объединяющего информационные системы Росфинмониторинга, ФСБ, МВД, ФНС и других структур. Это позволит скоординировать работу ведомств и значительно ускорить противодействие правонарушениям в сфере ПОД/ФТ. Одновременно для повышения эффективности контроля, в том числе для проверки бенефициаров, необходимо преодолеть действующий правовой барьер, ограничивающий использование закрытых источников, за счёт расширения их перечня.

Определенные последствия повлекла за собой приостановка в 2022 году сотрудничества России с ФАТФ. Результатом стало фактическое исключение страны из международной системы финансового мониторинга, что непосредственно затруднило трансграничные операции, осложнило работу с международными финансовыми институтами и привело к ограничениям в расчетах. В свою очередь, это спровоцировало сложности с притоком иностранных инвестиций и создало риски дополнительного санкционного давления.

17 марта 2022 года в Росфинмониторинге состоялось заседание Межведомственной комиссии по ПОД/ФТ и финансированию распространения ОМУ. Центральным вопросом мероприятия стал анализ рисков отмывания преступных доходов в связи с применением к Российской Федерации односторонних санкций недружественных государств. Комиссией было отмечено, что функционирование и повышение эффективности российской системы

ПОД/ФТ не прекращается. Данная работа, в частности, ведётся в русле Плана реализации рекомендаций ФАТФ (2019 г.) с учётом национальных приоритетов. При этом информационное взаимодействие на площадке ФАТФ продолжается через Группу «Эгмонт». К числу актуальных задач также отнесены повышение эффективности надзорной деятельности, совершенствование работы частного сектора и адекватная квалификация фактов финансирования терроризма с оглядкой на новую обстановку.

Соответственно, в закон «О банках и банковской деятельности» [1] добавили норму, которая не позволяет банкам увеличивать комиссию за перевод денег со счетов клиентов при расторжении или изменении договоров на обслуживание. Одновременно в законе № 115-ФЗ уточнили, что установление такими организациями повышенных комиссий и сборов за операции клиентов не является мерой противодействия легализации доходов или финансированию терроризма.

Запуск Платформы «Знай своего клиента» (Платформа ЗСК) состоялся 1 июля 2022 года одновременно со вступлением в силу Федерального закона № 423-ФЗ [4]. На основании этого закона Банк России использует указанную платформу для информирования кредитных организаций об уровне риска вовлеченности их клиентов — юридических лиц и ИП — в подозрительные операции. В ст. 6 Федерального закона № 115-ФЗ также внесены изменения Федеральным законом от 14.07.2022 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений статьи 5.1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности».

Проведенный анализ позволяет констатировать, что развитие законодательства РФ в сфере ПОД/ФТ представляет собой динамичный и адаптивный процесс трансформации, прошедший путь от имплементации международных стандартов к формированию зрелой национальной системы. Её эволюция, носившая реактивный характер, была обусловлена как внешними факторами (вступление в ФАТФ в 2003 г., выполнение рекомендаций, а позднее — последствия приостановки сотрудничества в 2022 году), так и внутренней необходимостью противодействия угрозам коррупции и организованной преступности. Ключевыми вехами стали ужесточение санкций и расширение круга подконтрольных субъектов, развитие уголовного и административного инструментария, а также постепенный переход к риск-ориентированной модели. В настоящее время законодательство оформилось в комплексный межведомственный механизм, что подтверждается взаимодействием Росфинмониторинга, ФСБ, МВД, ФНС и развитием специализированных цифровых инструментов, таких как платформа «Знай своего клиента».

Современные правовые инициативы демонстрируют стремление отвечать на новые вызовы, включая использование виртуальных активов и последствия санкционного давления, что проявляется в уточнении правил, борьбе с фиктивными компаниями и адаптации контроля к гео-

политическим реалиям. Несмотря на вызовы, связанные с международной изоляцией, национальная система ПОД/ФТ продолжает развиваться, делая акцент на суверенные цифровые решения, усиление межведомственной координации и сохранение рабочих контактов через альтернативные каналы.

Таким образом, современное российское законодательство в данной сфере представляет собой самодоста-

точную, активно эволюционирующую систему, которая сохраняет преемственность с лучшими практиками финансовой прозрачности, одновременно адаптируясь к условиям внешнего давления. Её дальнейшее совершенствование будет зависеть от баланса между необходимостью жесткого контроля для противодействия новым схемам отмыwania средств и задачей минимизации регуляторной нагрузки на добросовестный бизнес.

Литература:

1. О банках и банковской деятельности: Закон РФ от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 04.11.2024) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 23.01.2026).
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 30.03.2015 № 67-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177213/ (дата обращения: 23.01.2026).
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148268/ (дата обращения: 23.01.2026).
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 423-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404060/ (дата обращения: 23.01.2026).
5. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 23.01.2026).
6. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 09.12.2025) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/ (дата обращения: 23.01.2026).
7. Об утверждении Перечня государств (территорий), не обеспечивающих обмен информацией для целей налогообложения с Российской Федерацией: Приказ ФНС России от 30.10.2024 № ЕД-7-17/914@ // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493823/ (дата обращения: 23.01.2026).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 23.01.2026).
9. Холин, А. Н. Пути совершенствования организационно-правовых мер по борьбе с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма / А. Н. Холин // Вестник науки. — 2023. — № 12 (69). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-sovershenstvovaniya-organizatsionno-pravovyh-mer-po-borbe-s-legalizatsiey-otmyvaniem-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem-i> (дата обращения: 23.01.2026).

Понятие и виды полномочий органов местного самоуправления

Соколова Анастасия Вадимовна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

Согласно Федеральному закону от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» местное самоуправление определяется как «признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации форма самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов

непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах полномочий, предусмотренных в соответствии с Конституцией Российской Федерации настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, — законами субъектов Российской Федерации». [3, ст. 1]

В свою очередь, конституция Российской Федерации установила, что:

— местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно [1, ст. 12];

— местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью [1, ст. 130];

— органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы, решают иные вопросы местного значения, а также в соответствии с федеральным законом обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи [1, ст. 130].

Более полная характеристика полномочий местного самоуправления содержится в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Сам закон не дает конкретного определения понятия «местное самоуправление».

Вместо этого используется понятие «вопросы местного значения», под которыми Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в редакции № 176 от 13.12.2024 г.), понимал “вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно”. [4, ст. 2]

Права и обязанности тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Полномочия местных органов власти — это не привилегии, а средства для выполнения поставленных перед ними задач.

Органы власти — это не только уполномоченные органы, обладающие определенными правами, но и органы, обязанные совершать определенные властные административные действия. Они не должны уклоняться или выходить за рамки выполнения своих прав и обязанностей, поскольку они не только обладают определенными правами, но и обязаны совершать определенные властные административные действия.

Соотношение прав и обязанностей местных органов власти показывает, что последние могут быть более объемными, чем первые. При этом, даже если в законодательном порядке вводятся дополнительные обязательства, их осуществление происходит в пределах существующих правовых рамок, а не путем получения новых прав.

Компетенции определяют характер и объем полномочий, возложенных на органы или должностных лиц местного самоуправления, и отражаются в определенных актах.

В структуру компетенции органов местного самоуправления входят два неразрывных элемента: сферы ведения, определяющие границы правомерного вмеша-

тельства органа местного самоуправления в жизнь населения, а также права и обязанности органа местного самоуправления. Вместе они очерчивают круг вопросов, в которых орган местного самоуправления признается субъектом права.

Прямое волеизъявление народа также имеет большое значение в осуществлении полномочий органов местного самоуправления, так как прямое волеизъявление народа способствует выработке решений общего значения и является результативным средством оценивания деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления.

Жители муниципалитета реализуют свое право на местное самоуправление путем принятия на референдуме подлежащих исполнению правовых актов (решений) муниципалитета, которые не требуют одобрения не только муниципалитета, но и любых органов государственной власти и должностных лиц.

Необходимо также, выделить ключевые характеристики касательно полномочий органов местного самоуправления, к которым относятся:

— Законодательное закрепление. Полномочия органов местного самоуправления закреплены в Конституции РФ, Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — 131-ФЗ), с недавнего времени в Федеральном законе от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», в других федеральных законах, законах субъектов РФ и уставах муниципальных образований.

— Предметная направленность. Полномочия связаны с решением вопросов местного значения, то есть вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования.

— Самостоятельность. Органы местного самоуправления осуществляет свои полномочия самостоятельно, в пределах своей компетенции, без прямого вмешательства со стороны органов государственной власти.

— Подконтрольность и подотчетность. Деятельность органов местного самоуправления подконтрольна населению, прокуратуре и другим уполномоченным органам, а также подотчетна перед населением.

— Обеспечение ресурсами. Реализация полномочий органов местного самоуправления должна быть обеспечена необходимыми финансовыми, материальными и иными ресурсами.

Можно выделить следующие виды полномочий, реализуемых в местном самоуправлении:

1) Собственные или самостоятельные полномочия — это полномочия, предоставленные муниципалитету государством. Эти полномочия гарантируют самостоятельное решение важных местных вопросов жителями муниципалитета.

2) Отдельные государственные полномочия, переданные местным органам власти законом. Передача от-

дельных государственных полномочий органам местного самоуправления осуществляется федеральным законом и законами субъектов Российской Федерации с одновременной передачей необходимых материальных и финансовых ресурсов.

Полномочия, осуществляемые местными органами власти, также можно разделить следующим образом:

1) Полномочия общего характера. Служат средством выражения и реализации задач и функций органов местного самоуправления.

2) Полномочия специального характера. Данные полномочия всегда связаны с решением конкретных актуальных и оперативных задач, а также гарантируют реализацию полномочий общего характера.

Еще одна классификация полномочий органов местного самоуправления:

1. По форме организации:

1.1. Конституционные полномочия — закрепляются в Конституции Российской Федерации, конституциях и уставах субъектов Федерации (например, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью).

1.2. Законодательные полномочия -предусмотрены Законом об общих принципах организации местного самоуправления, Законом о местном самоуправлении субъектов Российской Федерации, системой федеральных и региональных специализированных и ведомственных актов;

1.3. Юридические полномочия -предусмотрены в уставах органов местного самоуправления;

1.4. Нормотворческие полномочия -предусмотрены в нормативных правовых актах местного самоуправления и представительных органов местного самоуправления.

2. В зависимости от вида деятельности различают конкретные полномочия (например, руководство, управ-

ление, принятие решений, участие, организация, развитие, координация и контроль). Эта группа полномочий по-разному сочетается во всех видах деятельности местного самоуправления.

3. По содержанию. Полномочия представительства, нормотворчества, управления и контроля, то есть полномочия местных органов власти по выполнению представительских, законодательных, управленческих и контрольных функций.

В целом полномочия органов местного самоуправления обладают следующими чертами:

1. Самостоятельное решение вопросов местного значения. Органы местного самоуправления предоставляют населению возможность самостоятельно решать вопросы, непосредственно затрагивающие их интересы.

2. Выборность органов местного самоуправления. Население избирает органы местного самоуправления, которые представляют их интересы и ответственны перед ними.

3. Финансовая самостоятельность. Наличие собственных источников доходов, достаточных для реализации полномочий.

4. Полномочия органов местного самоуправления создают правовую основу для участия граждан в решении местных вопросов через выборы, референдумы, публичные слушания, другие формы.

5. Эффективное осуществление полномочий органов местного самоуправления способствует улучшению качества жизни населения, развитию экономики и социальной сферы муниципального образования.

6. Успешная реализация полномочий органов местного значения повышает доверие населения к власти и укрепляет легитимность органов государственной власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.07.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — № 237; 2020. — № 144.
2. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995 № 67; 1998.
3. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Российская газета. 2025. N 65–66.
4. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. N 40, ст. 3822.
5. Указ Президента РФ от 15.03.2000 N 511 (ред. от 28.06.2005) «О классификаторе правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 12. ст. 1260; 2005 г. № 28 ст. 2865.

Контроль за деятельностью религиозных организаций в России

Тайнашкин Игорь Петрович, студент

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье автор исследует правовые проблемы осуществления контроля за деятельностью религиозных организаций в России

Ключевые слова: контроль, религиозные организации

Государственный контроль за деятельностью религиозных организаций в России представляет собой важный аспект взаимодействия государства и религиозных организаций, вызывает интерес и дискуссию не только в государственно-конфессиональных отношениях, но и в обществе в целом, так как касается фундаментального права человека на свободу совести и вероисповедания.

Кроме того, контроль за религиозными организациями позволяет государству охранять иные конституционные права и свободы граждан, предостерегать общество от деятельности деструктивных элементов, действующих под видом религиозных организаций. Особую важность контроля можно подчеркнуть в рамках борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом.

Важность данной темы обусловлена тем, что недостаточное внимание к данному виду контроля может привести к дестабилизации общества, деформированию национальной идентичности, развитию ксенофобии, религиозной вражды, ненависти и так далее.

Под контролем за деятельностью религиозных организаций понимается управленческая деятельность государства, которая в лице уполномоченных государственных органов, осуществляет в соответствии с законом, регламентами, инструкциями и положениями контроль (надзор) за соблюдением религиозными организациями Конституции РФ, федеральных законов и иных нормативно-правовых актов.

Статья 25 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (далее — Федеральный закон № 125-ФЗ) определяет два субъекта контроля за деятельностью религиозных организаций, оперируя при этом двумя его понятиями: «надзор», который осуществляют органы прокуратуры за исполнением законодательства Российской Федерации о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, и «контроль» за соблюдением религиозными организациями законодательства Российской Федерации о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, а также целей и порядка деятельности, предусмотренных их уставами, который возложен на Федеральный орган, принимающий решение о регистрации или его территориальный орган.

Несмотря на попытки государственной власти устранить накопившиеся проблемы, связанные с контролем религиозных организаций, до сих пор остается большой круг вопросов, требующих правового регулирования.

Анализ вопросов теории и практики осуществления контроля за деятельностью религиозных объединений, является важной работой с целью формирования предложений по совершенствованию и обновлению нормативно-правовых актов и выработки научных положений, необходимых для повышения эффективности контроля.

Проблемы в применении права в сфере государственного контроля наблюдаются в течение долгого времени. Многие вопросы разрешались благодаря толкованию норм законодательства Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ при рассмотрении дел, связанных с деятельностью религиозных организаций, как, например, это было в случае с определением полномочий прокуратуры, о чем говорится в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Далее постараемся раскрыть наиболее часто встречающиеся проблемы организационно-правового характера в сфере контроля за деятельностью религиозных организаций и предложить возможные пути их решения.

Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ не разграничивает статус религиозных организаций и религиозных объединений, рассматривая их как синонимичные понятия. Вместе с тем по своему конституционно-правовому и гражданско-правовому статусу религиозные организации не могут приравниваться к религиозным объединениям и соотносятся с ними как часть и целое. Деятельность религиозных объединений не подпадает под действие Федерального закона «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ (далее — Федеральный закон № 82-ФЗ), несмотря на то, что согласно положениям статьи 1 предметом регулирования указанного федерального закона являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами права на объединение. Приведенный федеральный закон определяет содержание права граждан на объединение, основные государственные гарантии этого права, статус общественных объединений, а также особенности правового положения общественных объединений, являющихся юридическими лицами. Вместе с тем в статье 7 Федерального закона № 82-ФЗ религиозные объединения не указаны. Полагаем, что указанная коллизия правовых норм требует пересмотра, а также внесения изменений в законодательство, например, в части

включения в перечень общественных объединений религиозных организаций.

В связи с изложенным можно сделать вывод о том, что отсутствие религиозных объединений в перечне общественных объединений создает правовую неопределенность, прежде всего в правоприменительной практике, и прямо противоречит положениям Федерального закона № 125-ФЗ, который определяет статус религиозного объединения как добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими этой цели признаками: вероисповедание; совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

Следующей проблемой организационно-правового характера в сфере контроля за деятельностью религиозных организаций можно отметить следующее. В контексте законодательного совершенствования необходимо отметить, что основной проблемой в данной сфере остается нарушение иерархичности правового регулирования контроля (надзора) органов юстиции за деятельностью некоммерческих организаций, выраженной в действии многочисленных подзаконных правовых актов. Однако ведомственное правовое регулирование не может заменить нормативно-правовое регулирование посредством федеральных законов, первое может только конкретизировать положения второго в рамках, например, административного регламента или положения.

Как справедливо отмечает Зырянов С. М., высокая неустойчивость федеральных законов, нестабильность правового регулирования, выраженная во множестве внесенных в них изменений, свидетельствует о низком качестве законодательства [4, с. 113].

В настоящее время действует Положение о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций. Однако необходимо принятие федерального закона «О федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций», в котором необходимо, к примеру, закрепить предмет, объект, а также органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять федеральный государственный контроль (надзор) за деятельностью некоммерческих организаций, конкретизировать саму процедуру осуществления контроля (надзора) органов юстиции в отношении некоммерческих организаций.

На сегодняшний момент данный закон не принят, что является существенным недостатком законодательного регулирования контроля (надзора) органов юстиции в отношении некоммерческих организаций и нарушением его иерархичности.

Особую роль органы контроля за деятельностью религиозных организаций играют в борьбе с религиозным экстремизмом. При рассмотрении вопроса о религиозном

экстремизме необходимо отметить, что в российском законодательстве не получили правового закрепления определение религиозного экстремизма, его признаки, а также меры, направленные на борьбу с ним. В связи с этим существуют значительные трудности как в проведении эффективной профилактики и борьбы с религиозным экстремизмом, так и в осуществлении контрольно-надзорной деятельности органов контроля в указанной сфере.

Так, например, как правило, полученные в ходе проверки письменные материалы, аудио- и видеозаписи, а также иные материалы (например, знаки религиозных организаций) могут не содержать прямых призывов, носящих экстремистский характер, в связи с чем установить, имеются ли в деятельности религиозных объединений признаки экстремизма, можно только путем анализа всей их деятельности (произносимых, публикуемых материалов, графических и аудиовизуальных материалов) с привлечением специалистов в области лингвистики, психологов, а также учитывая религиозную окраску возможных противоправных действий, и религиоведов для получения компетентного заключения о наличии в материалах призывов экстремистского характера.

Кроме того, отсутствие отдельного статистического учета преступлений и правонарушений, совершенных в указанной сфере, принятых мер реагирования делает затруднительным проведение надлежащего анализа состояния законности в указанной сфере, а также выработки специальной методики и тактики проверок, направленных на профилактику и борьбу с религиозным экстремизмом.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что в настоящее время интернет-пространство стало основным средством связи для экстремистских и террористических организаций, поскольку позволяет анонимно осуществлять деятельность по получению и передаче противоправной информации, вербовке новых членов в преступные группировки, осуществлению кибератак, распространению радикальной идеологии, а также обеспечивает неподконтрольность финансовых потоков.

В связи с чем большое значение приобретает мониторинг интернет-ресурсов с целью выявления фактов распространения экстремистских идей и материалов, в том числе радикального религиозного толка, использование таких полномочий, как признание судом информационных материалов экстремистскими по заявлению прокурора и блокировка призывов к экстремистской деятельности по требованию Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Актуальной проблемой также остается вопрос кадрового обеспечения Минюста России и его территориальных органов. Кадровое обеспечение должно соответствовать современным тенденциям цифровой трансформации контроля (надзора) за деятельностью религиозных организаций в связи с тем, что для работы с новыми цифровыми технологиями необходимы усовершенствование и переквалификация должностных лиц органов юстиции, поскольку именно они определяют

качество реализации функций контроля (надзора) за деятельностью религиозных организаций. Необходимо создание таких образовательных программ по повышению квалификации и профессиональной переподготовки кадров органов и учреждений Минюста России, которые позволят сотрудникам повысить навыки по внедрению цифровых технологий в сферу реализации контроля (надзора) за деятельностью религиозных организаций.

Также на наш взгляд, название главы IV «Надзор и контроль за исполнением законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» Федерального закона № 125-ФЗ не соответствует общепринятой законодательной практике, в связи с чем необходимо изменить порядок слов и назвать ее «Контроль (надзор) за исполнением законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях».

Кроме того, необходимо изменить установленный порядок субъектов контроля. Контроль, осуществляемый Минюстом России, предлагаем поставить на первое место как орган, непосредственно осуществляющий контрольную деятельность за религиозными организациями, а прокурорский надзор — на второе как орган, осуществляющий надзор как за религиозными объединениями, так и за законной деятельностью органов юстиции.

Считаем необходимым статью 25 Федерального закона № 125-ФЗ дополнить пунктом 3 в следующей редакции: «3. Иные государственные органы вправе рассматривать вопросы, связанные с деятельностью религиозных организаций, в соответствии с полномочиями, установленными законодательством», так как это предусматривалось в законопроекте Федерального закона «О свободе совести и религиозных организациях» 1994 года.

Необходимо сказать еще об одной из актуальных проблем, связанной с контрольной деятельностью за религиозными организациями. Согласно действующему законодательству, религиозные организации освобождаются от сдачи финансовой отчетности, за исключением финансирования, где присутствует иностранный элемент. В дальнейшем были внесены изменения, устанавливающие, что органы Минюста России больше не наделены правом запрашивать информацию о финансовом положении религиозных организаций у банков. По нашему мнению, необходимо вернуть органам Минюста России право запрашивать у банков финансовые документы при проверках религиозных организаций, что в свою очередь позволит более всесторонне и качественнее осуществлять контроль.

Особо актуальным становится внедрение технологии искусственного интеллекта в контрольную деятельность государственных органов в связи с ростом объема данных и информации, при обработке которых должностные лица сталкиваются с серьезными проблемами, что в конечном итоге влияет на качество проведенной проверки.

Внедрение и применение искусственного интеллекта в сфере контрольно-надзорной деятельности государ-

ственных органов, безусловно, затронет и религиозную сферу как подконтрольного объекта.

В настоящее время необходимо заранее вести аналитическую работу и сбор информации для оценки проблем и рисков, а также правовых принципов по применению искусственного интеллекта в сфере контроля за деятельностью религиозных организаций, так как проблема внедрения заключается больше не со стороны государственных органов, а религиозных организаций, их внутреннего устройства и позиции в отношении применения новых технологий.

На наш взгляд, применение искусственного интеллекта в рамках контроля за деятельностью религиозных организаций может применяться при первоначальном анализе документов, представленных для осуществления государственной регистрации, при анализе документов, переданных религиозной организацией для осуществления проверки, устава и основ вероучения религиозной организации на предмет соответствия законодательству, осуществления мониторинга деятельности религиозной организации. Данные возможности позволят прогнозировать и не допускать совершения противоправных действий на стадии предварительного контроля, повысить уровень прозрачности контрольно-надзорной деятельности, а также уменьшить риск ошибочного привлечения граждан к ответственности [5, с. 23].

В связи с этим назревает необходимость (в случае использования искусственного интеллекта в сфере контроля [надзора]) издания специального федерального закона, который мог бы иметь название «Федеральный закон „О применении в контрольной (надзорной) деятельности цифровых технологий“», отражающее все стороны его применения, в том числе и ответственность в случае незаконного решения, принятого в результате ошибок, произведенных искусственным интеллектом.

Заключение

Подводя итог, мы можем сделать следующий вывод. Осуществление контроля за соблюдением религиозными организациями уставных целей и законодательства РФ является одной из приоритетных задач органов власти всех уровней, в том числе территориальных органов Минюста России, органов прокуратуры. При этом все контрольные функции должны реализовываться в рамках полномочий и с соблюдением процедур, предусмотренных законодательством.

Приведенный нами ряд актуальных проблем организационно-правового характера в сфере контроля за деятельностью религиозных организаций, а также возможные пути их решения, не являются исчерпывающими, в реальности их, конечно, гораздо больше.

На основании изложенного, проанализировав достаточно большой объем нормативно-правовых актов, регулирующих сферу контроля за деятельностью религиозных организаций, изучив труды ученых-административистов, можно констатировать тот факт, что институт го-

сударственного контроля за деятельностью религиозных объединений пока еще остается недостаточно прорабо-

ванным и подлежит более детальному и последовательному законодательному регулированию.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 4 — Ст. 445.
2. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 39. — Ст. 4465.
3. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 21. — Ст. 1930.
4. Зырянов, С. М. Теоретические проблемы законодательства о контрольно-надзорной деятельности / С. М. Зырянов // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства : материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 07–08 июня 2019 года. — Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2019. — С. 110–115. — EDN OWHXUF.
5. Морозов, А. Е. Изменение модели финансового контроля в условиях цифровой трансформации / А. Е. Морозов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 7 (59). — С. 22–26. — DOI 10.17803/2311-5998.2019.59.7.022-026. — EDN AIUBRX.

Судебная защита экологических прав человека в Оренбургской области

Толстых Данил Сергеевич, студент

Научный руководитель: Кузьмина Мария Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В этой статье автор исследует проблемы судопроизводства судов на территории Оренбургской области по спорам в области экологии и предлагает варианты их решения.

Ключевые слова: эколого-правовые споры, судопроизводство.

При современном развитии промышленности в окружающую среду попадают различные вредные вещества и отходы, загрязняющие её. Если это не контролировать, то в определённый момент жизнь на планете станет невозможной даже для человека, что делает это вопросом выживания.

Таким образом, защита экологических прав, особенно судебная, приобретает определённую значимость. Только при её эффективности можно гарантировать нормальное существование нашего вида.

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующих судопроизводство в Оренбургской области по экологическим спорам являются процессуальные кодексы: ГПК [2], АПК [1], УПК [5], КАС [3], а также КоАП [4], определяющие предметную подсудность судов и правила ведения процесса.

Рассмотрением дел по спорам, связанным с окружающей средой, на территории Оренбургской области занимаются мировые судьи, районные суды, Оренбургский областной суд и Арбитражный суд Оренбургской области.

Арбитражный суд Оренбургской области рассматривает все экологические дела, связанные с осуществлением

предпринимательской и иной экономической деятельности. Это могут быть дела как вытекающие из гражданских правоотношений, так и некоторые административные споры и дела по административным правонарушениям.

Мировые судьи рассматривают только дела об административных правонарушениях в сфере экологии и природопользования.

Оренбургский областной суд рассматривает все дела, связанные с гос. тайной, уголовные дела в отношении сенаторов, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ и судей, если они заявили соответствующее ходатайство до начала процесса; административные дела об оспаривании нормативно-правовых актов субъектов Федерации и органов местного самоуправления; а также гражданские дела о признании и исполнении решений иностранных судов и иностранных третейских судов и арбитражей.

Районные суды рассматривают в первой инстанции все остальные гражданские, административные дела и дела об административных правонарушениях, связанные с экологией и не отнесённые к подсудности других судов, а также все уголовные дела по преступлениям в области окружающей среды.

Апелляционные жалобы на решения мировых судей рассматриваются в районных судах. В свою очередь, апелляции на решения районных судов рассматриваются в Оренбургском областном суде, который также рассматривает кассационные жалобы на решения нижестоящих судов.

Защита экологических прав в суде осуществляется посредством различных исков. Право на их подачу определяется категорией дела: по уголовным делам и делам об административных правонарушениях его может подать только правоохранительный орган, а по гражданским и административным делам — прокурор, граждане (включая группу граждан) и некоммерческая организация.

На практике можно выделить несколько проблем рассмотрения судами споров по защите нарушенных прав граждан в области окружающей среды.

Преподаватель Ростовского филиала РГУП им. В. М. Лебедева Юлия Александровна Шульгач в совместной статье [9] со своими студентами выделяет следующие проблемы:

- отсутствие системы экологических прав, они расположены в многочисленных нормативно-правовых актах;
- формальность экологических прав, по мнению авторов они часто не соблюдаются на практике и игнорируются;
- непроработанность механизма возмещения вреда за вред экологии.

Преподаватели ДГУ Зенаб Аппасовна Юзбашева и Абай Маликовна Максимова в своей статье [10] выделяют следующие проблемы в сфере защиты экологических прав:

- недоверие к судебной системе из-за трудностей в доказывании вины;
- неполнота правового регулирования, сложности правоприменения, заключающиеся в возможности многозначного толкования закона;
- неправильный расчёт платы на негативное воздействие на окружающую среду;
- затяжные судебные процессы способствуют еще большему загрязнению экологии, так как нарушитель до окончания процесса продолжает свою негативную для природы деятельность и другие.

Также можно привести статью магистранта МосГУ [8], которая выделяет среди проблем ещё и отсутствие необходимой квалификации у судей.

По её мнению, судьи должны обладать достаточной квалификацией в области экологического права для эффективного разрешения экологических споров, из-за отсутствия чего суды вынуждены прибегать к помощи экспертов.

Мы, со своей стороны, можем предложить несколько вариантов решений этих проблем, которые вполне можно использовать в совокупности:

- привлечение экологов к разрешения арбитражных дел в качестве арбитражных заседателей, что повысит качество их рассмотрения.
- передача всех дел по спорам в области экологии, кроме уголовных, в подсудность арбитражных судов;
- создание системы специализированных экологических судов или одно такого суда по аналогии с Судом по интеллектуальным правам;
- переложение бремени доказывания на ответчиков, что позволит большему числу людей подавать иски о защите экологических прав;
- систематизация и совершенствование экологического законодательства.

Тем не менее, несмотря на наличие имеющихся проблем, судебная практика Оренбургской области знает примеры успешного рассмотрения и разрешения экологических дел с привлечением нарушителей к юридической ответственности.

Так, Красногвардейский районный суд в 2024 году удовлетворил иск прокурора Красногвардейского района в интересах неопределённого круга лиц к МО Токский сельсовет Красногвардейского района и МО Красногвардейский район о признании их бездействия и о ликвидации несанкционированной свалки бытовых отходов, расположенной на земле сельскохозяйственного назначения на территории села Токское. Суд обязал администрации обоих муниципальных образований принять меры по ликвидации данной свалки до 1 июня 2026 года с последующей рекультивацией земли в течение 1 месяца после ликвидации [7].

Положительную практику можно также увидеть и в работе Арбитражного суда Оренбургской области. В октябре 2022 года был удовлетворён иск Южно-Уральского межрегионального управления Росприроднадзора к АО «Оренбургнефть» о взыскании задолженности по возмещению вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды в результате разлива нефтепродуктов в следствие разгерметизации нефтепровода, принадлежащего организации, в размере около 27,8 миллионов рублей [6].

Судебная защита является одним из важных и сильнейших механизмов правовой защиты экологических прав в Оренбургской области. Пусть она и имеет определённые проблемы, но тем не менее имеется положительный опыт разрешения дел. Также существуют полноценные комплексы идей по преодолению существующих проблем.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 19. Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4532.

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.01.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
6. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 10.10.2022 № А47-14485/2021 // СПС «Консультант».
7. Решение Красногвардейского районного суда Оренбургской области от 12.06.2024 № 2А-209/2024 // СПС «Консультант».
8. Николаева М. В. Роль суда в защите экологических прав граждан // Молодой ученый. 2025. № 36 (587). С. 108–112.
9. Шульгач, Ю. А. и др. Проблемы реализации экологических прав граждан // Молодой ученый. 2019. № 44 (282). С. 268–270.
10. Юзбашева З. А., Максумова А. М. Судебная защита экологических прав // Вестник ДГУ. Серия 3. Общественные науки. 2025. № 4. Ст. 81–88.

Институт гражданства Российской Федерации в свете законодательных новелл 2023 года

Томилова Инга Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент;
Калачев Максим Дмитриевич, студент

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк)

В статье проведено исследование правового регулирования института гражданства в Российской Федерации в контексте изменений, связанных с принятием Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ. Автор анализирует действующее законодательство, выделяет ключевые нововведения и выявляет потенциальные проблемы, с которыми может столкнуться правоприменительная практика. В ходе исследования рассматриваются правовые основания приобретения и прекращения гражданства, а также требования для претендентов, желающих вступить в российское гражданство. Особое внимание уделяется вопросам правового статуса лиц, получивших гражданство по рождению и вследствие натурализации, а также проводится анализ понятий «лишение гражданства» и «прекращения гражданства».

Ключевые слова: гражданство, приобретение гражданства, прекращение гражданства, прием в гражданство, признание гражданином, общие требования, исключительный порядок, двойное гражданство, множественное гражданство.

Одним из значимых событий 2023 года стало вступление в силу нового закона о гражданстве Российской Федерации, пришедшего на смену ранее действующему закону, регулирующему данную сферу правоотношений в течение 20 лет. За текущий период РФ стала совсем другим государством: изменились границы на карте — в состав РФ вошли новые территории, поменялась геополитическая обстановка на международной арене, возникла необходимость обновления действующей Конституции. Изменения, которые были внесены по итогам общероссийского голосования, обозначили приоритетные направления развития государства. В тексте Конституции РФ были закреплены следующие положения: «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР», «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России» [1]. Конституционные нововведения актуализировали вопросы приобретения российского гражданства, в частности, гражданами бывшего Союза ССР, и их потомками, а также детьми при рождении. Политическая ситуация также способствовала изменению законо-

дательства в сфере гражданства в целях охраны государственной безопасности и укрепления суверенитета РФ.

Таким образом, внесение изменений в Конституцию РФ повлекло необходимость преобразования института российского гражданства.

В современном государстве одним из главных институтов основных прав и свобод человека и гражданина является гражданство. Особенностью данного института в контексте правового статуса лица, обладающего гражданством конкретного государства, то есть имеющего с ним устойчивую правовую связь, является факт наличия у него всего объема прав, свобод и обязанностей, гарантированных законодательством данного государства.

Гражданство есть политико-правовая связь двух сторон — государства и гражданина, основанная на взаимном волеизъявлении обеих сторон и отличающаяся определенной устойчивостью взаимоотношений по сравнению с иными отношениями личности с государством. Именно оно обычно служит иллюстрацией для юридического факта-состояния. Такая устойчивость связана с тем,

что отношения носят продолжительный характер и длятся, как правило, всю жизнь человека, что, в свою очередь, не исключает факта смены гражданства, приобретения иного гражданства, при наличии существующего, утраты гражданства по объективным и субъективным причинам.

На протяжении постсоветского периода в РФ было принято три последовательно сменяющих друг друга закона о гражданстве, а именно:

1. Закон Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» от 28.11.1991 № 1948–1;
2. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ (далее по тексту — старый закон);
3. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 № 138-ФЗ (далее по тексту — новый закон, Закон) [2].

Перейдем к рассмотрению наиболее важных изменений в новом законе о гражданстве.

Ст. 4 расширяет основной перечень правовых категорий, включая в Закон такие понятия как: гражданин РФ; гражданин Союза ССР; единственный родитель (усыновитель); иностранный гражданин или лицо без гражданства, постоянно проживающее в РФ и др. При этом необходимо обратить внимание на проблему, обсуждаемую в научном сообществе, связанную с отсутствием законодательного определения «гражданин РФ, постоянно проживающим за рубежом» [3, с. 103]. В настоящее время данное понятие встречается в различных нормативных правовых актах, однако отнесение граждан к указанной категории не сформулировано в силу отсутствия легального определения.

Особого внимания заслуживает факт появления такого термина как «множественное гражданство», противопоставляющегося понятию «двойное гражданство». Различие в подходах к определению понятий состоит в том, что в первом случае подразумевается наличие у российского гражданина гражданства (подданства) иностранного государства, с которым у РФ не заключен международный договор о двойном гражданстве, а во втором случае предполагается, что такой договор между государствами заключен.

Однако смысл данного разграничения понятий, при последующем анализе норм закона, представляется неясным, так как далее, по тексту Закона (ст. 7), никаких существенных различий в правовом статусе лиц с двойным и множественным гражданством обнаружить не удастся.

В рамках изменения понятийного аппарата, обращает на себя внимание исключение из перечня основных понятий Закона дефиниций «общий порядок приобретения гражданства», «упрощенный порядок приобретения гражданства», «восстановление в гражданстве», используемых в ранее действующем законодательстве. Новый закон о гражданстве этими категориями не оперирует. Тем не менее, более простой порядок приема в российское гражданство возможен, если имеют место обстоятельства, перечисленные в ч. 3 ст. 15, ст. 16 нового закона.

Ст. 12 Закона предусматривает следующие основания приобретения гражданства:

1. по рождению;
2. в результате приема в гражданство;
3. в результате признания гражданином;
4. в результате оптации;
5. в соответствии с международным договором.

Приобретение гражданства по рождению (филиация), является наиболее распространенным способом приобретения гражданства. В рамках международного и национального права принято различать: «право крови» и «право почвы». Суть «права крови» заключается в том, что ребенок приобретает гражданство своих родителей независимо от государства, в котором он родился, в то время как «право почвы» основано на месте рождения, то есть на территории конкретного государства. Современное российское законодательство включает в себя два вышеупомянутых права.

Условия приобретения гражданства по рождению существенно не изменились, трансформировался только редакторский подход к изложению текста ст. 13 нового закона о гражданстве, а именно:

- добавлено основание приобретения гражданства по рождению для детей иностранных граждан или лиц без гражданства, родившихся на водном или воздушном судне, имеющем национальную принадлежность РФ, которые не получили гражданство (подданство) иностранного государства по рождению;
- не нашло отражения положение, согласно которому ребенок, который рожден на российской территории суррогатной матерью, приобретает гражданство по рождению. Возможно, причина этого кроется в свете недавних изменений в законодательстве о суррогатном материнстве: теперь потенциальными родителями могут быть исключительно граждане РФ.

Говоря о правилах приема в российское гражданство (натурализации), необходимо отметить, что новый закон по-иному урегулировал общие требования для приема в гражданство (ст. 15 Закона). В качестве новых требований, помимо знания русского языка и ценза оседлости (проживание в РФ пять лет), появилось условие — знание истории России и основ законодательства РФ, которые в старом законе отсутствовали (далее по тексту — общие требования). Также новый закон исключает обязательность подтверждения законного источника средств к существованию.

При этом, ч. 3 ст. 15, ст. 16 нового закона выделяют несколько категорий лиц, к которым не применяются те или иные общие требования, расширив этот перечень, добавив следующие категории:

- лица, освоившие в РФ образовательную программу высшего образования (имеющую государственную аккредитацию) по очной форме обучения и получившие документ об образовании и о квалификации с отличием;
- претенденты, имеющие родственников по прямой восходящей линии, родившихся или постоянно проживавших на территории РСФСР либо территории, относив-

шейся к Российской Империи или Союзу ССР (в пределах Государственной границы РФ);

– и др.

Из категории лиц, имеющих право на получение гражданства без учета общих требований, были исключены: иностранные лица, занимающиеся инвестиционной и предпринимательской деятельностью; граждане Беларуси, Украины, Молдовы, Казахстана и пр. Как отмечается в научной литературе, претенденты, которые не связаны с российским государством ни этнически, ни политически, ни культурно, не могут находиться в данном перечне, так как это не соответствует целям миграционной политики РФ [4, с. 43]. Кроме того, в отношении отдельных категорий претендентов, которые могут получить гражданство без учета общих требований, внесены корректировки:

– в отношении лиц, имеющих сына или дочь, являющихся российскими гражданами, проживающими в РФ, исключили требование к возрасту ребенка;

– исключили условие длительности брака и включили положение об обязательном наличии совместных детей, в том числе усыновленных (удочеренных). Это изменение связано с распространением фиктивных браков с целью получения российского гражданства и развитием соответствующего сегмента на рынке услуг нелегальной миграции [5, с. 34];

Как мы видим, в перечне лиц, к которым не применяются те или иные общие требования, имеется много претендентов, которые так или иначе связаны с Россией. В связи с этим, как отмечается в научной литературе, законодатель избрал такой подход с целью переселения указанных лиц в РФ для решения хоть и отчасти демографической проблемы, с которой столкнулась наша страна [6, с. 13].

Новеллой российского законодательства следует считать приобретение гражданства в исключительном порядке (ст. 17 нового закона), основаниями которого является:

– наличие особых заслуг перед РФ;

– наличие профессии или квалификации либо если лицо по иным причинам представляет интерес для РФ.

К данным лицам, общие требования также не применяются.

Еще одной новеллой законодательства является такое основание приобретения гражданства, как признание российскими гражданами лиц, указанных в ч. 1 ст. 19 нового закона. Под признанием российского гражданства можно понимать принятие в гражданство РФ лиц, являющихся гражданами бывшего Союза ССР и военнослужащих, которые принесли присягу на верность Союзу ССР или РФ, а также детей указанных лиц, которые свободно не заявляли о своем желании прекратить российское гражданство и не приобретали гражданства другого государства.

Исходя из этого, прослеживается связь с правовым статусом лиц, ранее связанных с Союзом ССР. Однако признание или выбор гражданской принадлежности при изменении Государственной границы РФ переходит в институт оптации. Данное основание приобретения российского гражданства пришло на смену основанию, которое

было закреплено в старом законе в виде восстановления в гражданстве.

Ст. 20 Закона посвящена институту оптации. Оптация — **это право выбора гражданства лицами, имеющими двойное гражданство, либо проживающими на территории, изменившей государственную принадлежность.** В современной РФ данный способ приобретения гражданства достаточно актуален ввиду присоединения новых регионов, в связи, с чем применен принцип «население следует за территорией», сложившийся в ходе процесса государственного правопреемства [7, с. 204]. Подход законодателя к формулировке вышеуказанной статьи значительно не изменился, за исключением отсылки, помимо международного договора РФ, к федеральному конституционному закону, определяющему порядок и сроки на выбор гражданства.

Особого внимания заслуживает рассмотрение положений Закона, касающихся оснований прекращения гражданства РФ. Так, законодатель упразднил институт отмены решений о приеме в гражданство, действовавший в старом законе, при этом значительно расширив перечень оснований его прекращения.

В качестве оснований прекращения гражданства, ч. 1 ст. 22 нового закона называет:

1. Добровольный выход из российского гражданства. Процедура выхода из российского гражданства не означает отсутствия ограничений, связанных с данным действием. Перечень таких ограничений радикальным образом не был изменен, однако получил более расширенные формулировки (ч. 4 ст. 23 Закона), а также пополнился таким ограничением, как осуществление исполнительного производства в отношении гражданина.

2. Сообщение претендентом заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию и законодательство РФ, выразившееся:

– в совершении преступления (приготовление к преступлению или покушение на преступление). Перечень таких преступлений указан в ч. 1 ст. 24 нового закона;

– в совершении действий лицом, создающих угрозу национальной безопасности РФ. Развивает указанное положение ст. 26 Закона, согласно которой в случае выявления угрозы, Федеральная служба безопасности РФ выносит заключение, которое можно быть оспорено в судебном порядке в течение 10 дней со дня его получения. В период обжалования, гражданина не могут выслать за пределы РФ до вступления решения суда в силу. Анализ текста названной статьи приводит к мысли о том, что формулировка действий, создающих угрозу национальной безопасности достаточно обширна, не называя, в чем конкретно заключаются данные действия;

– в неисполнении обязанности по первоначальной постановке на воинский учет. Данное основание является новшеством для отечественного законодательства.

3. Представление лицом поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения им заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в российское гражданство или

решение о признании российским гражданином. По данному основанию законодатель добавил новое положение (ч. 5 ст. 25 нового закона), установив десятилетний срок, по истечении которого прекращение гражданства по указанному основанию не может производиться в отношении натурализованных граждан;

4. Иные основания, предусмотренные международным договором РФ, предоставляющим возможность сохранить или изменить гражданство.

Действие механизма принудительного прекращения гражданства распространяется только на лиц, которые получили гражданство путем натурализации, указанных в п. 2–3 ч. 1 ст. 22 нового закона. Таким образом, согласимся с А. В. Кузьминой и Л. Ю. Рагозиной в том, что правовой статус российских граждан, получивших гражданство по рождению, и тех, кто получил гражданство путем приема в него, отличаются, что не соотносится с принципом равенства гражданства, установленного в ч. 2 ст. 6 Конституции РФ [8, ст. 531].

В данном контексте необходимо разграничить понятия «прекращение гражданства» и «лишение гражданства» с целью установления их содержания, а также выявления отличий от смежных процессов. [9, с. 82]. Нельзя не согласиться с определением А. Н. Кокотова, согласно которому, прекращение гражданства — это утрата лицом гражданства РФ с одновременным обретением (сохранением) им статуса иностранца или лица без гражданства [10, с. 98–99].

В свою очередь, солидаризируясь с мнением И. А. Алейбастровой, следует признать, что принудительное прекращение гражданства, инициатором которого выступает государство, применяемое в качестве санкции за преступные деяния — это и есть лишение гражданства [11, с. 148].

В соответствии со ст. 15 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на гражданство. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство». Обращает на себя внимание употребление в тексте декларации термина «произвольно», что свидетельствует о допущении лишения гражданства при наличии определенных правовых оснований. Однако прямо о возможности лишения гражданства как санкции государства в тексте документа не говорится, так как это может быть расценено как ограничение прав и свобод человека и гражданина, провозглашенных декларацией.

Ч. 3 ст. 6 Конституции РФ, в свою очередь, содержит схожую формулировку о недопустимости лишения гражданства: «Гражданин РФ не может быть лишен своего гражданства или права изменить его». Можно заметить, что в данной лексеме отсутствует ключевое слово «про-

извольно». Таким образом, Конституция РФ ограничила возможность предусмотреть в федеральном законе о гражданстве основания для его законного лишения.

Исходя из этого, как верно подчеркивает А. И. Черенкова, процедура принудительного прекращения гражданства для натурализованных граждан фактически означает лишение их гражданства, в связи с чем, законодатель использовал такой инструмент для того, чтобы исключить коллизию между ч. 3 ст. 6 Конституцией РФ и новым законом о гражданстве [12, с. 101].

Согласно новому закону изменились и полномочия Президента РФ в сфере решения вопросов гражданства. Так, в отличие от старого закона, предусматривающего широкий перечень полномочий по приему, восстановлению, выходу и отмене решений по вопросам гражданства, в его компетенции сохранился только прием в гражданство в исключительном порядке (ст. 17, 28 Закона). В остальных случаях решение вопросов гражданства остается в ведении Министерства внутренних дел РФ и Министерства иностранных дел РФ. За счет перераспределения полномочий сокращен срок рассмотрения заявлений с одного года до трех месяцев (ст. 29, 30, 37 Закона). При этом у главы государства появилось новое полномочие — определять категории лиц, имеющих право на упрощенное приобретение гражданства РФ (ч. 9 ст. 16 Закона). Для этого не потребуется вносить изменения в закон, а будет достаточно принять соответствующий указ.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что гражданство является ключевым институтом, определяющим права и обязанности личности в государстве. Принятие Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 № 138-ФЗ, является логически обоснованным продолжением развития законодательства в области совершенствования правоотношений в данной сфере и отвечает политическим реалиям. Новый закон формально-структурно изменил текст старого закона, в нем сократилось количество глав с 10 до 7, что связано, прежде всего, с перемещением норм из одних статей в другие и изменением редакторского подхода к изложению текста закона. При этом Закон расширил понятийный аппарат; определил категории лиц, имеющих право на получение гражданства без учета общих требований; увеличил перечень оснований для приобретения и прекращения гражданства, упразднив институт отмены решений о приеме в гражданство; преобразовал нормы по вопросам требований для приема в гражданство; перераспределит полномочия органов, ведающих делами о российском гражданстве. Эти изменения направлены на адаптацию законодательства к современным вызовам и обеспечению национальной безопасности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.
3. Михайлова, А. А. Новое законодательство о гражданстве и правовом положении иностранных граждан: проблемы правоприменения в конституционной практике России / А. А. Михайлова. — Текст: непосредственный // Криминологический журнал. — 2024. — № 4. — С. 101–104.
4. Аристов, Е. В. К вопросу о концепциях гражданства / Е. В. Аристов, М. А. Ларионова. — Текст: непосредственный // Ex jure. — 2021. — № 1. — С. 37–45.
5. Нудненко, Л. А. Тенденции правовой регламентации оснований приобретения гражданства в России / Л. А. Нудненко. — Текст: непосредственный // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 8. — С. 31–39.
6. Балашов, К. Г. Проблемы приобретения гражданства РФ соотечественниками, проживающими за рубежом / К. Г. Балашов. — Текст: непосредственный // Вестник юридических исследований. — 2023. — № 1 Т.2. — С. 10–16.
7. Грязнов, С. А. Институт гражданства в современных условиях глобализации / С. А. Грязнов, М. И. Кузнецов. — Текст: непосредственный // Регионы России в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции. (Чебоксары, 24 ноября 2023) Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда». — 2023. — С. 201–205.
8. Кузьмина, А. В. О влиянии решений о прекращении гражданства на реализацию принципа равенства гражданства / А. В. Кузьмина, Л. Ю. Рагозиной. — Текст: непосредственный // Российский конституционализм: уроки истории и современность (к 30-летию Конституции Российской Федерации 1993 года): мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции. (Санкт-Петербург, 15 декабря 2023 г.) Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. — 2023. — С. 530–534.
9. Воронина, О. В. Новеллы института прекращения гражданства Российской Федерации / О. В. Воронина. — Текст: непосредственный // Журнал правовых и экономических исследований. — 2023. — № 3. — С. 79–84.
10. Кокотов, А. Н. Конституционное право России: курс лекций / А. Н. Кокотов. — 2-е изд., перераб. И доп. — М: Проспект, 2010. — 296 с. — Текст: непосредственный.
11. Алебастрова, И. А. Конституционное право зарубежных стран: учебник / И. А. Алебастрова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М: Проспект, 2007. — 621 с. — Текст: непосредственный.
12. Черенкова, А. И. Отмена решения о приеме в гражданство Российской Федерации: коллизии и пробелы в действующем законодательстве / А. И. Черенкова. — Текст: непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2024. — № 1 (63). — С. 100–104.

Обжалование в суд действий и решений должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан

Федоров Евгений Эдуардович, студент магистратуры

Научный руководитель: Межидова Тамуса Умаровна, кандидат политических наук, доцент

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

Данная статья посвящена анализу текущей ситуации в сфере досудебного уголовного судопроизводства. В статье поднимаются ключевые проблемы обжалования и апелляционные основания обжалования судебных решений. Статья также содержит предложения по решению существующих проблем в сфере апелляционного производства.

Ключевые слова: жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, апелляционное производство, суд первой и второй инстанции.

Appeal to the court of actions and decisions of officials violating the rights and freedoms of citizens

Fedorov Evgeny Eduardovich, master's student

Scientific advisor: Mezhidova Tamusa Umarovna, phd in political science, associate professor

Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

This article is devoted to the analysis of the current situation in the field of pre-trial criminal proceedings. The article raises the key issues of appeal and the appeal grounds for appealing court decisions. The article also contains proposals for solving existing problems in the field of appeal proceedings.

Keywords: 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, appeal proceedings, court of first and second instance.

Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ) закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). Одним из таких способов является судебная защита, которая согласно ч.1 ст. 46 Конституции РФ гарантируется каждому [1].

Право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и гражданина. Право на судебную защиту служит гарантией осуществления всех других прав и свобод. Ограничение права на судебную защиту не допускается.

На сегодняшний день, граждане обращаются в суды общей юрисдикции для того, чтобы отстоять свои права, в данном случае, если рассматривать уголовное судопроизводство — это жалобы в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Жалоба может быть подана заявителем, его защитником, законным представителем или представителем непосредственно либо через дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа или прокурора [6].

Судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора не позднее чем через 14 суток,

Неявка лиц, своевременно извещенных о времени рассмотрения жалобы и не настаивающих на ее рассмотрении с их участием, не является препятствием для рассмотрения жалобы судом.

Жалобы рассматриваются в открытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных частью второй статьи 241 настоящего Кодекса.

Однако, количество удовлетворенных вышеуказанных жалоб не так велико, если сравнивать с количеством поступлений. Так, рассмотрим статистику на основе Красногорского городского суда Московской области:

— за 2023 год вышеуказанным судом рассмотрено 259 (двести пятьдесят жалоб) жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, из которых: 7 удовлетворено, 73 отказано в удовлетворении и 179 прекращено, возвращено;

— за 2024 год в адрес вышеуказанным судом рассмотрено 236 (двести тридцать шесть) жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, из которых: 5 удовлетворено, 57 отказано в удовлетворении и 174 прекращено, возвращено.

За два года удовлетворено судом всего лишь 12 жалоб, а это 2,43 % от общей суммы рассмотренных материалов [10].

В случае отказа в удовлетворении или же возврата жалоб граждане и их представители, защитники обжалуют постановление судов первой инстанции, как в апелляционном, так и в кассационном порядке.

В 2018 и 2019 году нормативные правовые акты, регулирующие вопросы судопроизводства, в частности, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, федеральные конституционные законы «О судебной системе Российской Федерации», «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» подверглись существенным изменениям, обусловленным реорганизацией деятельности и структуры кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции [3].

Так, с 30 июля 2018 года вступил в силу Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» [4].

Документом внесены существенные изменения в структуру судов общей юрисдикции, а точнее с 1 октября 2019 года в России начали свою деятельность пять апелляционных и девять кассационных судов общей юрисдикции, а также была изменена система обжалования судебных актов, которые не вступили, или же уже вступили в законную силу [4].

Таким образом, результатом судебной реформы 2018–2019 гг. стало создание структурно самостоятельных апелляционных судов общей юрисдикции, которые в рамках своих полномочий рассматривают материалы в качестве суда апелляционной инстанции и по новым или вновь открывшимся обстоятельствам и являются непосредственно вышестоящей судебной инстанцией по отношению к действующим на территории соответствующего судебного апелляционного округа судам, рассматривая материалы по жалобам, представлениям на судебные акты.

Данная реорганизация направлена на достижение необходимого равновесия в судебной системе, сочетая иерархическую и структурированную организацию инстанций с одной стороны, и их самостоятельность и независимое функционирование с другой.

Исследование вопросов, касающихся особенностей апелляционного производства по материалам в порядке досудебного производства, крайне актуально в настоящее время и востребовано на практике. Противоречия и пробелы отдельных норм уголовно-процессуального законодательства, касающихся доказывания в судебной инстанции апелляции, приводят к дисгармонии в судебных решениях по аналогичным или идентичным вопросам. Такие ситуации требуют анализа и изучения положительных практик, а также принятия мер для устранения негативных аспектов.

Так, в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации внесены изменения, которыми с учетом потребностей правоприменительной практики скорректированы отдельные процедуры, осуществляемые судом

в ходе судебного контроля, а также судебного разбирательства в первой и апелляционной инстанциях.

Федеральным законом от 29.12.2022 № 608-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внесены изменения по срокам в ряд статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [7]. Так, срок апелляционного обжалования увеличился с десяти до пятнадцати суток. До принятия настоящего Закона срок апелляционного обжалования составлял 10 суток.

Апелляционный приговор, вынесенный до вступления в силу указанного Закона — 09.01.2023, даже если в его резолютивной части указано на 10-дневный срок его обжалования, может быть обжалован в течение 15 суток с момента его провозглашения в случае подачи апелляционной жалобы после 08.01.2023, поскольку в данном случае применяются положения ст. 4 УПК РФ о действии уголовно-процессуального закона во времени.

Если в указанный срок приговор суда первой инстанции обжалован не был, он вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке.

Приговор суда апелляционной инстанции вступает в законную силу с момента его провозглашения и может быть пересмотрен лишь в порядке, установленном гл. 47.1, 48.1, 49 УПК РФ (ч. 2 ст. 390 УПК РФ).

Между тем, имеются также исключения, касающиеся сокращенных сроков подачи апелляции. Так, для апелляционного обжалования судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или отказа в этом законом (ч.11 ст.108 УПК РФ) установлен сокращенный срок — в течение 3 суток со дня вынесения решения; в течение того же срока суд должен рассмотреть жалобу (представление).

Законодатель ввел это правило, чтобы в как можно более короткий срок была проверена законность и обоснованность постановления судьи об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения, существенно ограничивающей его конституционное право на свободу и личную неприкосновенность. В случае признания решения судьи необоснованным лицо подлежит немедленному освобождению.

Что касается возможности восстановления недостающей продолжительности апелляции, изложены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по этому вопросу в Определении Конституционного Суда РФ от 20.07.2021 № 1454-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лапина Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 389.5 УПК РФ».

Так, из содержания Определения следует, что статья 389.5 УПК РФ закрепляет, что в случае пропуска срока апелляционного обжалования по уважительной причине лица, имеющие право подать апелляционные жалобу или представление, вправе ходатайствовать перед судом, постановившим обжалуемое постановление (или вынесшим

другое обжалуемое решение), о восстановлении пропущенного срока. При этом ходатайство о восстановлении срока рассматривается судьей, председательствовавшим в судебном заседании по материалу, или другим судьей (часть первая). Решение судьи об отказе в восстановлении пропущенного апелляционного периода может быть обжаловано в вышестоящий суд, который имеет право отменить это решение и рассмотреть поданную апелляцию, представление по существу или передать их в суд первой инстанции для надлежащего оформления в соответствии с требованиями статьи 389.6 УПК РФ.

Таким образом, приведенная норма, действующая в развитие части первой статьи 130 УПК РФ, направлена не на ограничение, а, напротив, на защиту интересов и прав участников уголовного судопроизводства и не предполагает возможности своего произвольного толкования и применения. Лицо, пропустившее сроки апелляционного обжалования, должно предоставить в суд мотивированные основания такого пропуска, оценка уважительности или неуважительности которых относится к исключительной компетенции суда, и решение суда принимается на основании результатов изучения соответствующего заявления и представленных доказательств. Постановление о восстановлении срока подачи жалобы на основании требований, указанных в части четвертой статьи 7 УПК РФ должно быть законным, обоснованным и мотивированным [8].

Также следует обратить внимание на то, что с 2018 года пересмотр принятых судебных актов относится к компетенции первого кассационного суда общей юрисдикции, а как известно, практика субъектов различна, участились случаи изменения и отмены как апелляционных определений, так и актов судов первой инстанции.

Рассмотрим статистику обжалованных в апелляционном порядке постановлений настоящей категории материалов на примере Красногорского городского суда Московской области:

— за 2023 год обжаловано 46 постановлений, из которых судом апелляционной инстанции, оставлено без изменений — 33, отменено с направлением на новой рассмотрение — 12, снято с апелляционного рассмотрения — 1;

— за 2024 год обжаловано 35 постановлений, из которых судом апелляционной инстанции, оставлено без изменений — 29, отменено с направлением на новой рассмотрение — 6, снято с апелляционного рассмотрения — 0 [10].

Причиной снятия материала с апелляционного рассмотрения стало несоблюдение процессуальных норм при направлении жалобы для рассмотрения по существу, а конкретнее не соблюдена ч. 1 ст. 389.7 УПК РФ, то есть не все участники были извещены о принесении апелляционной жалобы/представления, что в данном случае нарушает их права и лишает права на подачу возражений.

Частой причиной отмены постановлений суда первой инстанции является неправильное применение и толкование действующего законодательства Российской Феде-

рации. Так, например, в Красногорский городской суд обратился гражданин С. Б. Осанов с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, о признании незаконным бездействия должностных лиц УМВД России по г. о. Красногорск по заявлению о проведении проверки и возбуждении уголовного дела, выразившегося в несвоевременной проверке и не принятии процессуального решения по его заявлению. В своей жалобе указал, что уведомлений, а также копий принятых решений он не получал. Представленные материалы не свидетельствуют о направлении каких-либо документов в его адрес. Уточнил просительную часть своей жалобы, указав, что он просит признать незаконным бездействие должностных лиц УМВД России по г. о. Красногорск, которые в нарушении п. 48 приказа МВД России от 29.08.2014 N736, а также ч. 4 ст. 148 УПК РФ, не уведомили его о принятом решении в установленные сроки. Судом в удовлетворении жалобы было отказано в связи с тем, что на момент подачи заявителем жалобы ни одно из предусмотренных ст. 145 УПК РФ решений по сообщению о преступлении не было принято, проведение проверки не было завершено, а копия соответствующего решения направлялась С. Б. Осанову, что подтверждается представленным в судебное заседание реестром почтовых отправлений, сомнений в подлинности которого не имеется, оснований для удовлетворения жалобы заявителя о признании незаконным бездействия должностных лиц УМВД России по г. о. Красногорск Московской области, не усматривается.

На данное постановление была подана апелляционная жалоба, где суд апелляционной инстанции удовлетворил, отменил решение суда первой инстанции и направил на рассмотрение, мотивируя тем, что заявителем в суд апелляционной инстанции было представлено постановление заместителя Красногорского прокурора от 23.12.2024, которым отменено как необоснованное и преждевременное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное 23.10.2024 дознавателем, которое не было предметом исследования суда первой инстанции при рассмотрении жалобы заявителя и которому судом не была дана надлежащая оценка в совокупности со всеми материалами проверки.

Указанное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, принятое до вынесения обжалуемого постановления суда, могло повлиять на законность и обоснованность принятого судом решения. Кроме того, судом не была дана надлежащая оценка доводам жалобы заявителя о бездействии должностных лиц УМВД России по г. о. Красногорск, выразившемся в непроведении свое-

временной процессуальной проверки по заявлению о преступлении от 04.05.2024 г.

Установленные судом апелляционной инстанции нарушения уголовно- процессуального закона, связанные с противоречиями судебного решения, несоблюдением процедуры судопроизводства при принятии судебного решения, являются существенными.

При изложенных обстоятельствах, постановление суда не может быть признано законным и обоснованным и подлежит отмене. Учитывая, что установленные нарушения не могут быть устранены в суде апелляционной инстанции, материал подлежит передаче на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе. Поскольку постановление отменяется ввиду существенных нарушений судом первой инстанции уголовно- процессуального закона, то доводы апелляционной жалобы (основной и дополнительных) заявителя подлежат проверке и оценке судом первой инстанции при новом судебном разбирательстве.

Итак, резюмируя сказанное выше, можно сделать следующие выводы: целесообразно установить порядок подачи жалоб в порядке ст. 125 УПК, а именно, в целях разгрузки судов, так как в производстве имеются жалобы и уголовные дела, требующие особого внимания, необходимо соблюсти досудебный порядок подачи жалоб, например, направлять изначально жалобу в порядке ст. 124 УПК, а уже в случае отказа в удовлетворении жалобы прокурором, обращаться в суд, при установлении данного порядка рассмотрения жалоб суд ввиду уменьшения нагрузки сможет тщательно рассматривать иные, более сложные дела, что повысит качество осуществляемого правосудия.

Можно обозначить еще несколько моментов, которые не урегулированы или недостаточно прописаны в законодательстве РФ. Так, в настоящее время ходатайство о восстановлении пропущенного срока подается в суд первой инстанции, после чего судья, вынесший судебный акт, принимает решение о восстановлении или об отказе в восстановлении пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы. В связи с тем, что срок подачи апелляционной жалобы был увеличен до 15 суток, было бы целесообразно рассматривать вопрос о восстановлении пропущенного срока судом апелляционной инстанции. В таком случае участник процесса подает апелляционную жалобу с ходатайством о восстановлении пропущенного срока, а также судебный акт первой инстанции в суд апелляционной инстанции. В случае удовлетворения судом апелляционной инстанции ходатайства, запрашивается материал у суда первой инстанции.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). 1997. № 1. Ст.1.

3. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст.898.
4. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 N 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст.4811.
5. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) ((с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
7. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2022 N 608-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ (Часть I). 2023. № 1. Ст.55.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2021 N 1454-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лапшина Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 389.5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»/ — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=680555#9MSkycUKTtxtYNDot> (дата обращения: 15.04.2025).
9. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2017.
10. Красногорский городской суд Московской области: официальный сайт. Красногорск. — URL:<https://krasnogorsk-mo.sudrf.ru> (дата обращения: 17.04.2025)

Эволюция деликтных обязательств и новые вызовы

Хайрулаев Дмитрий Андреевич, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье автор исследует эволюцию деликтных обязательств и новые вызовы, определяющие пути дальнейшего развития.

Ключевые слова: деликтное обязательство, вина, право, компенсация.

Деликт в переводе с латинского (*delictum*) означает проступок, правонарушение. Гражданско-правовые отношения, возникающие вследствие совершения проступка, несущего причинение вреда личности или имуществу и при отсутствии договора между сторонами, представляют собой деликтные обязательства. Поскольку у потерпевшего возникает право на компенсацию за причинение вреда, постольку возникают отношения в сфере гражданско-правовой ответственности. Эволюция института деликтных обязательств представляет собой отражение разных эпох развития цивилизации.

Во время существования древнейших правовых систем, например, законов Хамурапи или римских Законов XII таблиц, в основе ответственности за причиненный личности или имуществу вред лежал принцип «око за око», то есть обычай мести. Это объясняется тем, что в так называемый царский период (с VIII по VI вв. до н. э.) община, населяющая Рим, жила в основном, по своим обычаям. Суть обычая представляется в модели поведения, которая многократно применяется в похожих жизненных ситуациях [2, с.45]. Обычай, получивший обязательную силу, то есть защиту государства, по причине привычки к нему народа и долгого применения, трансформируется

в правовую норму. То есть долго применявшийся обычай начинает соблюдаться как право и закон в тех случаях, когда нет писаного закона.

При господстве обычая как нормы права, ответственность была объективной, так как был важен сам факт ущерба, но не важно виновен или нет тот, кто его причинил.

Но в период усиления законодательной деятельности римского государства, в так называемый республиканский период, обычай утратил свое значение по причине невозможности регулирования новых общественных отношений. Период (VI-I вв. до н. э.) знаменовался сменой власти царя на власть Сената, а появление новых общественных отношений, связанных с обеспечением интересов Рима и его населения как государства, возникновение концепции единства Сената и римского народа, вызвали новый виток развития публичного права [1, с.38]. В то время произошел фундаментальный сдвиг, который выразился в выделении деликтов, например, личная обида, вред имуществу. И по выделенным деликтам потерпевший уже мог требовать не мести, а компенсации. Налицо первые шаги к трансформации наказания от криминального к гражданско-правовому характеру.

Поскольку в имперский период (I в. до н. э. - V в. н. э.) римское право достигло своего расцвета и приобрело уникальные черты, это послужило впоследствии образцом для построения правовых систем многих государств. Отличительной особенностью явилось развитие частного права, как следствие общественного интереса к защите личности и частной собственности. Именно тогда, римские юристы разработали Закон Аквилы, согласно которому:

- противоправное причинение вреда выступает основанием ответственности,
- критерием противоправного действия является вина или умысел,
- стоимость ущерба, причиненного противоправным действием, оценивается как размер возмещения [1, с.95].

Оценивая произошедшие изменения, можно заключить, что центр тяжести сместился с объекта, то есть непосредственно вреда, к вине причинителя такого вреда. Поэтому целью деликта стало не наказание за причиненный вред, а компенсация вреда.

Необходимо отметить, что в эпоху феодализма произошло некоторое усиление ответственности общины за преступление члена этой общины, то есть коллективной ответственности. Но каноническое право христианской церкви в противовес коллективной ответственности акцентировало внимание на личную вину, связывая ее с грехом, и соответственно, осуждением этого греха.

Масштабные кодификации права стали результатом буржуазных революций и эпохи Просвещения. Были созданы такие акты права, как Кодекс Наполеона (1804 г.), Германское Гражданское Уложение (1896 г.). Деликтное право стало базироваться на трех важных аспектах:

- противоправное действие и бездействие;
- вина лица, причинившего вред, доказывается потерпевшим;
- причинно-следственная связь между действием и вредом [3, с.220].

Поскольку в тот период главенствовала идеология индивидуализма и свободного предпринимательства, ограничение вмешательства государства, то главной целью становилось полное возмещение понесенных убытков, причем как реальных, так и упущенной выгоды. Развитие права привело к появлению исключений, например, ответственности без вины. Примером может служить ущерб или вред от домашних животных, впервые упомянутый в Кодексе Наполеона [1, с. 65].

Все рассмотренные этапы развития деликтных обязательств представляли собой классическую модель, которая не предполагала социализации деликта. Но промышленная революция и связанное с ней появление источников повышенной опасности, таких как промышленное оборудование, машины, механизмы, выявили недостатки классической модели. Так, потерпевший работник завода, как правило, не мог доказать вину его владельца. Новая ситуация привела к радикальным изменениям в модели деликтных обязательств [5, с.18].

Первое такое изменение касалось закрепления за деятельностью, связанной с повышенной опасностью, объективной ответственности, то есть ответственность считалась безвиновной, так как был важен сам факт создания опасного объекта, а не субъективный поступок.

Вторым радикальным изменением стало закрепление презумпции вины, тем самым бремя доказывания своей невиновности было перенесено с потерпевшего на причинителя вреда.

Третьим радикальным нововведением стало страхование ответственности. Это означало трансформацию системы отношений деликта, а именно: из «потерпевший — причинитель вреда» в распределение рисков через страховые фонды, что и составило ключевой момент социализации деликта.

Четвертым преобразованием деликтных обязательств явилось появление понятия «моральный вред» и соответственно его компенсации [4, с.45].

В современном мире деликтное право получило развитие вслед за появлением новых вызовов. Так, возникло понятие киберделикты, то есть вред, причиненный утечкой данных, распространением фэйковой информации. В этой связи возникают проблемы установления причинителя вреда в условиях анонимности или различных юрисдикций.

Другим вызовом современности является трансграничное загрязнение окружающей среды, а с ним — и трансграничный ущерб, что вызывает сложности как в доказывании причинно-следственной связи, так и в расчетах ущерба.

Не менее серьезной проблемой современности является ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом. Сложность установления причинителя вреда заключается в определенных трудностях выявления источника причинения вреда, а именно: разработчик, владелец или другой пользователь [6, с.272].

И наконец, развитие генетических технологий обуславливают вопросы ответственности за последствия генетических манипуляций.

Современной тенденцией развития деликтного права является превалирование его превентивной функции, то есть недопущение вреда, поиск баланса между компенсацией для потерпевшего и недопущением подавления научно-технического прогресса.

Таким образом, можно заключить, что деликтные обязательства прошли путь от мести к денежной компенсации, от индивидуальной вины к социальному распределению рисков и страхованию ответственности, от компенсации прошлого вреда к предотвращению будущего. Современное деликтное право обладает гибкостью, и имеет целью решить важную задачу справедливого возмещения ущерба конкретному потерпевшему в условиях глобального мира и усложнения окружающей среды. В этой связи дальнейшая эволюция деликтных обязательств будет происходить по пути решения новых вызовов цифрового мира и биотехнологических открытий.

Литература:

1. Болтанова Е. С., Кратенко М. В. Деликтное право. — М.: Юстицинформ, 2022.
2. Климович А. В. Обязательства из деликтов в римском праве // Вопросы гражданского права. -2018. — № 1. — С. 44–51.
3. Крысанова Н. В. Деликтные обязательства и ответственность в гражданском праве // Социальные и гуманитарные науки. Государство и право: реферативный журнал. -2024. -№ 2. — С. 217–227.
4. Муненко П. М. Особенности возникновения прав требования возмещения вреда и возможность уступки таких прав // Новизна. Эксперимент. Традиции. -2022. -№ 8. — С. 43–49.
5. Чеговадзе Л. А. От притязания до права в деликтных обязательствах // Legal Concept. -2019. -№ 1. — С. 16–22.
6. Шепель Т. В. Современное состояние российского деликтного права и перспективы его развития // Вестник Тюменского государственного университета. -2024. -№ 508. — С. 270–277.

Влияние решений коллегиальных органов на ответственность директора за причиненные хозяйственному обществу убытки

Цыганков Кирилл Михайлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Егорова Лариса Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В современных условиях, при которых достаточно активно применяется инструмент привлечения к гражданско-правовой ответственности директора юридического лица как средство защиты имущественных интересов хозяйствующего субъекта и его участников, привлекаемые к ответственности лица (директора) зачастую сталкиваются с риском принятия на себя неблагоприятных последствий, вызванных действиями, которые были согласованы участниками юридического лица или коллегиальным органом управления. В практике встречаются ситуации, когда в хозяйственных обществах участники, находящиеся между собой в лично-доверительных отношениях, попадают в конфликтные ситуации, впоследствии разрешить которую пытаются путем компенсации убытков за счет директора, притом что осуществленные директором решения так или иначе были согласованы самими участниками или как минимум были обусловлены заданной всеми ими общей стратегией управления [8, с. 260–261]. При наличии всех необходимых элементов состава правонарушения директор может быть привлечен к ответственности за причиненные хозяйственному обществу убытки, даже в том случае, если повлекшее такие убытки для общества решение директора было одобрено вышестоящими органами управления корпорации.

Вопрос о влиянии решений вышестоящих органов управления на ответственность директора за убытки, причиненные юридическому лицу, небезосновательно является одним из наиболее обсуждаемых среди исследователей, анализирующих в своих работах проблемы привлечения к ответственности единоличного исполнительного органа юридического лица за причиненные ему убытки. Данному вопросу был посвящен пункт 7 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Феде-

рации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее — Постановление № 62) [9]. В правовой доктрине отмечается, что положения, сформулированные Пленумом ВАС РФ в пункте 7 указанного Постановления, являются одними из наиболее насыщенных с точки зрения объема содержащихся в них разъяснений, а также наиболее спорными из всех разъяснений указанного Постановления [7, с. 240–241].

В литературе отмечается, что директор не является «слепым проводником воли акционеров» и наделен собственными обязанностями по отношению к обществу, в первую очередь, обязанностью действовать добросовестно и разумно в интересах общества [4, с. 58]. Ввиду того, что директор несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно, наличие одобрения со стороны участников или коллегиальных органов юридического лица (а равно и указаний, которые были ими даны) само по себе не должно являться основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании убытков с директора. По логике указанного разъяснения, само по себе одобрение действий директора со стороны участников или коллегиальных органов не освобождает директора от обязанности возмещения юридическому лицу возникших в результате действий директора убытков.

Впоследствии Верховным Судом Российской Федерации принимались судебные акты, которые в данной сфере меняли ход развития правового регулирования корпоративных отношений и формировали новые тенденции в правоприменительной практике. Наиболее значимым, и в то же время неоднозначным с точки зрения содержащихся в нем выводов, является Определение Судебной

коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17 сентября 2019 г. № 305-ЭС19–8975 по делу № А40–5992/2018 [10], в котором были сформулированы положения, касающиеся, в первую очередь независимости действий директора от одобрения общего собрания хозяйственного общества, а также необязательности для директора решений коллегиальных органов в случае, когда такие решения не отвечают интересам общества. Затем в пункте 16 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) [11] Президиумом ВС РФ была поддержана аналогичная мысль.

Пленум ВАС РФ в вышеуказанном пункте Постановления № 62 не проводит дифференциации между личным одобрением участника и одобрением органа юридического лица, выраженным в официальной форме. При таких обстоятельствах не имеет правового значения формальная обязанность директора выполнять соответствующее решение. Однако личное решение участника (если только речь не идет о решении единственного участника, принятого в законодательно установленном порядке) и решение вышестоящего по отношению к директору органа управления хозяйственного общества все же отличаются по своему характеру и правовым последствиям: сам по себе участник не является органом юридического лица и путем принятия личных решений такой участник формально реализует свои интересы, тогда как общее собрание участников (акционеров) или совет директоров являются волеобразующими органами юридического лица и, как будет отмечено далее, лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа, им подотчетно, поэтому не исполнить решение, которое было принято одним из указанных органов общества в установленном законом порядке, для директора довольно-таки проблематично, и при несогласии с таким решением самым оптимальным исходом событий для него представляется сложение полномочий для избежания вызванных исполнением такого решения негативных последствий в виде причинения обществу убытков [2, с. 17]. При буквальном толковании пункта 7 Постановления № 62 можно также прийти к выводу о том, что речь в данном случае идет о любых коллегиальных органах, которые могут давать одобрение в отношении действий директора от имени юридического лица, следовательно таковым органом может быть как общее собрание участников (акционеров), так и совет директоров (если таковой образован в конкретном обществе).

В вышеуказанном определении Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ отметила следующее: «решения общего собрания акционеров, содержащие согласие на совершение сделок, сами по себе не являются основанием для безусловного их исполнения единоличным исполнительным органом общества, который обладает неотъемлемой автономией в принятии непосредственных решений о совершении сделок ... лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа, вправе не выполнять указания, содержащиеся в решениях

общего собрания акционеров, если это принесет вред интересам общества, поскольку наличие указаний общего собрания акционеров не освобождает такое лицо от обязанности действовать добросовестно и разумно. При этом единоличный исполнительный орган не может ссылаться на то, что он действовал во исполнение решения общего собрания, поскольку оценка в ходе управления обществом, насколько те или иные действия выгодны для общества и не причинят ли они вреда, составляет часть его обязанностей». Данное положение идет наперекор устоявшимся в корпоративном праве принципам и соотношению компетенции органов управления общества, и директор фактически наделяется полной независимостью в принятии им решений от мнения высшего органа управления общества — общего собрания акционеров. Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ также пояснила, что ссылка директора на то, что он действовал во исполнение решения общего собрания, позволяет ему избежать ответственности, передавая вопросы на рассмотрение общего собрания акционеров. В литературе отмечается, что возможна и обратная ситуация, при которой возможно возложение на директора ответственности за решения, фактически принятые не им, а ключевыми акционерами, а также принятие директором на себя безграничного бремени «крайнего» ответственного лица в силу совершения им непосредственных распорядительных действий в целях исполнения решения [3, с. 19]. И. С. Чупрунов справедливо замечает, что Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ никаких дополнительных ориентиров для квалификации предшествующего поведения директора как правомерного или противоправного не установлено [6, с. 117].

В обоснование сформулированной в своем определении позиции Судебная коллегия ВС РФ приводит положения п. 1 ст. 69 Закона об акционерных обществах [12], согласно которому «руководство текущей деятельностью общества осуществляется единоличным исполнительным органом общества (директором, генеральным директором) или единоличным исполнительным органом общества (директором, генеральным директором) и коллегиальным исполнительным органом общества (правлением, дирекцией). Исполнительные органы подотчетны совету директоров (наблюдательному совету) общества и общему собранию акционеров». Разумеется, «подотчетность» нельзя назвать полноценным синонимом «подчиненности», однако, как справедливо отмечается в литературе, «в отношении исполнения решений, принимаемых общим собранием и советом директоров в рамках своей компетенции, исключать компонент подчиненности нелогично». Иначе наделение общего собрания участников (акционеров) как высшего органа управления хозяйственного общества исключительной компетенцией является бессмысленным [3, с. 18].

Абзацем 1–2 п. 2 ст. 69 Закона об акционерных обществах закреплено: «к компетенции исполнительного органа общества относятся все вопросы руководства текущей

деятельностью общества, за исключением вопросов, отнесенных к компетенции общего собрания акционеров или совета директоров (наблюдательного совета) общества. Исполнительный орган общества организует выполнение решений общего собрания акционеров и совета директоров (наблюдательного совета) общества». Таким образом, существует императивно установленный законом принцип разделения компетенции между различными органами хозяйственного общества, что подразумевает в том числе обязательность для директора реализовывать решения, принятые вышестоящими органами управления корпорации, и, учитывая положение дел, выводы Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, отраженные в определении, являются достаточно неоднозначными.

Учитывая позиции высших судебных инстанций, можно заявить, что правоприменительная практика идет по пути пересмотра принципов разделения компетенции органов управления корпорации и в некотором смысле отступает от привычной иерархии системы корпоративного управления. Н. Г. Фроловский описывает сложившуюся ситуацию как «усиление тренда на возвышение роли исполнительных органов в системе управления корпорации и предоставление им права оценивать и игнорировать исполнение решений вышестоящих органов управления под страхом привлечения их к имущественной ответственности за причинение убытков корпорации» [5, с. 22–24]. Поэтому совершенно справедливо и утверждение, согласно которому «под вуалью интересов корпорации исполнительным органам фактически предоставлено право давать оценку решениям вышестоящего органа управления корпорации и не выполнять его директивы» [5, с. 22–24]. При этом следует отметить, что реформирование указанной сферы путем принятия одного лишь судебного акта Верховным Судом Российской Федерации является весьма неоднозначным мероприятием — изменения в сфере иерархии и структуры корпоративного управления требуют более глубокого анализа, выработки ответов на множество вопросов, возникающих в правоприменительной практике для последующего обеспечения правовой определенности путем внесения соответствующих изменений в корпоративное законодательство.

Если обратиться к выработанной в науке корпоративного права традиционной классификации органов управления, то в зависимости от роли в процессе образования воли юридического лица различаются волеобразующие и волеизъявляющие органы [8, с. 20–21]. В указанной классификации единоличный исполнительный орган относится и волеизъявляющим (в случае, когда речь идет об организации исполнения решения, принятого вышестоящим органом корпорации (общим собранием участников (акционеров) или советом директоров), и волеобразующим (в случае, когда ему приходится принимать решения в пределах его собственной компетенции). Учитывая приведенную классификацию и сложившуюся тенденцию, при которой усиливается роль единоличного исполнительного органа при принятии им решений, и если

предположить, что возможно вмешательство единоличного исполнительного органа в формирование воли вышестоящих органов управления путем отказа следовать предписаниям, содержащимся в решениях вышестоящих органов управления, то возникает закономерный вопрос: можно ли на сегодняшний момент вести речь о сохранении вышеприведенной традиционной классификации и прежнего места в ней единоличного исполнительного органа корпорации? И. С. Чупрунов на этот счет совершенно верно отмечает: «директор должен будет перепроверять буквально все решения, принимаемые акционерами, а это значительно исказит всю систему корпоративного управления, а также приведет к значительному повышению трансакционных издержек и замедлению оборота» [6, с. 135–136]. В ситуации наделения директора правом пересмотра решений вышестоящих органов исходя из собственной автономии воли, давно устоявшаяся и привычная нам основанная на иерархии система корпоративного управления непременно претерпевает крах.

Между тем, уместность сложившейся ситуации необходимо рассматривать также с позиции распространяющегося особенно активно в последнее время, в том числе и в корпоративном праве, принципа непротиворечивого поведения (эстоппеля). Так, А. С. Власова, М. В. Клепенова, Н. М. Удалова, исследуя в своей работе принцип эстоппеля в корпоративных правоотношениях, отмечают следующее: «Сформированная ранее и до сих пор реализуемая при взыскании убытков с директора позиция ВАС РФ может быть оценена как частично утратившая актуальность, в том числе вследствие тенденций по упрочению эстоппеля в судебной практике по корпоративным спорам. Это означает, что в некоторых случаях с учетом обстоятельств дела и поведения сторон правоотношений корректнее не просто исходить из обязанности директора действовать разумно и добросовестно в интересах юридического лица и в рамках своей компетенции, а учитывать пусть напрямую нормативно не определенную (как это сделано в отношении директора), но оцениваемую на практике обязанность участников корпорации действовать добросовестно» [1, с. 83–84]. Указанные авторы, проводя анализ влияния одобрения сделки директора вышестоящими органами корпорации, отмечают, что «участники корпорации должны оценивать связанные с ней [сделкой] риски — во-первых, в силу рискового характера своей экономической деятельности, а во-вторых, по причине необходимости надлежащего выполнения своих функций в системе корпоративного управления, — поэтому представляется невозможным повсеместное применение в качестве нормативного правила п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62».

Для целей квалификации ответственности директора перед хозяйственным обществом за причиненные ему убытки необходимо учитывать кем именно сформирована воля, выраженная в решении, которое впоследствии было исполнено директором, и входит ли принятие соответствующего решения в компетенцию принявшего такое ре-

шение органа. В случае, когда воля сформирована самим обществом в лице его компетентных органов, директор, как отмечается в литературе, не должен признаваться виновным в совершении действий, направленных на исполнение принятого таким компетентным органом управления решения, даже в ситуации, когда решение является противоречащим интересам общества [3, с. 24]. К тому же, если учитывать разъяснения, данные Пленумом ВАС РФ в п. 2 Постановления № 62, которые говорят о необходимости при определении интересов юридического лица принимать во внимание соответствующие положения учредительных документов и решений органов юридического лица (например, об определении приоритетных направлений его деятельности, утверждении стратегий и бизнес-планов и т. п.), то следует также отметить, что противоправность действий директора может быть вовсе исключена: реализация намеченной в том или ином внутреннем документе вышестоящими органами стратегии или следование плану не должно считаться противоправным (конечно, если только в действиях директора отсутствуют иные признаки нарушения принципов добросовестности и разумности при осуществлении своих полномочий). Тем не менее, следует уделять внимание ситуациям, при которых директором осуществлялись действия по намеренному введению членов вышестоящих органов управления в заблуждение (например, предоставление недостоверной информации, сокрытие информации и т. п.): в таком случае освобождать директора от ответственности за возникшие негативные последствия для юридического лица неправильно [3, с. 24].

В случае, когда решение в соответствии с законодательством не относится к компетенции вышестоящего коллегиального органа управления общества, но отнесено к компетенции данного органа посредством закрепления соответствующих положений в уставе общества, то должно быть задействовано правило, аналогичное вышеописанному, так как наполнение устава общества положениями, устанавливающими компетенцию того или иного органа, относится к волеизъявляющей функции общества в лице необходимого для формирования большинства его участников.

Литература:

1. Власова А. С., Клепоносова М. В., Удалова Н. М. Эстоппель в корпоративных спорах // Закон. 2020. № 4. С. 79–87.
2. Жукова Ю. Д. Правовые основания разграничения субъектов ответственности при совершении руководителем сделки на основании решения или одобрения коллегиального органа: проблемы применения пункта 7 Постановления Пленума ВАС РФ № 62 // Гражданское право. 2017. № 1. С. 15–18.
3. Жукова Ю. Д. Пределы ответственности директора при его несогласии с решением коллегиального органа общества: перспективы развития правового регулирования // Законодательство. 2021. № 11. С. 16–26.
4. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. — М.: Статут, 2017. — 160 с.
5. Фроловский Н. Г. Правоприменительные тренды в вопросах решения корпоративных конфликтов // Гражданское право. 2020. № 5. С. 22–24.
6. Чупрунов И. С. Влияние одобрения акционеров на ответственность директора перед корпорацией. Развернутый комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.09.2019 № 305-ЭС19-8975 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 7. С. 112–167.

Когда решение принимается самим директором по вопросу, входящему в сферу его собственной компетенции, то необходимо установление степени вовлеченности участников общества в принятии соответствующего решения и возможность оказания ими фактического влияния на директора, который занимает свою должность в результате волеизъявления соответствующих лиц [3, с. 24].

И. С. Чупрунов относительно данного вопроса приходит к выводу о том, что директор, разумеется, должен действовать в интересах юридического лица разумно, но только с точки зрения проверки решения акционеров (участников) как законного или незаконного: в ситуации, когда решение является законным, директор не должен нести за его исполнение ответственности. В целом, по мнению указанного автора, толковать п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ № 62 необходимо так: по общему правилу директор должен освобождаться от ответственности в случае, если он действует на основании решения акционеров (участников). Исключение должны составлять ситуации, при которых директор действовал, например, в сговоре с мажоритарным акционером, который одобрил соответствующее решение [6, с. 146].

Таким образом, вопрос влияния решений коллегиальных органов общества на ответственность директора за причиненные хозяйственному обществу убытки, является весьма неоднозначным: с одной стороны, на уровне разъяснений и судебных актов высших судебных инстанций видится тенденция к упрочению позиции, согласно которой сам по себе факт одобрения повлекших причинение обществу убытков действий директора вышестоящим органом управления не является основанием для освобождения такого директора от ответственности, с другой — видится реальная необходимость нормативного закрепления критериев правомерности действий директора и регламентации защитных механизмов, не позволяющих возлагать на директора риск неблагоприятных последствий, связанных с отказом исполнять принятые вышестоящим органом управления решения. Представляется, что вопрос о правовом значении одобрения действий директора тем или иным коллегиальным органом управления требует более тщательной проработки и должной нормативной регламентации.

7. Чупрунов И. С. Ответственность директора перед юридическим лицом: научно-практический комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». — М.: Статут, 2024. — 362 с.
8. Шиткина И. С. Исполнительные органы хозяйственного общества. — М.: Статут, 2022. — 316 с.
9. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 10.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17 сентября 2019 г. № 305-ЭС19-8975 по делу № А40-5992/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

Специфика правоохранительной службы: понятие, правовая природа, отличия от гражданской государственной службы

Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Козлов Владимир Николаевич, студент магистратуры;

Позыгун Сергей Владимирович, студент магистратуры;

Марчукайтис Ольга Владимировна, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится комплексный анализ правоохранительной службы как особого вида государственной службы в Российской Федерации. Автор раскрывает содержательное наполнение понятия, обосновывает его смешанную публично-правовую природу и проводит системное сравнение с государственной гражданской службой по ключевым критериям: целевому назначению, правовым основам, условиям прохождения, правовому статусу служащего и системе гарантий. Делается вывод о промежуточном положении правоохранительной службы между гражданской и военной, что детерминирует необходимость её специального правового регулирования и уникальных управленческих подходов [1, с. 45].

Ключевые слова: правоохранительная служба, государственная гражданская служба, виды государственной службы, правовой статус сотрудника, специальное законодательство, полномочия, ограничения, гарантии.

В системе государственной службы Российской Федерации, регламентированной Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», правоохранительная служба выделена в качестве самостоятельного вида наряду с гражданской и военной [2]. Однако её концептуальные основы, отличительные черты и место в системе публично-правовых отношений требуют детального научного осмысления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью чёткого разграничения правовых режимов различных видов службы для эффективного управления, формирования адекватных кадровых политик и обеспечения законности в деятельности силовых структур [3, с. 112]. **Цель статьи** — на основе сравнительно-правового и системного анализа выявить и обосновать сущностные характеристики правоохранительной службы, отличающие её от гражданской государственной службы.

Легальное определение правоохранительной службы дано в ст. 7 ФЗ № 58-ФЗ, где она характеризуется как про-

фессиональная служебная деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина [2].

Данное определение позволяет выделить **содержательные элементы понятия**:

1. Субъектный состав: граждане Российской Федерации.

2. Форма деятельности: профессиональная служебная деятельность.

3. Организационный контекст: должности в специфических государственных органах (полиция, прокуратура, следственный комитет, ФСИН и др.).

4. Целевое назначение: реализация ключевых **охранительных функций государства**.

Правовая природа правоохранительной службы носит **смешанный, публично-властный характер**. С одной стороны, она наследует общие принципы государственной

службы (законность, профессионализм, приоритет прав человека). С другой — её ядро составляют **властно-распорядительные полномочия**, связанные с применением мер государственного принуждения (задержание, личный досмотр, принудительное доставление, применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия) [4, с. 78]. Эти полномочия делегированы государством в исключительном порядке и реализуются от его

имени. Таким образом, правоохранительная служба представляет собой **институализированную форму легитимного публичного принуждения**, направленного на защиту основ конституционного строя [5, с. 23].

Для выявления специфики правоохранительной службы целесообразно провести её системное сравнение с гражданской службой по ряду фундаментальных критериев, сведём результаты этого анализа в таблицу 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика правоохранительной и гражданской государственной службы

Критерий сравнения	Государственная гражданская служба	Правоохранительная служба
Цель и характер деятельности	Обеспечение исполнения полномочий государственных органов. Деятельность управленческая, регулятивная, обеспечивающая, связанная с подготовкой решений и работой с документами [7, с. 56]	Обеспечение безопасности, правопорядка, борьба с преступностью. Деятельность оперативно-служебная, административно-юрисдикционная, силовая, сопряженная с риском и необходимостью немедленного реагирования [8]
Правовые основы	ФЗ № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ», трудовое право (в субсидиарном порядке) [7]	Отраслевые законы (напр., ФЗ № 342-ФЗ «О службе в ОВД»..., Закон РФ «О прокуратуре»). Трудовое право не применяется [8, 9]
Основания возникновения служебных отношений	Трудовой договор (служебный контракт) на основе конкурса [7, с. 89]	Поступление на службу путем назначения (зачисления) с выполнением установленных требований и проверок (в т. ч. по психофизиологическим параметрам) [8, ст. 17]
Правовой статус служащего	Гражданский служащий. Права и обязанности сфокусированы на добросовестном исполнении должностного регламента [7]	Сотрудник (полиции, прокуратуры и т. д.). Наделён особыми правами, являющимися одновременно и обязанностями (право на ношение и применение оружия, задержание, доступ к конфиденциальной информации) [4, 8]
Система ограничений и запретов	Общие антикоррупционные запреты (ФЗ № 273-ФЗ) [7]	Расширенный комплекс ограничений: запрет на разглашение служебной информации, на занятие любыми видами оплачиваемой деятельности (кроме научной, творческой и педагогической), строгие правила поведения в быту, обязанность сообщать о попытках склонения к коррупции [8, ст. 20]
Дисциплинарная ответственность	Меры, предусмотренные трудовым и административным законодательством (замечание, выговор, увольнение) [7]	Особый порядок дисциплинарного производства, наличие специфических взысканий (снижение в специальном звании, лишение нагрудного знака, предупреждение о неполном служебном соответствии) [8, ст. 50–51]
Социальные гарантии и обеспечение	Денежное содержание, медицинское страхование, пенсия по выслуге лет при стаже 15+ лет [7]	Повышенные гарантии: денежное довольствие (часто с особыми надбавками за риск), льготное пенсионное обеспечение за выслугу лет (часто 20–25 лет), ведомственное медицинское обслуживание, обеспечение жильём (либо выплаты), страховые гарантии в случае гибели или увечья [8, 10]
Профессиональная подготовка и аттестация	Акцент на управленческих, экономических, правовых компетенциях. Аттестация на соответствие должности [7]	Акцент на правовых, тактических, огневых, физических и психологических навыках. Аттестация часто совмещена с проверкой на профессиональную пригодность, включает оценку владения специальными средствами [8, 11]

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. **Правоохранительная служба** — это **особый публично-правовой институт**, основным содержанием которого является реализация государственной монополии на легитимное принуждение в целях защиты правопорядка и безопасности личности, общества и государства [5].

2. Её **правовая природа** качественно отличается от природы гражданской службы. Если гражданская служба направлена на **управление и регулирование** общественных процессов, то правоохранительная — на их **охрану и защиту** от нарушений, что предполагает принципиально иной набор профессиональных функций, полномочий и ответственности [1, 6].

3. Ключевые **отличительные признаки** носят системный характер и охватывают все элементы служебных отношений: от цели и правовых основ до правового статуса, ограничений и социальных гарантий. Эти признаки

обусловлены **экстремальным, рискованным и властным характером** деятельности сотрудников правоохранительных органов [4, 12].

Таким образом, правоохранительная служба занимает **промежуточное положение** в системе государственной службы, сочетая элементы административно-управленческой деятельности (как гражданская служба) с элементами строгой централизации, особой дисциплины и силового компонента (как военная служба) [6]. Данная специфика не просто оправдывает, а **обуславливает необходимость** её отдельного, детализированного правового регулирования в рамках отраслевого законодательства и требует разработки особых подходов к управлению персоналом, профессиональной подготовке и социальной защите сотрудников правоохранительных органов [3, 13]. Дальнейшие исследования должны быть направлены на совершенствование механизмов служебной деятельности с учётом выявленной дуальной природы правоохранительной службы.

Литература:

1. Ноздрачев А. Ф. Государственная служба: учебник для магистров. М.: Статут, 2019. 592 с.
2. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 29 сентября 2025г.) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
3. Румянцева Н. В. Оценка эффективности служебной деятельности сотрудников полиции: критерии и процедуры // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 36–41.
4. Буданов А. В. Служба в органах внутренних дел: правовые и организационные основы: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2018. 287 с.
5. Рябцев В. П. Правоохранительная служба в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 256 с.
6. Дугенец А. С., Сидоренко В. Н. Административно-правовое регулирование службы в правоохранительных органах: монография. М.: Проспект, 2021. 192 с.
7. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 29 сентября 2025г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
8. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
9. Федеральный закон РФ от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 15 декабря 2025 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
10. Федеральный закон от 30.11.2011 № 283-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г.) «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7023.
11. Кожевников С. Н. Профессиональная адаптация молодых сотрудников органов внутренних дел: управленческий аспект // Проблемы управления в социальных системах. 2022. Т. 15, № 1. С. 45–57.
12. Симонова Е. В. Профилактика профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов как элемент кадровой работы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 112–117.
13. Ткач А. Н. Кадровая безопасность в системе МВД России: теоретические основы и практика обеспечения: монография. М.: ДГСК МВД России, 2018. 210 с.

Проблемы расследования незаконной рубки лесных насаждений

Черкасова Анастасия Анатольевна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье автор приводит перечень проблем, которые возникают в ходе расследования незаконной рубки лесных насаждений. Данное преступление предусмотрено ст. 260 УК РФ и считается одним из самых латентных.

Ключевые слова: незаконная рубка, лесные насаждения, расследование незаконной рубки.

Расследование незаконной рубки лесных насаждений сопряжено с рядом проблем, которые затрудняют выявление, квалификацию и привлечение виновных к ответственности. Эти проблемы связаны с географическими, техническими, организационными и правовыми аспектами.

Первая проблема — географические и логистические сложности. Места незаконной рубки часто расположены в отдаленных и труднодоступных районах, что затрудняет оперативный выезд следственно-оперативной группы. Задержка в реагировании приводит к утрате важных доказательств: лесозаготовительная техника может быть вывезена, а древесина — реализована. В таких условиях сложно зафиксировать следы преступления и установить виновных лиц.

Помимо географических сложностей, следственные органы при расследовании незаконной рубки ограничены и техническими ресурсами для эффективного проведения расследования. Не всегда доступны современные технологии мониторинга (спутниковый контроль, дроны), которые могли бы помочь в выявлении незаконной рубки на ранних этапах. Кроме того, нехватка ресурсов (финансовых, технических, кадровых) ограничивает возможности правоохранительных органов в борьбе с этим видом преступлений.

В качестве третьей проблемы можно обозначить то, что зачастую заявление о незаконной рубке поступает в правоохранительные органы спустя длительное время после совершения преступления. Это связано с тем, что руководители лесничеств не всегда своевременно обнаруживают нарушения или не спешат сообщать о них. Несвоевременное выявление факта вырубki осложняет сбор доказательств и снижает шансы на успешное расследование.

Также возникают и ошибки при проведении следственных действий. Например, при осмотре места происшествия следователи нередко допускают тактические и процессуальные ошибки. Так, не всегда привлекается представитель лесничества, который мог бы помочь определить породу деревьев, их объем, примерное время совершения преступления по цвету опилок и другим специфическим признакам. Если следователь самостоятельно пытается измерить кубатуру срубленных деревьев без соответствующих знаний, в протоколе могут быть зафиксированы неверные количественные и качественные показатели ущерба. Такие ошибки подрывают доверие к материалам дела и могут потребовать повторного осмотра со специалистом.

В качестве примера можно привести апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 10 апреля 2018 года [3].

Так, Следователь провел дополнительный осмотр места происшествия с целью изъятия спилов с пней для последующей экспертизы по установлению материального ущерба. Однако при составлении протокола осмотра места происшествия были допущены процессуальные нарушения:

- не были удостоверены подписями участников осмотра факты разъяснения им прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия во вводной части протокола (нарушение ч. 5 ст. 164 и ч. 10 ст. 166 УПК РФ);
- не было зафиксировано, что лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены об использовании технических средств (нарушение ч. 6 ст. 164 и ч. 5 ст. 166 УПК РФ).

В итоге суд первой инстанции признал протокол осмотра места происшествия недопустимым доказательством. Вслед за этим были исключены из числа доказательств вещественные доказательства (спилы с пней) и заключение эксперта, основанное на результатах этого осмотра. В результате предварительный след не смог установить материальный ущерб, причиненный преступлением. Поскольку других квалифицирующих признаков в деле не было, деяние обвиняемого не могло быть признано преступным.

Этот пример иллюстрирует, как нарушения процессуальных требований при проведении следственных действий могут привести к утрате ключевых доказательств и, как следствие, к прекращению уголовного преследования.

Ошибки в проведении следственных действий также связаны с существующими ограничениями в оперативно-розыскной деятельности. Так как санкция части 1 статьи 260 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы до двух лет, что относит преступление к категории небольшой тяжести [1]. Согласно Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», в таких случаях запрещено проводить некоторые оперативно-розыскные мероприятия, например, прослушивание телефонных переговоров [2]. Это ограничивает возможности документирования преступной деятельности, особенно в случаях групповых преступлений.

Отсюда же вытекает и недостаточный уровень межведомственного взаимодействия. Несмотря на важность

координации между органами лесного хозяйства, полицией, таможенными службами и другими ведомствами, на практике такое взаимодействие часто оказывается недостаточным. Это затрудняет обмен информацией, проведение совместных операций и рейдов в зонах повышенного риска.

Ну и наконец, латентность преступлений. Незаконная рубка часто относится к латентным преступлениям, то есть таким, которые не регистрируются или не раскрываются [4]. Это связано с сокрытием следов преступления, сложностями в их обнаружении и другими факторами.

Представляется, что для повышения эффективности расследования незаконной рубки лесных насаждений требуется комплексный подход, включающий:

- внедрение современных технологий мониторинга и контроля за состоянием лесов;

- усиление межведомственного взаимодействия и проведение совместных операций;

- повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в области расследования таких преступлений;

- совершенствование законодательства, в том числе уточнение терминологии и устранение пробелов в квалификации;

- привлечение общественности к участию в охране лесов (создание горячих линий, информационные кампании);

- ужесточение наказаний за нарушения в лесной сфере и усиление профилактических мер.

Только сочетание этих мер может снизить уровень незаконной рубки и повысить результативность расследований.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Калмыкия № 22–78/2018 от 9 апреля 2018 г. по делу № 22–78/2018. URL: [//sudact.ru/regular/doc/gj3lqBlGFd8/](https://sudact.ru/regular/doc/gj3lqBlGFd8/).
4. Иванов В. Ю., Екимова О. Р. Проблемы, возникающие при рассмотрении вопросов о привлечении к ответственности за незаконную рубку лесных насаждений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 4 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-voznikayushchie-pri-rassmotrenii-voprosov-o-privlechenii-k-otvetstvennosti-za-nezakonnuyu-rubku-lesnyh-nasazhdeniy> (дата обращения: 22.10.2025).

Договор коммерческой концессии и франчайзинга в предпринимательской деятельности

Ширшова Анна Михайловна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье рассматриваются правовые аспекты договора коммерческой концессии и франчайзинга в сфере предпринимательской деятельности. Анализируются понятие и правовая природа договора коммерческой концессии, а также особенности франчайзинга как экономико-правового явления. Особое внимание уделяется соотношению понятий «коммерческая концессия» и «франчайзинг», содержанию договорных обязательств сторон и проблемам правового регулирования данных отношений. В работе исследуется действующее законодательство Российской Федерации и судебная практика по спорам, возникающим из договоров коммерческой концессии, выявляются основные проблемы их заключения и исполнения. По результатам исследования формулируются выводы и предложения, направленные на совершенствование правового регулирования франчайзинговых отношений и повышение эффективности их применения в предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: договор коммерческой концессии, франчайзинг, предпринимательская деятельность, гражданско-правовой договор, правообладатель, пользователь, правовое регулирование.

Актуальность исследования договора коммерческой концессии и франчайзинга обусловлена активным развитием предпринимательской деятельности в Российской Федерации и возрастанием роли договорных кон-

струкций, обеспечивающих расширение бизнеса с минимизацией рисков. В современных экономических условиях франчайзинг выступает одним из наиболее востребованных инструментов тиражирования успешных бизнес-

моделей, позволяя предпринимателям использовать известные средства индивидуализации, деловую репутацию и накопленный коммерческий опыт правообладателя.

В то же время правовое регулирование франчайзинговых отношений в российском законодательстве осуществляется преимущественно через институт договора коммерческой концессии, что порождает определённые теоретические и практические проблемы. Отсутствие в законодательстве самостоятельного правового института франчайзинга, а также неоднозначность соотношения экономической категории «франчайзинг» и гражданско-правовой конструкции коммерческой концессии вызывают сложности при заключении и исполнении договоров, а также при разрешении судебных споров.

Особую актуальность приобретает анализ правоприменительной практики, свидетельствующей о наличии типичных ошибок сторон договора, связанных с формулированием его условий, государственной регистрацией, распределением ответственности и защитой нарушенных прав. В этой связи исследование правовой природы, содержания и проблем регулирования договора коммерческой концессии и франчайзинга имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение для субъектов предпринимательской деятельности [6, с.111].

Договор коммерческой концессии закреплён в главе 54 Гражданского кодекса Российской Федерации и представляет собой самостоятельную гражданско-правовую конструкцию, направленную на комплексную передачу исключительных прав в сфере предпринимательской деятельности. В соответствии со статьёй 1027 ГК РФ по договору коммерческой концессии правообладатель обязуется предоставить пользователю за вознаграждение право использования в предпринимательской деятельности комплекса исключительных прав, включающего, в частности, товарный знак, знак обслуживания, коммерческое обозначение и ноу-хау [1].

В юридической литературе подчёркивается, что сущность договора коммерческой концессии заключается не в простой передаче отдельных объектов интеллектуальной собственности, а в предоставлении пользователю **деловой модели**, проверенной правообладателем и ориентированной на получение прибыли. Так, Е. А. Суханов указывает, что коммерческая концессия направлена на «воспроизведение предпринимательского опыта правообладателя с сохранением единых стандартов ведения бизнеса» [16, с. 535].

Отличительной чертой данного договора является его строго предпринимательская направленность. Как отмечает О. А. Красавчиков, «... участие в договоре коммерческой концессии возможно исключительно со стороны субъектов предпринимательской деятельности, что обусловлено экономическим характером передаваемых прав» [11, с. 215].

Франчайзинг изначально сформировался как экономический механизм расширения бизнеса и только впоследствии получил правовое оформление. В экономи-

ческой теории франчайзинг рассматривается как форма организации бизнеса, при которой одна сторона (франчайзер) предоставляет другой стороне (франчайзи) право использовать проверенную бизнес-модель, бренд и технологии за вознаграждение.

В правовой науке франчайзинг нередко трактуется как совокупность договорных отношений, выходящих за рамки классического гражданско-правового договора. По мнению М. И. Брагинского, франчайзинг представляет собой «комплексное правоотношение, включающее элементы лицензионных, обязательственных и корпоративных связей» [9, с. 598].

Российское законодательство не содержит легального определения франчайзинга, что порождает правовую неопределённость и необходимость использования конструкции коммерческой концессии для регулирования соответствующих отношений.

В научной литературе отсутствует единый подход к вопросу соотношения коммерческой концессии и франчайзинга. Одни авторы рассматривают их как тождественные понятия. Так, А. П. Сергеев указывает, что договор коммерческой концессии является «юридической формой франчайзинга в российском праве» [9, с.601].

Другие исследователи считают, что франчайзинг шире коммерческой концессии. По мнению В. В. Витрянского, «... франчайзинг охватывает также организационные, маркетинговые и управленческие элементы, которые не всегда находят отражение в договоре коммерческой концессии» [9, с.667].

Представляется обоснованной позиция, согласно которой коммерческая концессия выступает **основным, но не единственным** правовым инструментом оформления франчайзинговых отношений в России.

Сторонами договора коммерческой концессии являются правообладатель и пользователь. Оба субъекта должны обладать статусом коммерческих организаций либо индивидуальных предпринимателей, что прямо следует из положений ГК РФ.

Правообладатель, как правило, является владельцем комплекса исключительных прав и деловой репутации. Пользователь же осуществляет предпринимательскую деятельность под брендом правообладателя, принимая на себя обязанность соблюдать установленные стандарты. Как подчёркивает Л. А. Новосёлова, «... правовой статус пользователя существенно ограничен условиями договора, что отличает коммерческую концессию от классической лицензии» [13, с.343].

К числу существенных условий договора коммерческой концессии относятся предмет договора, объём передаваемых прав, размер и форма вознаграждения, а также условия использования средств индивидуализации. Отсутствие согласования указанных условий влечёт признание договора незаключённым.

Особое значение имеет государственная регистрация договора, без которой он считается недействительным. Данное требование, по мнению С. А. Маковского, «...

является дополнительной гарантией защиты интересов третьих лиц и участников оборота» [12, с.46].

Правообладатель обязан обеспечить пользователю возможность использования переданных прав, осуществлять контроль за качеством товаров и услуг, а также предоставлять консультационную поддержку. Пользователь, в свою очередь, обязан соблюдать стандарты правообладателя, выплачивать вознаграждение и сохранять коммерческую тайну.

Данные обязанности носят взаимный характер и направлены на поддержание деловой репутации франчайзинговой сети.

С неправильным определением предмета договора, отсутствием государственной регистрации, а также включением в договор условий, ограничивающих конкуренцию. Указанные недостатки нередко становятся основанием для признания договора недействительным.

Судебная практика свидетельствует о том, что значительная часть споров связана с взысканием вознаграждения, расторжением договора и защитой исключительных прав. Суды, как правило, исходят из буквального толкования условий договора и строгого соблюдения требований ГК РФ.

К типичным ошибкам относятся отсутствие регистрации договора, неконкретное описание комплекса передаваемых прав и игнорирование антимонопольных ограничений. Данные обстоятельства существенно снижают правовую устойчивость договора [15, с.69].

Современный этап характеризуется ростом числа франчайзинговых сетей, особенно в сфере торговли и услуг. Франчайзинг становится важным инструментом поддержки малого и среднего бизнеса.

Кроме того, высказываются предложения о законодательном закреплении понятия франчайзинга и расширении перечня диспозитивных норм главы 54 ГК РФ. Это позволило бы повысить гибкость правового регулирования и снизить количество споров.

Таким образом, правовой механизм регулирования франчайзинговых отношений в Российской Федерации. Несмотря на наличие нормативной базы, практика его применения выявляет ряд проблем, требующих дальнейшего научного осмысления и законодательного совершенствования. Развитие франчайзинга как формы предпринимательской деятельности возможно при условии повышения правовой определённости и устойчивости договорных конструкций.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410. Ст. 1027
2. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 28. — Ст. 2790; 2024. — № 18. — Ст. 2410.
3. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 6. — Ст. 492; 2024. — № 33 (Часть I). — Ст. 4971.
4. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 17. — Ст. 1918; 2024. — № 33 (Часть II). — Ст. 5001.
5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018; 2024. — № 44. — Ст. 6489.
6. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.
7. Байрамов Б. А., Моргунов М. В. Современное состояние и перспективы развития правового регулирования криптовалют в России // Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности: сб. тр. XV Между-нар. конф., XIII Международного конкурса науч.-метод. работ. М.: «Экон-Ин-форм», 2020. — С. 111–118.
8. Брагинский М. И. Договорное право: Книга третья. Договоры о передаче имущества и пользовании им. — М.: Статут, 2011. — 614 с.
9. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: в 4 кн. Кн. 3: Договоры о передаче имущества и пользовании им. — М.: Статут, 2020. — 612 с.
10. Глазьев С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологических укладах / С. Ю. Глазьев. — М.: Книжный мир. 2018. — 384 с.
11. Красавчиков О. А. Гражданско-правовые категории. — М.: Статут, 2005. — 516 с.
12. Маковский С. А. Государственная регистрация гражданско-правовых договоров: проблемы теории и практики // Закон. — 2020. — № 6. — С. 45–52.
13. Новосёлова Л. А. Интеллектуальная собственность в гражданском праве: учебник для магистратуры. — М.: Статут, 2021. — 544 с.
14. Правкин С. А., Смирнова В. В. К вопросу «цифровых прав человека» в цифровой экономике // Legal Bulletin. — 2022. — Т. 5. — № 2. — С. 18–27.

15. Смирнова В. В., Правкин С. А. Технологии цифровизации финансового рынка // Образование и право. — 2021. — № 12. — С. 67–71.
16. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 3: Обязательственное право. — М.: Статут, 2021. — 756 с.
17. Тувакова А. И. Влияние цифровой трансформации на финансовые рынки // Молодой ученый. — 2022. — № 48 (443). — С. 154–160.

Предмет лицензионного договора: границы допустимой неопределенности и риск признания договора незаключенным

Шкредова Надежда Анатольевна, студент
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются пределы допустимой неопределенности предмета лицензионного договора в российском гражданском праве и обусловленные ею риски признания договора незаключенным. Анализируются нормативная конструкция предоставления права использования, специфика определения предмета в отношении секрета производства, а также правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и научные подходы.

Предмет лицензионного договора в российском гражданском праве выступает ключевым элементом конструкции договора распоряжения исключительным правом. Согласно пункту 1 статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) договор считается заключенным при достижении сторонами соглашения по всем существенным условиям, к числу которых традиционно относится предмет договора. Специальное регулирование в части четвертой ГК РФ усиливает значение предмета лицензионного договора, поскольку именно через него индивидуализируется предоставляемый объем права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации (пункт 1 статьи 1235 ГК РФ).

Нормативная конструкция лицензионного договора фиксирует двуединый характер его предмета. С одной стороны, предметом выступает действие правообладателя по предоставлению лицензии, то есть по предоставлению права использования охраняемого результата. С другой стороны, предмет включает сам объект исключительного права в его индивидуализируемом качестве и пределах использования, определяемых договором (пункт 1 статьи 1235, пункты 1, 2 статьи 1236 ГК РФ). Такая конструкция задает исходную рамку для вопроса о допустимой неопределенности: закон не требует буквального описания всех характеристик объекта, но настаивает на его определенности и на согласовании способов использования как части предмета.

В современной доктрине внимание смещается от формального перечисления признаков предмета к анализу критериев его определенности.

И. В. Ушанков, исследуя лицензионный договор в цифровой среде, исходит из того, что существенными для его заключенности являются согласование конкретного результата интеллектуальной деятельности, способов

его использования и вознаграждения, при этом предмет может быть определен путем отсылки к внешним реестрам или иным массивам данных, если такая отсылка позволяет однозначно идентифицировать объект [3, с. 114]. Приводимый им пример судебной практики, где предметом договора были «произведения, включенные в реестр Российского авторского общества», демонстрирует, что Верховный Суд Российской Федерации допускает согласование предмета через динамический реестр, если он объективно доступен и обеспечивает конкретизацию передаваемых прав.

Тем самым выстраивается первая граница допустимой неопределенности: формула предмета может быть абстрактной в тексте договора, но должна опосредованно вести к индивидуализации объекта через внешний источник, доступный сторонам и суду. Эта граница значима прежде всего для договоров, охватывающих массивы произведений или программ для ЭВМ, которые трудно исчерпывающе перечислить на момент заключения. В таком случае неопределенность признается допустимой постольку, поскольку она преодолевается через механизм отсылки и последующей идентификации. Отказ судов учитывать подобные механизмы фактически превращает требование определенности в инструмент для произвольного признания договора незаключенным и вступает в противоречие с функцией лицензии как инструмента оборота нематериальных активов.

Иная конфигурация проблемы обнаруживается в отношении лицензионных договоров о передаче секрета производства (ноу-хау). Статья 1465 ГК РФ связывает существование секрета производства с совокупностью критериев конфиденциальности, неизвестности третьим лицам и коммерческой ценности информации, а Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» конкретизирует понятие режима

коммерческой тайны как юридической предпосылки возникновения соответствующего исключительного права. В этой конструкции предмет лицензионного договора уже не может сводиться к любому информационному массиву: он должен корреспондировать объекту, обладающему именно качествами секрета производства. В противном случае договор внешне придерживается модели лицензии, но объективно лишается своего предмета.

Указанная коллизия рельефно выявилась в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2023 г. № 11-КГ23–3-К6, где рассматривался спор о признании незаключенным лицензионного договора о передаче секрета производства (ноу-хау). Суд указал, что при решении вопроса о заключенности договора необходимо установить, достигнуто ли соглашение о конкретном секрете производства, соответствует ли переданная информация признакам, предусмотренным статьей 1465 ГК РФ, и имел ли место сам факт передачи именно того объекта, который стороны обозначили в договоре. Позиция Верховного Суда тем самым смещает акцент с формальной фиксации предмета в договоре на его материальное содержание, подчеркивая, что отсутствие у переданной информации качеств секрета производства влечет отсутствие предмета лицензионного договора и создает риск признания его незаключенным.

В доктрине эта линия судебной практики получает развитие через анализ распределения бремени доказывания и презумпций в спорах о ноу-хау.

А. П. Рабец, исследуя современные тенденции судебной практики по спорам о секретах производства, отмечает, что в отношении признака коммерческой ценности в судах сложилась презумпция его наличия до опровержения, однако такая презумпция не подменяет необходимости установления конфиденциальности и фактической неизвестности сведений неопределенному кругу лиц [1, с. 156]. В совокупности это означает, что при сомнениях в квалификации передаваемой информации как секрета производства риск признания договора незаключенным перераспределяется, но не устраняется: лицензиар вынужден подтверждать наличие правового режима коммерческой тайны и отличительные признаки ноу-хау, а лицензиат — доказывать очевидную публичную доступность сведений, если он ссылается на отсутствие предмета договора.

Особое значение для очерчивания пределов допустимой неопределенности имеет Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июля 2025 г. № 306-ЭС25–461 по делу № А65–31236/2023. В этом деле лицензиат требовал признать незаключенным договор о предоставлении права использования секрета производства, указывая, что полученная информация представляет собой набор общедоступных рекомендаций по организации бизнеса и не обладает признаками ноу-хау. Суды нижестоящих инстанций исходили из того, что договор исполнен: акт

приема-передачи подписан, информация передана, следовательно, предмет присутствует. Верховный Суд отменил судебные акты и указал, что наличие акта передачи не освобождает суд от проверки соответствия переданного массива информации признакам секрета производства и от выяснения, совпадает ли фактически переданный объект с тем, который описан в договоре.

Содержательно данное определение продолжает линию гражданской коллегии, но уточняет вторую границу допустимой неопределенности. Не требуется предельно детализированного описания каждого документа или файла, входящего в состав секрета производства: допустима обобщенная договорная формула, если она позволяет соотносить переданную информацию с правовой моделью ноу-хау. Однако формула не может быть настолько широкой и размытой, чтобы под нее попадали любые открытые источники или советы общеизвестного характера. В противном случае суд приходит к выводу об отсутствии предмета лицензионного договора и ставит вопрос либо о переквалификации отношений в договор возмездного оказания услуг, либо о признании договора незаключенным с вытекающими последствиями в виде возврата полученных платежей как неосновательного обогащения.

На фоне этих прецедентов показательно суждение Л. В. Шварц, которая, анализируя существенные и иные условия лицензионного договора, приходит к выводу о достаточности перечня существенных условий, закрепленного в статье 1235 ГК РФ, и увязывает большинство проблем правоприменения не с пробелами законодательства, а с некорректной квалификацией конкретных условий как «несогласованных» [4, с. 102]. С ее позиции, требование определенности предмета не должно превращаться в формальный тест, игнорирующий возможности толкования договора в системной связи с реестрами, технической документацией и фактическим поведением сторон. Такая доктринальная оценка хорошо корреспондирует с подходом Верховного Суда, который в делах о ноу-хау ориентирует суды не на механическое сопоставление формулировок, а на выявление реального содержания передаваемого объекта.

Вместе с тем, как показывает исследование А. Э. Тавгазовой, значительная часть споров по лицензионным договорам по-прежнему связана не только с характеристиками объекта, но и с недостаточной конкретизацией территориальных, временных и иных параметров использования, особенно при цифровых способах распространения результатов интеллектуальной деятельности [2, с. 83]. Автор отмечает, что размытые формулировки предмета и иных условий в совокупности приводят к неопределенности объема предоставленных прав и создают основу как для требований о признании договора незаключенным, так и для споров о выходе использования за пределы лицензии. Предлагаемое ею решение — унификация и типизация лицензионных условий — в контексте рассматриваемой проблемы означает, что минимизация риска незаключенности достигается не расширением пе-

речня существенных условий, а повышением стандарта их фактической конкретизации.

Рассматривая проблему в общем виде, можно констатировать, что границы допустимой неопределенности предмета лицензионного договора формируются сейчас по двум векторным линиям. Первая линия связана с вопросом о способах идентификации объекта: допустимы отсылки к реестрам, техническим заданиям и иным внешним массивам данных, если они позволяют определить состав объектов, на которые распространяется лицензия. Вторая линия касается соответствия обозначенного в договоре объекта правовой модели, установленной законом, прежде всего для сложных объектов вроде ноу-хау. Здесь неопределенность становится недопустимой, когда договор фактически описывает объект, который по своим признакам не подпадает под охраняемую категорию, так что «лицензионный» характер отношений оказывается фиктивным.

В совокупности судебная практика 2023–2025 годов и доктринальные оценки позволяют сформулировать следующий вывод, что российское гражданское право не требует абсолютной текстуальной определенности предмета лицензионного договора, но жестко ограничивает свободу усмотрения сторон рамками определенности и соответствия объекта установленной законом модели исключительного права. Чем более информационно опосредован и технологически сложен объект (особенно в случае секретов производства), тем выше риск того, что при отсутствии реальных признаков охраняемости суд придет к выводу об отсутствии предмета договора и признает его незаключенным. Соответственно, снижение этого риска достигается не искусственной детализацией каждого элемента предмета, а построением договорной конструкции, позволяющей суду с опорой на закон и доказательства идентифицировать охраняемый объект и проверить его соответствие установленным критериям.

Литература:

1. Рабец А. П. Правовая охрана секретов производства (ноу-хау): современные тенденции судебной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. № 2. С. 155–169.
2. Тавгазова А. Э. Лицензионный договор: проблемы правоприменительной практики // Бизнес и общество. 2025. № 2 (46). С. 80–85.
3. Ушанков И. В. Лицензионный договор в цифровую эпоху: актуальные вопросы правоприменения // Вестник Академии права и управления. 2024. № 5 (80). С. 112–116.
4. Шварц Л. В. Проблемы существенных и иных условий лицензионного договора // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 2 (63). С. 92–104.

Правовые аспекты льготного лекарственного обеспечения отдельных категорий граждан

Шпилина Дарья Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шаломенцева Елена Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент
Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье автором рассматриваются правовые аспекты льготного лекарственного обеспечения отдельных категорий граждан.

Ключевые слова: государство, общество, льготное лекарственное обеспечение отдельных категорий граждан

Legal aspects of preferential drug provision for certain categories of citizens

Shpilina Daria Yuryevna, master's student

Scientific advisor: Shalomentseva Elena Gennadyevna, candidate of economic sciences, associate professor
Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article discusses legal aspects of preferential drug provision for certain categories of citizens.

Keywords: state, society, preferential drug provision for certain categories of citizens

В ст. 7 Конституции Российской Федерации Россия определена как социальное государство, стремящееся создать условия для достойной жизни и свободного раз-

вития человека. Социальная помощь населению в стране является хорошо развитой сферой, представляющей собой набор инструментов и программ, призванных ока-

зать поддержку гражданам, столкнувшимся с трудностями, а также тем, кто по закону имеет право на различные социальные льготы.

В России система социальной поддержки структурирована на основе законодательных актов и включает в себя как материальную, так и нематериальную помощь. К материальной помощи относятся различные выплаты: субсидии, пособия, компенсации и др. Нематериальная поддержка может выражаться в виде передачи необходимых товаров: топлива, продуктов питания, одежды, обуви, лекарственных средств и т. п. Основой правового регулирования социальной поддержки служит Конституция РФ, федеральные и местные законы, посвященные социальному обеспечению, а также другие нормативно-правовые акты.

Россия уделяет особое внимание охране здоровья граждан и обеспечивает их различными социальными гарантиями. К числу этих гарантий относится и право на льготное лекарственное обеспечение.

В России оказание лечебно-оздоровительных услуг населению осуществляется в соответствии с территориальными программами, которые предусматривают бесплатное медицинское обслуживание граждан:

- за счет финансовой поддержки, предусмотренной системой обязательного медицинского страхования для стационарного лечения, включая высокотехнологичные медицинские вмешательства;

- за счет бюджетных ассигнований из средств федерального бюджета, направляемых в соответствии с Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной поддержке»;

- за счет государственных закупок медикаментов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 26.11.2018 № 1416 «О порядке организации обеспечения лекарственными препаратами лиц, больных гемофилией, муковисцидозом, гипофизарным нанизмом, болезнью Гоше, злокачественными новообразованиями лимфоидной, кроветворной и родственных им тканей, рассеянным склерозом, гемолитико-уремическим синдромом, юношеским артритом с системным началом, мукополисахаридозом I, II и VI типов, апластической анемией неуточненной, наследственным дефицитом факторов II (фибриногена), VII (лабильного), X (Стюарта — Прауэра), лиц после трансплантации органов и (или) тканей»;

- за счет финансовых ресурсов, выделяемых бюджетами регионов России, для предоставления гражданам мер социальной поддержки при реализации постановления Правительства Российской Федерации от 30.07.1994 № 890 «О государственной поддержке развития медицинской промышленности и улучшении обеспечения населения и учреждений здравоохранения лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения»;

- за счет финансовой поддержки из Социального фонда Российской Федерации, предназначенной для возмещения затрат на лекарства, которые инвалиды покупают по индивидуальным программам реабилитации.

В 2019 году специалисты ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н. А. Семашко» и компании «Фармпробег» провели масштабный социологический опрос, который охватил более тысячи человек из разных уголков России. Данная работа продолжила серию исследований, начатых в 2013–2014 годах. Результаты опроса выявили, что почти каждый второй россиянин (46 %) сталкивается с трудностями при покупке лекарственных препаратов. Это свидетельствует о том, что вопрос доступности лекарств, включая лекарства по льготным ценам, продолжает быть весьма значимым и требует внимания.

Российское государство сегодня сталкивается с важнейшей задачей: улучшить здоровье нации, на котором негативно сказываются социально-экономические проблемы и низкий уровень благосостояния некоторых групп населения. Обеспечение граждан бесплатными современными лекарствами и медицинскими изделиями в рамках государственной социальной помощи и поддержки, финансируемой из федерального и региональных бюджетов, играет ключевую роль в повышении качества и результативности медицинской помощи. С учетом текущего экономического положения и уровня благосостояния людей бесплатное медицинское обслуживание приобретает особую значимость для значительной части населения. В связи с этим ответственность государства за обеспечение доступа к необходимой медицинской помощи возрастает.

Граждане получают социальную поддержку в соответствии с объемами, размерами и порядком, установленным российскими федеральными законами, нормативными актами субъектов Российской Федерации, а также решениями органов власти на региональном и муниципальном уровнях.

Например, во Владимирской области обеспечение льготным доступом к лекарствам для определенных категорий жителей выступает ключевым приоритетом в работе региональных властей в сфере здравоохранения. Каждый год наблюдается рост финансирования программ, направленных на льготное лекарственное обеспечение для жителей региона, относящихся к указанным категориям.

Можно выделить несколько ключевых групп внешних и внутренних факторов, которые влияют на региональный фармацевтический рынок:

1. Географическое положение: климат и близость к важным торговым маршрутам.
2. Экономические факторы: обеспеченность региона ресурсами и его научно-техническое развитие.
3. Политические факторы. Оказывают влияние на взаимодействие между различными ветвями и уровнями власти, степень политической и этнорелигиозной консолидации и др.
4. Социально-демографические факторы: уровень жизни, общественное мнение по поводу реформ и условий труда и др.

5. Финансовые факторы: обеспеченность региона финансовыми ресурсами.

6. Факторы, связанные с инфраструктурой: ее наличие и степень развитости.

В настоящее время российская система обеспечения лекарственными средствами на региональном уровне функционирует недостаточно эффективно. Несмотря на рост затрат и увеличивающиеся объемы финансирования из средств федерального и региональных бюджетов, многие жители страны не имеют доступа к необходимым препаратам. Решение этой проблемы может быть найдено при глубоком анализе существующей региональной политики в этой сфере. Главным шагом к повышению доступности лекарств станет внедрение фармацевтического страхования.

Одним из главных препятствий для эффективной региональной политики в сфере обеспечения лекарствами является недостаточное знание врачами действующих правил и положений, определяющих применение и распределение лекарственных средств.

В настоящее время фармакологический рынок насчитывает около 15 тысяч лекарственных препаратов. В реальной клинической практике врачи и медицинские учреждения используют лишь небольшую часть из них. Выбор препаратов основывается, как правило, на личном опыте, что приводит к формированию ограниченного списка, который может не всегда быть самым эффективным с точки зрения как клинических показателей, так и экономических соображений. Низкий уровень осведомленности медицинских работников о клинических результатах и безопасности лекарственных средств негативно сказывается на качестве предоставляемых медицинских услуг.

Увеличение доступности лекарственных препаратов и решение проблемы обеспечения лекарствами на региональном уровне тесно связаны с формированием обоснованной потребности в них среди медицинских учреждений. Реализация этого достигается через четкое обоснование объемов и качество запросов на закупку лекарств.

Оптимизация лекарственных закупок, основанная на клинической целесообразности и экономических факторах, позволит снизить расход и количество приобретаемых препаратов, которые неэффективны или небезопасны. В качестве основы для отбора лекарств применяется триединый критерий: цена, качество и эффективность. Такой подход обеспечит адекватное и экономически обоснованное рacionamento лекарств. Цель рационирования в России — устранить существующие тайные, нелегальные и нерегламентированные ограничения и заменить их открытыми, легальными, контролируемыми и этичными правилами.

Обеспечение льготных категорий граждан лекарственными препаратами в рамках медицинской помощи представляет собой циклический процесс, включающий ключевые этапы: выявление необходимости в лекарствах, их закупку и последующее применение. Этот цикл тесно

взаимосвязан с фармацевтической экономикой, которая управляет разработкой, производством и распространением лекарственных препаратов.

В экономическом контексте фармакотерапия подразумевает отбор наиболее эффективного лечения, которое обеспечивает максимальный результат при минимальных расходах, учитывая ограниченность ресурсов и неизбежность растущего спроса на медицинские услуги.

Разработка обоснованных потребностей в необходимых препаратах с учетом стандартов и лекарственных формуляров обеспечит рациональное применение фармакотерапии в современных экономических реалиях регионов России. Такой подход повысит доступность лекарственных средств для граждан.

Задержка с проведением аукционов на закупку медикаментов влечет за собой дефицит необходимых лекарств в аптеках. Кроме того, при организации льготного лекарственного обеспечения отдельных категорий граждан, в частности с точки зрения эффективности расходования бюджетных средств, возникают вопросы, в том числе связанные с несовершенной нормативно-правовой базой, регулирующей порядок предоставления гражданам бесплатных лекарств на федеральном и региональном уровнях.

Так, в соответствии со ст. 6.3 Федерального закона от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» гражданин, имеющий право на получение социальных услуг в виде льготного лекарственного обеспечения, может отказаться от их получения, обратившись с заявлением в территориальный орган Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации. Гражданину при этом выплачивается денежная компенсация, размер которой в 2025 году составил 1331,30 руб. При этом нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации закрепляется право отдельных категорий граждан на получение мер социальной поддержки в виде льготного лекарственного обеспечения за счет средств регионального бюджета. Таким образом, при наличии оснований, установленных региональными нормативными правовыми актами, граждане, в том числе являющиеся федеральными льготополучателями, но отказавшиеся от льготного лекарственного обеспечения за счет средств федерального бюджета в пользу денежной компенсации, обеспечиваются лекарственными препаратами по региональной льготе, что влечет за собой увеличение нагрузки на бюджеты субъектов.

Важнейшей задачей государственной стратегии в сфере здравоохранения является обеспечение граждан бесплатными медицинскими услугами и гарантированный доступ к необходимым лекарствам.

Для обеспечения полноценной реализации государственных гарантий социальной поддержки требуется оптимизировать региональное управление лекарственным обеспечением. Глубокий анализ существующих проблем и их масштабов позволит разработать эффективные механизмы, способствующие рациональному использованию

финансовых, материальных и информационных ресурсов. В результате будет обеспечена стабильность и доступность качественной медицинской помощи населению.

Модернизация инфраструктуры лекарственного обеспечения в регионах должна сочетать в себе эффективность административного контроля и рациональное использование ресурсов всех участников, задействованных в обеспечении лекарственными препаратами. Важно также мак-

симально раскрыть потенциал рыночных механизмов для достижения поставленных целей.

Любые реформы в сфере здравоохранения, особенно касающиеся лекарственного обеспечения, обречены на неудачу, если не будет действенной системы государственного контроля за лекарствами. Ведь именно препараты составляют основу лечения: 95 % всех врачебных рекомендаций связаны с их применением.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения 12.01.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. — Текст : электронный // КонсультантПлюс [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 12.01.2026).
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ. — Текст : электронный // КонсультантПлюс [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения 05.01.2026).
4. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи». — Текст : электронный // kremlin.ru [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14146> (дата обращения 13.01.2026).
5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259> (дата обращения 27.12.2025).
6. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств». — Текст : электронный // КонсультантПлюс [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (дата обращения 04.01.2026).
7. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». — Текст : электронный // КонсультантПлюс [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/ (дата обращения 27.11.2025).
8. Приказ Минздрава России от 13.02.2013 № 66 «Об утверждении стратегии лекарственного обеспечения населения Российской Федерации на период до 2025 года и плана ее реализации» — Текст : электронный // Гарант.ру: информационно-правовой портал. — URL: <https://clck.ru/MSQBb> (дата обращения 10.01.2026).
9. Постановление Правительства РФ от 26.04.2012 № 403 «О порядке ведения Федерального регистра лиц, страдающих жизнеугрожающими и хроническими прогрессирующими редкими (орфанными) заболеваниями, приводящими к сокращению продолжительности жизни граждан или их инвалидности, и его регионального сегмента». — Текст : электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129078/ (дата обращения 01.01.2026).
10. Государственная и муниципальная социальная политика. Курс лекций : учебное пособие / под ред. Н. А. Волгина. — Москва : КноРус, 2022. — 493 с. — Текст : электронный. — URL: <https://book.ru/book/942669> (дата обращения: 31.01.2026).
11. Воронцова, Н. А. Проблемы лекарственного обеспечения населения на региональном уровне (на примере Иркутской области) / Н. А. Воронцова. — Текст : непосредственный // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2013. — № 1 (87). — С. 56–59.
12. Галкин, Ю. Бесплатное и льготное лекарственное обеспечение / Ю. В. Галкин. — Текст : непосредственный // Экономика здравоохранения. — 1997. — № 1. — С. 32–34.
13. Зайцева, В. Льготники препаратами обеспечены. Опыт организации лекарственного обеспечения в Находке / В. Зайцева. — Текст : непосредственный // Фармацевтический вестник. — 2001. — № 15. — С. 2.
14. Кончуглов, А. В. Социальная политика как явление общественной жизни / А. В. Кончуглов. — Текст : непосредственный // Власть. — 2011. — № 9.

ИСТОРИЯ

Позиции Австро-Венгрии в отношениях с Сербией накануне Первой мировой войны (1912–1913 гг.)

Карасев Артемий Алексеевич, студент
Луганский государственный университет имени Владимира Даля

В статье анализируется эволюция позиций Австро-Венгрии в отношении Сербии в 1912–1913 гг. Исследование фокусируется на том, как внутренняя уязвимость Габсбургской монархии, амбиции по гегемонии на Балканах и противоречивое влияние союзников — Германии и Италии, определяли её внешнеполитический курс. Особое внимание уделено роли Балканских войн, которые, радикально изменив расстановку сил в регионе, поставили Вену перед выбором между уступками и силовой конфронтацией, в итоге предопределившим путь к общеевропейскому конфликту.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Сербия, Балканы, великие державы, балканские войны, Германия, Италия, внешняя политика.

В силу набора различных причин, связанных со спецификой политического развития юго-восточной Европы, империя Габсбургов традиционной присутствовала на северо-западе региона, играя, как отмечали многие западные аналитики, посредническую роль между культурной Европой и балканскими народами. Так, британский историк-славист Р. У. Сетон-Уотсон, активно поддерживавший борьбу южных славян против Австро-Венгрии, яростно отмечал особую миссию Габсбургской монархии в распространении света европейской культуры [1, с. 188]. И хотя для части современников тех событий это утверждение считалось бы спорным, особенно для сербов, нельзя не отметить, что для Балкан другого источника европейской культуры рядом попросту не было. И если о культуре бытовой еще можно производить жаркие споры, то конкретно на политическую культуру Россия имело довольно слабое влияние.

И здесь нужно сделать первую оговорку о том, что именно следует подразумевать политическая культура и почему Австрия здесь имела явное преимущество. Не углубляясь в историю рождения сербской политической мысли, можно остановиться на нескольких основных факторах.

Во-первых, это западное образование большинства сербских политических кадров. Сербская политическая элита ковалась в Швейцарии и Франции, и как это часто бывало, сербские политики до или после получения образования задерживались в пределах империи Габсбургов, наблюдая там практических наблюдений [2, с. 230].

Во-вторых, политическая атмосфера Австро-Венгрии была куда более презентабельна, нежели в России. Хотя Австрия не славилась технологическими и обществен-

ными прорывами, уровень политических свобод часто превосходил российский. Свой отпечаток накладывали экономические факторы — прямое железнодорожное сообщение с Веной, более высокий уровень развития политических институтов, чем в России (в Сербии парламент действовал регулярно еще с 1858 года, а в 1869 году было введено всеобщее избирательное право [3, с. 18])

В итоге это приводило к тому, что даже настроенные в пророссийскую сторону политики и даже премьер-министр Н. Пашич — глава Народной радикальной партии, настроенной максимально «за» Россию, и «против» Австрии — был сильно разочарован происходящими в России процессами и отсутствием там тех европейских свобод, которым он был воспитан в Европе. В общем же культурное поражение России вылилось в изначально недоверчивые отношения между Белградом и Петербургом, в контексте которых сербы стремились к независимости своей политики от России, чей образ освободительницы балканских народов и опекуна южных славян разбивался о суровую реальность.

В целом отличительной чертой Сербии во время управления ею радикальной партией являлась авантюристичность многих внешнеполитических решений, что являлось заслугой лидера радикальной партии и премьер-министра Н. Пашича, который и превратил изначально задуманный Россией как антиавстрийский союз балканских стран в антитурецкий. Это позволило в конечном счете получить значительные приобретения, однако серьезно пошатнуло стабильность в регионе и международные позиции России, которой на ходу приходилось, что называется, «разгребать» за Сербией последствия Балканской

войны, вновь вернувшись к неудобному в тот конкретный момент времени вопросу о проливах и такому же неудобному вопросу о конфронтации Сербии и Австрии.

России же ответить было нечем. Империя вела активную политику на многих других аренах, включавших Дальний Восток, Среднюю Азию и Персию. Здесь можно найти еще один критичный момент. В отличие от других великих держав, обладавших обширными геополитическими интересами, интересы Австро-Венгрии ограничивались лишь одним регионом, доминирование в котором и должно было гарантировать этот самый великодержавный статус [1, с. 189]. Однако усиление Сербии и изменение баланса сил в регионе могли легко вывести и без того не слишком устойчивую империю из равновесия, что стало бы отправной точкой для развала и созданием на ее костях пары-тройки славянских государств. Подобные угрозы были рассчитаны Веней, и потому для Австро-Венгрии Сербия воспринималась не просто как преграда к достижению гегемонии, а как прямая угроза национальной безопасности.

Такое восприятие, впрочем, не было типичным для Австрии большую часть ее соседства с Сербией. С начала XIX века, когда зарождалось сербское независимое государство, оно рассматривалось Веней как союзник против османской экспансии, и после — до самого начала XX века как витрина той самой европейской западной культуры на Балканах, которая могла бы переманить южных славян на сторону Вены, уничтожив влияние России на регион. Однако неудачный выбор претендентов, пассивная политика Вены и активное вмешательство Петербурга в балканские дела в ходе Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. привели к стремительному падению Австрийского влияния, от которого к 1903 году остался только пустой звук после смены в Сербии проавстрийской династии Обреновичей на Карагеоргиевичей [4, с. 301] при высоком влиянии антиавстрийских элементов в лице Н. Пашича и его Народной радикальной партии [5, с. 46].

Дальнейшее расширение Сербии в ходе Балканских войн поставило Австро-Венгрию в патовую ситуацию, при которой ей оставалось воздействовать на своего южного соседа исключительно силовыми методами. Уже в ходе первой балканской войны французский посол в Вене А. Дюмен отмечал: «Стремительный марш сербской армии к Адриатике порождал у Австро-Венгрии желание стереть это балканское королевство с карты Европы» [1, с. 195]. Нельзя не отметить, что опасения Австро-Венгрии касательно расширения Сербии не были необоснованными, ибо укрепление Сербии в Санджаке, создавало барьер на пути Австро-Венгрии к Салоникам, а приобретение Сербией порта на Адриатике делало ее независимым от Австрии в экономическом плане. Все это было чревато молниеносным падением престижа империи в регионе и перспективой откола от нее южнославянских провинций.

В свете этого вполне закономерно, что руководство Дунайской монархии весьма решительно прореагировало на

начало боевых действий балканских союзников против Турции в октябре 1912 г. Так, австро-венгерский министр иностранных дел граф Леопольд фон Берхтольд заявил, что интересы Австро-Венгрии на Балканах носили жизненно важный характер, и она была «полна решимости защищать их при любых обстоятельствах» [6, с. 22]

Вена, увидев острую необходимость во вмешательстве в усиление Сербии имела не так уж и много рычагов влияния, как хотелось бы политикам в Вене. Во-первых, все эти рычаги были сугубо насильственными и требовавшими военной силы — то есть были, строго говоря, невероятно авантюрными в условиях назревающего мирового конфликта. Во-вторых, эти рычаги были связаны в первую и последнюю очередь с Албанией, которая оставалась единственным буфером, ограждающим Сербию от выхода к Адриатическому морю. Всего Вена обладала ровно двумя планами действий, в случае если Сербию придется останавливать силой. В первом случае, планировалась широкая агитация в новообразованном Албанском княжестве, где происходила серьезная борьба между различными политическими и религиозными группами. Создав в Албании еще большие внутренние осложнения и неразбериху, Австрия могла рассчитывать на мировое одобрение ввода туда воинского контингента под предлогом «наведения порядка». Во втором случае, венские политики рассматривали возможность вторжения в Албанию в случае возникновения у нее конфликта с Сербией из-за неурегулированности вопроса об общей границе. В обоих случаях, традиционное позиционирование Австро-Венгрии в качестве покровительницы албанцев-католиков, а также прямое участие Австрии в формировании албанской государственности позволяли Вене действовать особенно решительно для защиты уже собственных интересов.

Убедительные победы сербской армии, а также оккупация ею в ноябре 1912 г. Многих городов албанского побережья спровоцировали Адриатический кризис, в ходе которого австро-венгерское руководство продемонстрировало готовность применить военную силу, с тем чтобы не позволить Сербии закрепиться на Адриатике. Увеличение территории Сербского королевства за счет Санджака и частей Македонии преграждало Дунайской монархии путь к Салоникам, а получение порта на Адриатике резко снижало Сербскую экономическую зависимость от Австро-Венгрии. Все эти военные успехи, по мнению австро-венгерских политиков и сторонних наблюдателей означали поражение для Дунайской монархии в первую очередь. Италия направила Сербии ноту протеста против оккупации Приморья, а Австро-Венгрия пригрозила Сербии войной.

По распоряжению военного министерства Австро-Венгрии в стране была объявлена частичная мобилизация. К границам Австро-Венгрии с Сербией были придвинуты имперские войска общей численностью в 80 тыс. солдат и офицеров. 30 октября, по данным русского военного агента в Вене полковника Зенкевича, план военной

операции против Сербии был окончательно утвержден Генеральным штабом, но в ноябре в него были внесены коррективы, согласно которым основной удар австро-венгерских войск должен был быть нанесен не по Сербии, а по России — уже с такими вводными, которые начал запрашивать австрийский генштаб поделаться ничем было нельзя [7, с. 127–128]. Война с Россией требовала от Вены непогрешимого союза с Берлином, который на момент русско-германской разрядки был невозможен.

«Однажды Сербия рассорит всю Европу и ввергнет континент в мировую войну», — писал британский посол в Австро-Венгрии Ф. Картрайт, когда великие державы в очередной раз зашли в тупик, пытаясь урегулировать поставленный Первой балканской войной вопрос о сербо-албанской границе [6, с. 17].

Очередные сербо-албанские пограничные столкновения в октябре 1913 г., а также нарушение сербами албанской границы привели к жесткому выступлению Вены с требованием сербским войскам немедленно покинуть занятые территории. Грезившая о применении «силовой дипломатии» Австрия развязала себе руки. Целью этой дипломатии являлось не только дать почувствовать Сербии свою силу и показать пределы Сербского влияния, но также чтобы поднять свой авторитет в Европе и внутри страны. Однако, все оказалось не так хорошо, как на то рассчитывали венские политики. Дальнейшее вмешательство Австрии, расширение и дестабилизация конфликта в Албании несли в себе угрозу вмешательства Италии — союзницы и принципиальной региональной соперницы Дунайской монархии в одном лице. Рим проводил сугубо эгоистическую политику, видя в Австро-Венгрии не сколько союзника по тройственному пакту, сколько своего главного соперника в борьбе за контроль над Адриатическим морем. Создание проавстрийского албанского государства, блокирующего экспансию Сербии, одновременно ограничивало и амбиции Италии в регионе. Это вылилось в острое, хотя и скрытое, итало-австрийское соперничество за преобладающее влияние в самой Албании. Страх перед итальянской интервенцией в случае дестабилизации Албании был одним из ключевых сдерживающих факторов для Вены, не позволявших ей применить против Сербии еще более жесткие силовые методы в 1913 году. Таким образом, внутри самого Тройственного союза существовал глубокий раскол, которым умело пользовались державы Антанты, в частности, Россия, пытаясь через неофициальные каналы наладить диалог с Римом, что для Вены было недопустимо.

Кроме того, были и другие факторы, сдерживающие Австрию от прямого вторжения на Балканы. Одним из таких факторов являлась Австро-Венгерская общественность и свойственное ей отсутствие сплоченности, а также серьезные сепаратистские настроения среди южнославянских народов. Примечательной можно считать реакцию венгерской общественности, отражаемую в будапештских газетах. Несмотря на то, что и тут не было полного единства, и как замечал русский генеральный консул в Бу-

дапеште М. Приклонский «на страницах венгерских печатных изданий прослеживались две тенденции: приверженность конфронтационной модели взаимодействия с Россией и ее «балканскими протезе» и осуждение этих провокационных публикаций», одна идея, звучавшая как «Наше отечество Венгрия, а не монархия, и чем сильнее монархия, тем слабее наше отечество» в печатных изданиях прослеживалась тогда очень ясно [8, с. 55]. Подобные тенденции, направленные на размежевание целей того или иного подчиненного народа с целями Австрийцев, были свойственны почти для всей страны. Общество требовало доказать обоснованность проведения балканской политики и показать общность целей у всех народов, населяющих империю. Практически, конечно, для Венских политиков все не самом деле было чуть проще — достаточно было склонить на свою сторону только Венгерскую часть империи, чтобы страна не развалилась. Однако для этого требовалась или умелая пропаганда, способная консолидировать страну для противодействия сербской угрозе, или успешные действия на Балканах. К несчастью для Вены, это был не единственный фактор, мешающий успеху на Балканах.

Самым серьезным для монархии Габсбургов здесь было не общественное мнение или вероятность вмешательства Италии, а тяжелейшее финансовое положение страны. Даже в случае прямого неподчинения Сербии, российские аналитики констатировали крайне низкую вероятность мобилизации войск монархии [1, с. 201]. Отмечалось также затруднительное положение австрийского правительства в отношении возможности выполнения в настоящее время призыва и критическое экономическое положение государства.

Позиция Германии по отношению к Балканам и балканской политике своего союзника тоже не выражала особого оптимизма для венских милитаристов. Обе страны обладали противоположными по отношению к друг другу мнениями касательно будущего положения в Балканах в будущем мировом конфликте. Вильгельм II неоднократно критиковал министра иностранных дел Австрии Л. фон Берхтольда за его попытки привлечь Болгарию на сторону Тройственного союза и за дальнейшее отчуждение от него Румынии и Греции. Кайзер считал, что интересам австро-германского блока на Балканах в наибольшей степени соответствовало формирование коалиции в составе Румынии, Греции и Сербии. Вильгельм II даже направил румынскому монарху Каролу I телеграмму с поздравлениями по поводу заключения Бухарестского мира, что в свою очередь вызвало раздражение Австро-Венгрии [1, с. 201]. Раздражение и чувство собственной ущемленности вызывала и политика «разрядки» между Германией и Великобританией, которая резко лишила Вену поддержки в ведении хоть сколько-то агрессивной внешней политики на Балканах. Между тем, депутат австрийского рейхсрата К. Крамарж критиковал правительство Габсбургской монархии за чрезмерно «тесные узы» с империей Гогенцоллернов, заявляя, что «Австрия была

привязана к Берлину телеграфным кабелем, будто железной проволокой» [9, с. 223]. Эта тенденция только усилилась после Балканского кризиса 1912–1913 гг.

Примечательной является реакция германских союзников Австро-Венгрии на балканские события. 19 марта 1913 года черногорские войска заняли город Сукатри, находящийся в 20 км. от Адриатического моря. Не смотря на всевозможные угрозы и акты протеста, а также решение Николая II передать Сукатри новообразованной Албании черногорские войска решительно не собирались оставлять город. Этот акт самостоятельности оставил у германского канцлера Т. фон Бетман-Гольвега неизгладимые впечатления, что уже 25 марта вылилось в речь, ставшую идеологическим двигателем для Германии на десятилетия вперед. Германский канцлер заговорил о «возрождении и обострении расовых инстинктов», о необходимости борьбы «германства» против «славянства», о нарушенном в пользу славянства равновесии в Европе. Этим так же оправдывалась необходимость увеличения армии, так что в том же 1913 году в рейхстаг был внесен новый законопроект, требовавший миллиард марок на новые вооружения [4, с. 355].

Не смотря на блоковую систему международных отношений, созданную к 1912–13 годам Великие державы, имели свой взгляд на будущее устройство и роль Балкан в международной политике. Конфликты, основанные на этих и связанных разногласиях, то и дело возникали внутри военно-политических блоков. Германия и Австрия стремительно различались в виденье будущих союзников на полуострове. Берлин видел будущими членами Трой-

ственного союза Грецию, Сербию и Румынию — страны с широким влиянием Антанты. Масла в огонь в среде Тройственного союза подливал Австро-Итальянский конфликт за контроль над Адриатикой, вылившийся в конфликт за созданную ими же Албанию, которая, к тому же, стала барьером между столетней мечтой сербского государства о выходе к морю.

Подводя итог, можно констатировать тотальную «балканизацию» внешней политики Австрии, что ставило ее перед серьезным вызовом, связанным с высокими ставками при наличии всего лишь одного региона геополитического влияния, в котором сосредотачивался весь престиж и фактор стабильности. Включение Сербского королевства в сферу влияния монархии для Австрии стало «идеей фикс», отказ от реализации которой привел бы одновременно к внешнеполитическому позору и губительному росту славянского сепаратизма внутри империи. Эти факторы вгоняли Австрию в положение, когда с Сербией можно было бороться только решительными силовыми методами, однако крест на этих методах поставила специфика существовавшей системы международных отношений: ее многополярный характер и наличие противоречий в рамках самого Тройственного блока (вроде австро-итальянского соперничества или неопределенности в выборе Балканских союзников между Германией и Австрией). Особенно сильно на Австрийскую политику долгое время влиял страх перед открытой конфронтацией с Россией, который постепенно улетучивался с ослаблением позиций России.

Литература:

1. Агансон О. И. «Карфаген должен быть разрушен!»: Балканская политика Австро-Венгрии в оценках держав Антанты, 1912–1914 гг. // Славяне и Россия: Славяне и Россия в системе международных отношений. М., 2017. 320 с.
2. Шемякин А. Л. Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры: К 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова / Под ред. Б. В. Носова. — М.: «Индрик», 2000. — С. 228–255.
3. Половченко К. А. «Особенности организации власти в Сербском княжестве по Конституции 1869 года» Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, по. 5, 2017, С. 15–20.
4. Половченко К. А. «Восстановление сербского парламентаризма в Конституции 1903 года» Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, по. 2, 2018, С. 45–49.
5. Агансон О. И. Югославянский вопрос и проблема стабильности в Балканском регионе накануне войны // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы: материалы III Международной научно-практической конференции (28–29 ноября 2013 г., Москва) / МНЭПУ, Рос. ассоциация историков Первой мировой войны, Гос. ист. музей; под общ. ред. С. С. Степанова, Г. Д. Шкундина. — М.: Изд-во МНЭПУ, 2014. С. 72–81.
6. Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985, с. 126–127.
7. Крючков И. В. Балканский кризис 1912 г. и его восприятие венгерской общественностью в донесениях российских дипломатов // Вестник РГГУ: научный журнал № 18(140) Серия: «Международные отношения. Зарубежное регионоведение»
8. Агансон О. И. Балканы в 1914 году: сработала ли «Фукидидова модель»? // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII– XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2017. — 556 с.
9. Милуков П. Н. Воспоминания. — М.: Политиздат, 1991. — 528 с.

О древнем вятском роде Юферевых

Лобанов Денис Вячеславович, краевед, поэт, писатель (г Подольск, Московская область)

Вопрос происхождения древнего вятского рода Юферевых уже много лет представляет собой поле для дискуссий. В последние годы данная тема получила новое развитие ввиду возросшего внимания общества к генеалогии в целом. При этом на сегодняшний день основной и единственной версией генезиса данной священнической династии остаётся концепция известного вятского краеведа Василия Ефимовича Глушкова, которую он изложил в своей статье «Родословная Юферевых» [1, с. 4].

Целью данного исследования является проверка теоретической возможности соответствия действительной истории рода концепции В.Глушкова. В работе над темой применялись методы генеалогической реконструкции, сопоставительный, диахронный, ретроспективный и другие.

Роль священнического рода Юферевых в истории Вятской земли общепризнана. Представители данного рода занимали ключевые должности в церковной иерархии Вятки в первой четверти XII века. Далее на протяжении столетия Юферевы постепенно теряли влияние, но все же оставались на важных ролях почти во всех уездах губернии. В это же время ввиду расширения рода происходило и его разветвление, появление крестьянских, а позже даже дворянских его отраслей.

В своей статье В.Глушков, ссылаясь на неуказанные документы РГАДА, представляет читателю в качестве пра-родителя рода татарского мурзу Юфера, прибывшего в 1504 году с большим отрядом татар в Москву на службу к великому князю Ивану III.

Согласно Глушкову, Юфер принял христианство и, имея татарский дворянский титул «мурза», женился на «знатной дочери боярина Милославского». Милославская родила Юферу восемь сыновей, которые также женились на дочерях «именитых купцов и бояр». Внуки мурзы сильно обрусели, обучались в Славяно-греко-латинской академии. Один из правнуков Юфера «Степан Софонов Юферов в сане московского протоиерея в 1609 году прибыл в город Хлынов для церковной службы». Позже он занял должность патриаршего приказчика (десятильника) — высшего духовного лица Вятской земли.

Конечно, в данной легенде имеется несколько фактических несоответствий истории в деталях, которые, впрочем, не обязательно означают неверность общей сути концепции. Так, в 1504 году Милославские еще не имели боярских чинов, а были лишь мелкими чиновниками — дворцовыми слугами и к знати не относились. Помимо этого, Славяно-греко-латинская академия в XVI веке еще не существовала, чтобы в ней могли обучаться дети и внуки мурзы. Возможно подвергнуть критике и указание Глушкова на то, что Степан Софоньевич Юферов в чине протоиерея в 1609 году прибыл на Вятку, ведь он присутствует в Хлынове ранее: в Книгах оборочных 1592–1605 [2] учтен в сане «поп» (иерей).

Все эти несоответствия, разумеется, преодолимы.

Во-первых, Глушков мог указать титул Милославских по их более поздним историческим родовым достижениям. При этом отрицание их боярства в начале XVI века лишь укрепляет рассматриваемую концепцию, ведь обычный мурза и не смог бы взять в жены дочь боярина — мезальянс тогда был редким явлением, а вот стать зятем незнатного тогда дворцового слуги мог вполне.

Даже самый влиятельный из братьев Терентьевичей — Данило слишком высоко не метил, планируя браки своих детей. Так, Дмитрий Данилович Милославский был женат на дочери городского боярского сына Семичева. Евдокия Даниловна — единственная известная дочь посельского и дьяка, известна нам лишь потому, что вышла замуж за Ивана Дмитриевича Боброва, что происходил из рода Со-рокоумовых-Глебовых. Если Семичевы были лишь городовыми служащими, то у Боброва отец был воеводой, а дядьки постельничим и окольничим, что конечно слегка приподнимало статус Милославских, однако, до серьезного возвышения рода было все еще далеко [3, с. 247, 249].

О женах других сыновей Данилы: Павла, Бориса, Никиты, Елисея и Варфоломея ничего не известно. Имена других его дочерей не дошли до наших дней, что может означать как то, что таковых и не было вовсе, так и то, что о них просто не сохранилось сведений, в том числе ввиду того, что их выдали за совсем незнатных мелких чиновников или воинов. К слову, не в полной мере сохранились или сохранились обрывками сведения даже о целых поколениях некоторых княжеских родов Новгородской земли. Что уж говорить о зятях посельского Милославского, одним из которых вполне мог быть и татарский мурза.

Во-вторых, название духовного учебного заведения Глушков мог указать тоже по более позднему, наиболее известному широкой публике наименованию. В строгом смысле академия действительно в конце XVI века еще не существовала, но она имела в состоянии «зародыша», в виде Печатного двора, а затем Типографской школы, которые справедливо считаются ее предшественниками. И все это курировалось клириками Николо-греческого монастыря, здание которого находилось непосредственно при этих заведениях, а в некоторые периоды и вовсе в одном помещении. А при монастырях традиционно преподавали науки. Добавим и то, что к данной работе привлекался первопечатник Иван Федоров, он же дьяк Николо-Гостунского храма, который занимался еще и обучением других клириков. Таким образом, Юферевы могли обучаться на базе этих организаций, чьи выпускники конца XVI века могли впоследствии смешаться в сознании потомков как «выпускники славяно-греко-латинской академии», а многие могли позже и преподавать там.

Наличие же Степана Софоньевича на Вятке в 1605 году, в принципе, не противоречит получению сана «про-

тоиерей» в Москве и последующему прибытию в Хлынов. В принципе, так оно и было, только несколько позже, чем в 1609 году. В соответствии с «Повестью о Великорецкой иконе» [4, с. 73] Степан возглавлял крестный ход с иконой святителя Николая в столицу в 1615 году, где и был произведен в протопопы. Здесь, возможно, имела место простая неточность или ошибка Василия Ефимовича, а может его источника.

Переход татарского мурзы в православие и женитьба на дочери русского дворянина в то время представлял собой нормальную практику, поскольку только так принятый на службу к русскому князю дворянин-иноверец получал не только оклад, но и земли, а также сохранял за собой титулы.

Теперь же, если мы отбросим указанные выше неточности, а может и вовсе намеренные «преукрашивания», то концепция будет иметь гораздо более правдоподобный вид: «мурза Юфер взял в жены дочь посельского Милославского», а также: «внуки мурзы обучались на печатном дворе при Николо-греческом монастыре».

Но, где и как в начале XVI века татарский мурза мог иметь сношения с Милославскими? Среди всех вотчин Милославских начала XVI века наиболее интересными в этом смысле для нас являются их поместья в Новгородской чети.

Как раз там, в Новгородской земле, на стыке XV-XVI веков и далее «испомящались» татарские мурзы и татары-новокрещены [5] для укрепления и защиты недавно отодвинутых на запад границ. Им давали земли сперва в Шелонской, а затем в Бежецкой и в Обонежской пятинах [6]. Многие из них со временем приняли фамилию «Новокрещенов», «Татаринов», но кто-то принял фамилию, образованную от тюркского имени прародителя. Нередки случаи, когда уже через два-три поколения фамилия искажалась, «русифицировалась», впоследствии представляя собой лишь ложную этимологию татарского имени, исходное звучание которого восстановить теперь непросто. Возможно, что именно так случилось и с Юферевыми.

Отметим, что в статье В.Глушкова не указано, дочь какого конкретно Милославского мурза Юфер взял в жены. Но, именно Данила Терентьевич на эту роль подходит максимально логично.

Во-первых, именно в Шелонской пятине, куда в изначально испомещались татарские мурзы, Данило имел поместье — в Свинорецком погосте [7].

Во-вторых, что наиболее важно, у Данилы был интересный для нашей концепции сын, он же брат жены Юфера, у которого все дети и внуки находились на службе у церковных иерархов [8, с. 144], а именно — Дмитрий Милославский. Его дети принадлежали к сословию «владычных детей боярских», т. е. они служили при дворе архиепископа — владыки. А это, учитывая профессию потомков мурзы, очень логично для косвенного подтверждения данного родства. Ни одна другая отрасль Милославских не имела такой «церковной» направленности.

Дмитрий Данилович Милославский в 1537 году был писцом в Бежецком верхе Новгородской чети, был близок

к Троице-Сергиеву монастырю, где и принял постриг в 1551 году. Его сын Иван к 1563 году дослужился до владычного помещика и дьяка Новгородского архиепископа Пимена, второго по рангу духовного лица страны. Владычный дьяк Иван Милославский заведовал канцелярией архиерея, под его руководством составлялись документы, он скреплял их подписью, он вел запись судебных разбирательств и решений суда владычных детей боярских, сидел вместе с казначеем в казне, вел запись доходов и расходов, подписывал грамоты на поместья детям боярским, служившим архиерейскому дому [9] [10]. Это был влиятельный человек. Братья и сыновья Ивана Милославского тоже служили «владычными детьми боярскими».

Если Юфер был зятем Данилы Милославского, то в случае его гибели в русско-литовской войне 1512–1522 годов, а именно для участия в таких походах и «испомящались» татарские воины в Новгородской земле, овдовевшая Даниловна должна была принять постриг — пусть это не было строго обязательной нормой, но было частым явлением того времени. В таком случае дети передавались на воспитание родственникам мужа. А поскольку родни у татарина в Новгородской земле быть не могло, детей мурзы передали одному из братьев матери. А именно Дмитрию Даниловичу Милославскому, ведь он был самым богатым и влиятельным из сыновей Данилы — именно так принимались подобные решения, чтобы посылна была обуза. Конечно, вместе с детьми во временное управление ему передавались и наследуемые ими вотчины погибшего татарина. Так сыновья мурзы, а затем и их дети, как менее богатые родственники, могли стать «послужильцами» Милославских, т. е. нести службу в их пользу, при них, а значит — попасть на службу на двор к архиепископу.

Погибнуть раньше 1515–1520 годов мурза не мог, ведь необходимо было с 1504 года успеть родить восемь сыновей. Но маловероятно и то, что он пережил эту войну, иначе его сыновья достигли бы совершеннолетия и пошли по стопам отца — делали бы военную карьеру, а не попали бы малолетними в распоряжение своего дядьки Дмитрия и не стали бы служащими у клириков.

Таким образом, имеется факт проживания татарских вотчинников в интересующий нас период в одном районе с отраслью Милославских, дети и внуки которых, служили архиереям. Все это неплохо вписывается в концепцию Глушкова. Но, как из Новгородской земли потомок Юфера и родственник Милославских мог попасть в Москву?

Тут отметим, что в период с 1526 по 1542 годы новгородским архиепископом служил святитель Макарий, который с 1542 года стал митрополитом Московским и всея Руси и был им 21 год до самой своей смерти (1563 год). Вполне логично, что с собой в первопрестольную новый митрополит должен был взять ряд приближенных, а они, соответственно, своих «послужильцев». И это происходило не только в год переезда в митрополичью резиденцию, но и позже, в 1553 году, когда святитель Макарий столкнулся в Москве с сопротивлением ряда клириков и писцов при создании Печатного двора, окончательно учрежденного

лишь спустя десять лет. Недовольные деятельностью типографии в те годы даже поджигали ее, и митрополит был вынужден привозить из Новгорода гравёров, духовенство и владычных детей боярских. Самый известный пример такого перемещения специалиста — переезд в Москву новгородского гравёра Васюка Никифорова.

Получается, что в те годы в Москве сидел митрополит с новгородскими корнями, имевший практически неограниченную власть, ввиду своего значительного влияния на молодого Ивана Грозного, а в Новгороде архиепископом был Пимен, который также относился к приближенным царя и митрополита, да еще имел своим первым помощником Ивана Милославского, племянника вдовы Юфера. Притом Пимену, разумеется, тоже было выгодно отправить некоторых своих владычных детей боярских на митрополичий двор для укрепления своих позиций в столице.

Разумеется, в этих условиях Милославские, бывшие тогда фаворитами при владыке новгородском, могли продвинуть по службе своего родственника — молодого Софона Юферева, проявившего, предположим, особые способности к учению и тягу к вере. Таким продвижением мог быть именно переезд из Новгорода в Москву на митрополичий двор для службы и обучения на печатном дворе при Николо-греческом монастыре, куда и требовались митрополиту Макарию «свои» люди. Почему не поехали сами Милославские? Потому, что они занимали более «доходные» должности в Новгороде.

Так «владычные дети боярские» Юферевы могли стать «митрополичьими детьми боярскими», которые в том числе исполняли должности «митрополичьих приказчиков», а позже, при учреждении патриаршества, ставших уже «патриаршими».

Отметим, что переехать в Москву Юферевы должны были именно в 1550-е — 1560-е, поскольку всего через несколько лет после смерти митрополита Макария, в 1569 году владыка Пимен попадает в опалу Ивана Грозного. Архиепископ был унижен, лишен сана, сослан в монастырь, где и умер в 1571 году. А его владычный дьяк Иван Милославский, проходивший по этому же делу, был казнен в 1570 году вместе с сыном Юрием.

Интересно, что если Юферевы попали в Москву на двор митрополита в начале 1550-х, то могло случиться даже так, что молодой Софон, находясь в составе свиты митрополита Макария, в 1555 году встречал у Фроловских ворот Московского кремля прибывший с Вятки крестный ход с Великолукской иконой Николая чудотворца, которую в будущем, в 1615 году, новым крестным ходом привезет в Москву уже его сын Степан Юферев.

Вероятно, что на Вятке Юферевы появились уже после 1589 года, когда состоялся важнейший Московский собор, на котором было учреждено патриаршество на Руси. Помимо установления автокефалии, было определено новое устройство архиерейских кафедр в Русской Церкви. Поскольку Московской митрополит стал патриархом, то сан митрополита закреплялся

за четырьмя крупнейшими кафедрами, бывшими ранее архиепископскими: Новгородской, Казанской, Ростовской и Крутицкой. Сан архиепископа был определен для владык Вологодских, Суздальских, Смоленских, Рязанских, Тверских и Нижегородских. Также было решено установить восемь кафедр епископов — Псковскую, Ржевскую, Великоустюжскую, Белозерскую, Коломенскую, Брянскую, Дмитровскую.

Разумеется, проведение столь масштабного преобразования и расширения штата в любой организации всегда связано с перемещением на новые должности большого количества сотрудников, в данном случае клириков. И, конечно, каждый руководитель собирает «под себя» команду сподвижников, продвигает своих людей.

Вятская десятина тогда входила в митрополичью область, ставшую с 1589 года патриаршей, и с того момента управлялась не просто десятильником, а патриаршим приказчиком, который большинство вопросов решал напрямую с Москвой, а главное — он лично отчитывался перед патриархом по деньгам десятины, часто посещая столицу. Поэтому, разумеется, в те годы из центра прислали на эту должность доверенных людей — протопопов Аггея и Павла Морозовых [11] со своими сподвижниками и родственниками — Юферами.

В «Трудах вятской архивной комиссии 1907 года» [12, с. 4] сказано, что протопоп Аггей Морозов *«записан в Синодике в роде ездившего в Москву с Великолукским образом в 1614–15 г. Никольского протопопа Стефана Юферева, очевидно — как близкий родственник, если не предок»*.

Наиболее вероятно, что Аггей Морозов — это дед Степана Юферева по матери, то есть тесть Софона Юферева. Скорее всего, Софон служил при Агее, был его первым помощником и товарищем. В то время браки чаще всего заключались между представителями одного сословия, между равными. В «Трудах вятской архивной комиссии» 1906 года [13, с. 30] указано, что в кафедральном синодике имеется поминальная запись об отце Степана Софоне, который скончался схимником Сильвестром. В синодике в то время упоминались либо благодетели храмов, что жертвовали в пользу церкви (например, земли), либо усопшие достойные клирики. О древних Юферах почти нет информации, значит, они не были крупными помещиками, чтобы иметь возможность жертвовать земли. Выходит, что Софон был внесен в Синодик именно как служитель церкви. Косвенно родство Юферевых с Морозовыми может подтверждать и совместное владение вотчинами, например, встречается такое название угодья: *«пожня Офонасьевская Юферевская и Морозовская вверх по Вятке»* [14].

Дополнительным аргументом в пользу появления Юферевых и Морозовых на Вятке не ранее 1589 года служит тот факт, что в Книгах оборочных 1592–1605 годов на весь регион учтена всего одна семья Юферевых — Никольского попа Степана Юферева, и три семьи Морозовых — протопопов Аггея и Павла, да посадского человека мельника Игнатия. Тогда как если бы они там жили уже, например,

сто лет, то более чем за три поколения представительство данной фамилии было бы значительно шире.

Таким образом, данный вариант реконструкции всего исторического пути рода Юферевых от татарского мурзы до протопопа Степана в соответствии с концепцией Глушкова не встречает неразрешимых противоречий и расхождений с логикой, и даже напротив неплохо вписывается в исторический процесс.

Ключевые моменты реконструкции:

1. Мурза Юфер был среди перемещенных в Новгородскую четь татар для укрепления обороны западных границ государства;
2. Не боярин, а рядовой дворцовый слуга, посельский, Данило Милославский выдал дочь за мелкого татарского дворянина Юфера;
3. Мурза погиб в русско-литовской войне 1512–1522 годов. Юферева вдова приняла постриг, а детей отдала на попечение брату Дмитрию, сыновья которого служили при церковниках;
4. Дети и внуки мурзы были «послужцами» двоюродных и троюродных своих братьев Милославских, служивших при дворе Новгородского владыки;
5. По ходатайству владычного дьяка Ивана Дмитриевича Милославского Новгородский архиепископ Пимен в 1550–1560-х годах отправил на службу в Москву молодого Софона Юферева на двор московского митрополита Макария, формировавшего печатный двор;
6. Софон Юферев обучался при Николо-греческом монастыре на печатном дворе, где и познакомился с Аг-

геем Морозовым, чью дочь взял в жены. Протопоп Аггей Морозов в 1589 году получил назначение в Хлынов, куда взял с собой зятя Софона с сыном Степаном, вероятно имевшими тогда чины «поп» и «дьяк», соответственно.

Конечно, любая генеалогическая реконструкция — это лишь гипотеза, лишь попытка преодолеть генеалогический разрыв между поколениями исследуемой фамилии путем логических рассуждений и анализа имеющихся сведений.

Разумеется, родословие не претендует на историческую точность и объективность, решая в первую очередь задачу формирования устойчивых смыслов, сохранения собственной идентичности, сплочения группы людей на основе их общего прошлого. Семейные легенды, сказочные мотивы и придания о предках, о былых временах, пожалуй, являются самым интересным элементом генеалогии, представляют особую культурную ценность. История рода — это не просто цепочка имен и дат, а нечто со своим собственным характером, менталитетом и харизмой. Это то, что самоопределяет человека в мире, служит одним из фундаментных блоков его личности.

Данная работа показывает, что концепция происхождения Юферевых, изложенная Василием Ефимовичем Глушковым, теоретически имеет возможность соответствовать действительной истории рода.

Для подтверждения или опровержения приведенной выше генеалогической реконструкции необходимо проведение дальнейших архивных исследований по поиску недоступных широкой публике документов этого периода и выявлению неизвестных ранее фактов по данной теме.

Литература:

1. Глушков, В. Е. Родословная Юферевых / В. Е. Глушков. // Шабалинский край. — 1993. — № 111. — С. 4.
2. РГАДА. 1113–1–4, Книги оборочные 1592–1605, Л. 19.
3. Савосиев, А. Ю. Дьяки и подьячие XIV — XVI веков: происхождение и социальные связи, Том 1 / А. Ю. Савосиев. — Орел: Орловский гос. ун-т, 2015.
4. Вештомов, А. И. История вятчан / А. И. Вештомов. — К., 1907. — 73 с.
5. Селин, А. А. Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI — начало XVII в.) / А. А. Селин. — СПб., 2016.
6. Селин, А. А. Новгородские татары в Смуту и после Смуты / А. А. Селин. — СПб., 2018.
7. РГАДА. Ф. 199. П. 284. Ч. 3. Ед. хр. 22. Л. 10об.
8. Кузьмин, А. В. Смутное время в России: Конфликт и диалог культур. Роль Милославских в смутное время / А. В. Кузьмин. — СПб., 2012. — 144 с.
9. Каптерев, Н. Ф. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси / Н. Ф. Каптерев. — М., 1874.
10. Савосиев, А. Ю. Дьяки в аппарате управления Русской церкви в конце XVI — начале XVII века / А. Ю. Савосиев. — Орел: Орловский гос. ун-т, 2023.
11. Лобанов, Д. В. Морозовы и Юферевы. Реконструкция по Глушкову / Д. В. Лобанов. // Родная Вятка: [https://rodnaya-vyatka.ru/blog/13776/158945].
12. Труды вятской архивной комиссии, 1907 г., Том 3, стр. 4.
13. Труды вятской архивной комиссии, 1906 г., стр. 30.
14. РГАДА 281–20–14191, Перепись 1628–1629 г., Л. 45.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Социальное восприятие африканских студентов в России: анализ современных повседневных практик расизма и экзотизации на примере университета во Владивостоке

Назарова Екатерина Андреевна, специалист первой категории
Владивостокский государственный университет

В статье автор исследует расизм в вузовской среде Владивостока на примере личного опыта иностранных студентов.
Ключевые слова: иностранные студенты, расизм, Африка, Россия.

Россия сегодня активно привлекает иностранных студентов, вкладываясь в программы студенческих обменов и квот на бесплатное образование иностранных студентов. Но за успешными цифрами приема и праздничными фотографиями со дня первокурсника начинается другая, куда менее парадная история. После торжественной линейки наступают обычные дни — с лекциями, походами в магазин, поездками в автобусе. И именно в этой повседневности, которая редко попадает в официальные отчеты, иностранные студенты сталкиваются не только с новыми знаниями, но и с неожиданными вызовами.

Для студентов из Африки жизнь в России — это не только лекции и сессии. Часто главным испытанием для них становится не учебная нагрузка, а отношение окружающих. Они оказываются между двух огней: с одной стороны, могут столкнуться с недоверием или грубостью, а с другой — с чрезмерным, навязчивым вниманием, когда их воспринимают не как личность, а как «экзотику». Это похоже на ситуацию, когда тебя то игнорируют, то рассматривают как экспонат в музее — и то, и другое неприятно и мешает почувствовать себя своим.

Именно об этом пойдет речь в моем исследовании. Как на самом деле живётся африканским студентам в России? С какими странными ситуациями они сталкиваются в новой стране.

Эти вопросы особенно важны для таких городов, как Владивосток. Здесь студенты из Африки заметны гораздо сильнее, чем в Москве или Петербурге, где располагаются самые крупные университеты, привлекающие большинство иностранцев. Их опыт — как увеличительное стекло, через которое видны и проблемы, и возможности настоящей, а не просто «на бумаге», дружбы между культурами. Эта ситуация приобретает особую остроту в спе-

цифическом контексте Владивостока. Здесь африканские студенты буквально «бросаются в глаза» — они оказываются самой необычной и заметной группой. И дело не только в цвете кожи: в городе, где основную массу иностранцев традиционно составляют выходцы из стран Азии — от Азербайджана и Узбекистана до Китая, Кореи и Японии, — чернокожий студент становится не просто «ещё одним иностранцем», а живым воплощением далёкого и экзотического континента.

Жизнь африканского студента в России часто балансирует между двумя полюсами нездорового внимания, которые, как магнитные силы, искажают пространство вокруг него.

На одном полюсе — классический расизм: отстранённое молчание. Его формула звучит как приговор: «Ты отличаешься — значит, ты чужой». Он не всегда кричит, чаще он шепчет — в избегающем взгляде в автобусе, в том, как кассир внезапно «не замечает» тебя в очереди, в привычном для полиции вопросе: «Документы». Его цель — выстроить невидимую стену.

На другом — экзотизация: навязчивое любопытство. Его формула похожа на комплимент, но несёт в себе тот же посыл: «Ты отличаешься — значит, ты объект». Он проявляется в желании потрогать волосы, как музейный экспонат, в вопросах о «настоящей Африке», словно это не континент, а сказка, в комплиментах, которые хвалят не тебя, а стереотип о твоей коже. Его цель — присвоить, превратив человека в сувенир. [1]

По сути, это два лика одного явления: если в первом случае тебя стараются не замечать, то во втором — замечают лишь оболочку. Оба сценария крадут у человека самое простое и важное — право быть собой, а не диковиной.

Чтобы понять, как эти абстрактные механизмы работают в реальности, обратимся к конкретной аудитории

моего исследования. Сообщество африканских студентов нашего университета, хотя и немногочисленно, но отличается удивительным разнообразием. На основании данных международного департамента нашего университета за последнее десятилетие (2016–2026 гг.) возможно увидеть не только общую динамику приезда, но и составить своеобразную карту — узнать, из каких именно стран Африки приезжали учиться ребята, как менялась география и какие регионы континента представлены у нас наиболее ярко.

На протяжении последних десяти лет — с 2016 по 2026 год — в стенах нашего университета можно было встретить студентов из самых разных уголков Африки. Всего за это время здесь учились представители пятнадцати стран, и география их прибытия похожа на красочную карту континента, спроецированную в учебные аудитории и коридоры общежития.

Это не просто список государств — за каждым названием стоит целый культурный мир со своим языком, историей и традициями. Вот студенты из франкоязычных стран Центральной и Западной Африки: Демократическая Республика Конго и Республика Конго, Сенегал и Мали. Рядом с ними — те, для кого языком обучения стал английский: Нигерия и Гана, Замбия и Зимбабве. А ещё — молодые люди из португальскоязычного пространства: Мозамбик и Гвинея-Бисау. И конечно, представители арабскоязычного севера континента: Египет, Ливия, Южный Судан.

Особое место в этом пестром студенческом сообществе занимают те, чьи страны говорят на менее распространённых в России языках: студенты из испаноязычной Экваториальной Гвинеи и Эфиопии, где звучит мелодичный амхарский.

Всё это разнообразие — не просто статистика. Оно делает нашу университетскую среду живой, многоголосой, похожей на уменьшенную, но очень точную модель всей Африки. Здесь, в одном здании или на одной скамейке в парке, незримо встречаются разные миры — лингвистические, исторические, культурные. И именно внутри этой встречи, внутри этого пересечения, и рождается тот самый уникальный опыт, который мы попытались понять и описать.

Исследование охватило целый континент в миниатюре — от франкофонных просторов до англоязычных мегаполисов, от португальскоязычных побережий до арабскоязычного севера. Но за этой многоголосой лингвистической картой скрывался главный вопрос: что происходит, когда все эти миры встречаются с единой, часто негибкой реальностью российского города? Ответ искали у единственных подлинных проводников — самих студентов. В диалоге участвовали как те, кто учится в России уже около двух лет, так и новоприбывшие, что позволило увидеть контраст между первым впечатлением и опытом адаптации. Я задала всем один вопрос — «Сталкивались ли вы когда-либо с расизмом или обратным расизмом в России? В университете?». Давайте рассмотрим ответы студентов:

«Опыт жизни в России для меня — это контрасты. В целом, я нахожу страну красивой и хорошей. Однажды, когда я был в торговом центре с моей белой девушкой со мной произошёл показательный случай. Мальчик, вероятно впервые увидевший чернокожего человека, не мог отвести от меня глаз. Я подозвал его, и он, осторожно подойдя, подарил маленькую игрушку и спросил: «Почему ты чёрный?»

Вопрос прозвучал как удар. Если бы это был взрослый, это прозвучало бы оскорбительно. Но я понял, что это было детское, невинное любопытство. Этот момент научил меня мудрости и осторожности в чужой стране, где вспыльчивость может привести к серьёзным последствиям. Терпение — это тоже сила.

К счастью, такие публичные ситуации уравниваются теплотой и принятием в моём университете. Я получаю здесь невероятную доброту и поддержку, которые укрепляют мою уверенность и мотивацию глубоко выучить русский язык. Именно этот контраст — между случайным невежеством на улице и искренним принятием в академической среде — и определяет мой сложный, но обнадеживающий опыт здесь»

Публичное пространство — улица, торговый центр — может преподносить болезненные столкновения. Вопрос «почему ты чёрный?», даже рождённый из детского любопытства, ощущается как удар и заставляет человека чувствовать себя объектом, а не личностью. В ответ вырабатывается стратегия сдержанности и терпения — не как слабость, а как осознанная необходимость для безопасности.

Но существует и другая реальность — пространство университета. Здесь студент находит принятие, поддержку и чувство общности, которые компенсируют публичные трудности. Именно эта «тихая гавань» внутри вуза даёт силы и мотивацию для адаптации, например, для глубокого изучения языка.

Таким образом, история отражает ключевой парадокс: чтобы сохранить себя и интегрироваться, студенту приходится постоянно переключаться между ролью «терпеливого просветителя» на улице и ролью «полноценного человека» в стенах университета.

В ходе нашего разговора о личном опыте и восприятии межнационального общения ещё одна студентка подчеркнула, что на территории университета также не сталкивается с проявлениями расизма и чувствует себя частью дружелюбного и равноправного учебного сообщества.

Далее она поделилась более развёрнутым личным мнением:

Что касается темы расизма, то лично я не считаю себя его жертвой — ни во Владивостоке или в России в целом, ни в университете, будь то со стороны однокурсников или сотрудников, которые ежедневно с нами взаимодействуют.

Я чувствую себя комфортно и нахожусь в академической среде, которую считаю нормальной, с равными для всех требованиями и задачами. Если расизм и существует, я его никогда не замечал.

«Обратный расизм» — лично я не согласна с этим термином, потому что все мы — люди, и если поступок белого человека считается расизмом, то аналогичный поступок чёрного, индуса или человека другого цвета кожи — тоже. Поэтому, на мой взгляд, это не следует называть «обратным», а просто «расизмом».

В отношении этой темы могу сказать, что я сама общаюсь с людьми других цветов кожи, религий и этносов с уважением и гармонией, не переходя границ, установленных мной и ими для добрососедского сосуществования.

Её позиция подтверждает важность открытого диалога и личной ответственности каждого за создание атмосферы взаимопонимания в многонациональной студенческой среде.

Истории этих двух иностранных студентов показывают, насколько по-разному можно чувствовать себя в новой стране. Их опыт — как два взгляда на одну и ту же картину, и оба они по-своему правдивы.

Первый студент говорит о «двух Россиях». На улице он иногда сталкивается с неловкими ситуациями — из-за любопытства или незнания. Это заставляет его быть терпеливым и сдержанным в общественных местах. Но в университете он находит совсем другую атмосферу — поддержку, доброту и чувство дома. Именно здесь он заряжается силами, чтобы учить язык и адаптироваться. Для него Россия — это контраст между временным дискомфортом на улице и теплом внутри вуза.

Вторая студентка видит ситуацию иначе. Она не чувствует себя жертвой расизма — ни в городе, ни в университете. Для неё учеба проходит в нормальной и ком-

фортной обстановке, где ко всем относятся одинаково. Она считает, что главное в общении — это уважение к другим, независимо от их внешности или происхождения. И если кто-то ведёт себя предвзято, это просто расизм — без всяких «обратных» форм.

Что же общего в их историях?

Университет — это безопасное пространство. Оба студента — каждый по-своему — находят в вузе то, что им нужно. Для одного это спасение от случайных трудностей, для другой — естественная среда, где нет места напряжению. Это подтверждает, что образование создаёт мост между культурами.

Личное отношение решает многое. Оба не ждут, что всё сложится само. Первый сознательно выбирает терпение и понимание. Вторая — сразу строит общение на равных. Их опыт показывает: многое зависит от самого человека.

Нельзя ставить всё под один ярлык. Нельзя сказать, что в России всем иностранцам легко или всем сложно. Реальность сложнее: где-то можно столкнуться с непониманием, а где-то — найти искреннюю помощь и дружбу. Оба мнения имеют право на существование.

В итоге, эти два голоса напоминают нам о простой, но важной вещи: главное — это диалог и готовность услышать другого. Университеты уже становятся таким местом встречи, где стираются границы. И если этот опыт — принятия, уважения и равноправия — будет выходить за пределы кампусов, жить и учиться в России станет комфортнее для всех — независимо от цвета кожи или страны, из которой ты приехал.

Литература:

1. Гибридность, апроприация, плюриверсальность и еще пять слов для понимания модернизма сегодня. — Текст: электронный // ges-2: [сайт]. — URL: <https://ges-2.org/modernism-today-eight-key-words> (дата обращения: 20.01.2026).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 5 (608) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 11.02.2026. Дата выхода в свет: 18.02.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.